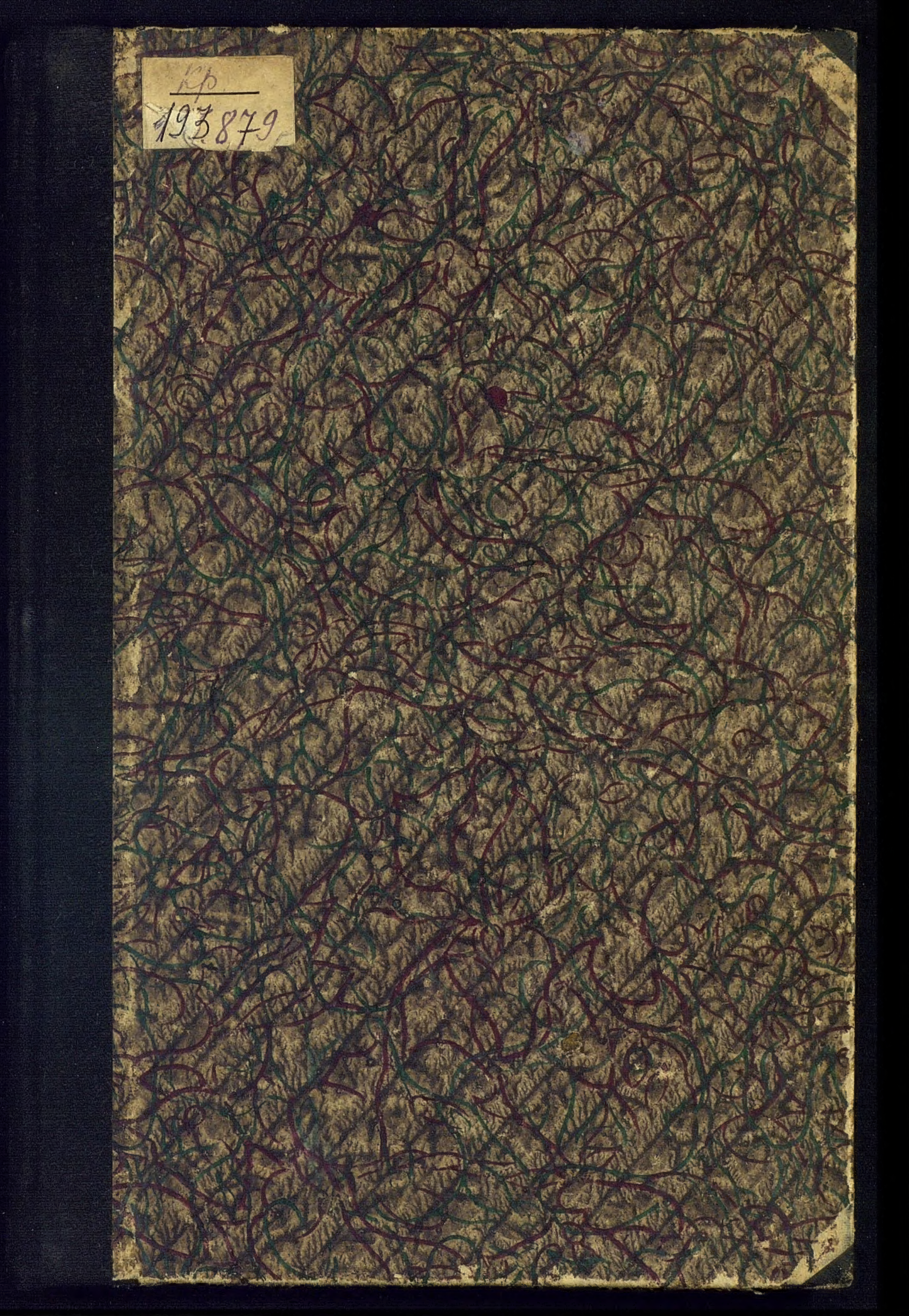
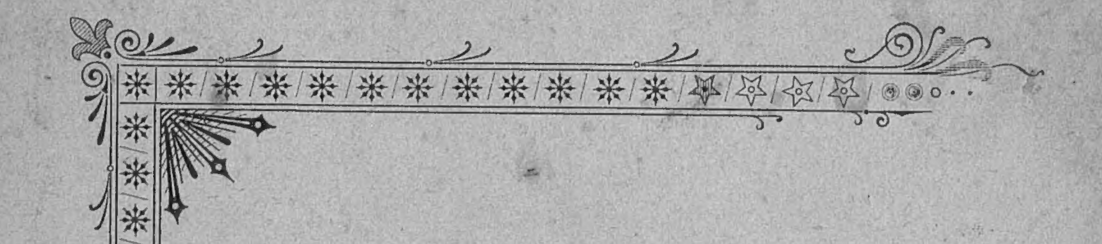

Древніе Осетины и Осетія.

СОЧИНЕНІЕ
Александра Кодзаева.

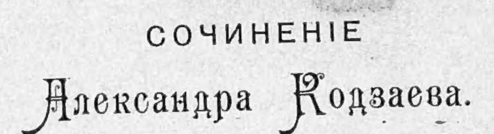
ИЗДАНІЕ
Р. СЕГАЛЬ и С-вья въ Владикавказѣ.
Типографія и писчебумажный магазинъ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Р. Сегаль и С-вья.
1903.

Глубокоуважаемому
[illegible] от автора

Древніе Осетины и Осетія.

СОЧИНЕНІЕ
Александра Кодзаева.

ИЗДАНІЕ
Р. СЕГАЛЬ и С-вья въ Владикавказѣ.
Типографія и писчебумажный магазинъ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Р. Сегаль и С-вья.
1903.

Дозволено цензурою. Тифлисъ 29 іюня 1903 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ умиротвореніемъ Кавказа для Осетинъ наступила новая эпоха исторической жизни. Богатыя дарованія этого индоевропейскаго племени, задержанныя неблагопріятными историческими обстоятельствами, выказались съ этого времени съ необыкновенною силою. Во внутренней жизни это историческое движеніе выразилось въ крупныхъ культурныхъ плодахъ, и прежде всего въ письменности. На всемъ протяженіи своей длинной исторической жизни Осетины не имѣли письменности, не имѣли, отсюда, и національной лѣтописи.

Съ 40-ыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія Осетія осчастливлена первой грамматикой родного языка, и съ тѣхъ поръ языкъ обогатился драгоцѣнными памятниками самобытной и переводной литературы. Но вѣнцомъ и вмѣстѣ истиннымъ показателемъ сдѣланнаго народомъ культурнаго шага является принятіе имъ христіанской религіи, которая открываетъ ему дверь къ универсально-человѣческому совершенству. Сѣмя христіанства пало на благодатную почву. Лучшимъ произрастаніемъ его является Ардонская Миссіонерская Духовная Семинарія, дающая новопріобрѣтенному удѣлу Христа достойныхъ служителей родной церкви, возстановленной на развалинахъ славной Осетинской митрополіи былыхъ дней. Внѣшнее торжество христіанства сопровождается успѣхами во внутренней жизни. Благодаря совмѣстному дѣйствію многихъ условій христіанизація народа идетъ быстро.

Сложившіеся тысячелѣтіями грубоязыческіе взгляды на семейныя и общественныя отношенія смѣняются христіанскими. Въ этихъ признакахъ времени мы видимъ предзнаменованіе лучшаго будущаго своей маленькой родины, а для себя силь-

нѣйшее побужденіе представить посильный очеркъ ея прошлой исторической жизни. Мотивъ предпріятія внушенъ намъ такимъ образомъ прежде всего духомъ времени. Осетія дѣломъ заявляетъ о себѣ и съ этимъ уже приходится считаться—какъ съ фактомъ, правильное пониманіе и разрѣшеніе котораго возможно только путемъ возстановленія его связи съ предшествующею исторіею народа. Въ національно-культурномъ движеніи исторія служитъ тѣмъ зеркаломъ, въ которомъ народъ можетъ видѣть лучшее отображеніе своей физіономіи.

Довольно богатая литература объ Осетіи, повидимому, служитъ лучшимъ отвѣтомъ на этотъ запросъ времени: Осетины съ начала прошлаго столѣтія подверглись всестороннему изученію, и имя ихъ заняло въ современной русской и иностранной печати почти такое же мѣсто, какое занимали предки ихъ у писателей—классиковъ, древнихъ географовъ и историковъ. Но изъ этой литературы на долю исторіи приходится самая незначительная частица.

Первымъ, представившимъ на русскомъ языкѣ исторію Осетіи, подъ названіемъ: «Матеріалы по древней исторіи Осетинъ»,—былъ докторъ правъ Пфафъ. Трудъ этотъ писался въ то время, когда самый фундаментъ Осетинской исторіи—вопросъ объ ихъ иранскомъ происхожденіи,—не былъ еще рѣшенъ. Авторъ остановился на семитическомъ происхожденіи Осетинъ, и эта ложная нота, послѣдовательно проведенная имъ на всемъ протяженіи своей исторіи, весьма значительно умалила значеніе его труда. Нѣсколько устраненъ этотъ недостатокъ г. Лавровымъ въ его замѣткахъ «объ Осетіи и Осетинахъ», но и здѣсь иранству Осетинъ не дано подобающаго мѣста... Между тѣмъ, этотъ принципіальный вопросъ проливаетъ свѣтъ положительно на всѣ стороны исторической жизни. Имѣя это въ виду, мы остановились довольно подробно на этомъ вопросѣ, разобравъ его въ лингвистическомъ, литературномъ, юридическомъ, археологическомъ и самое главное—гдѣ мы чувствовали себя свободнѣе—миѳологическомъ отношеніяхъ.

Въ изложеніи руководились соображеніемъ возможно сжа-

таго выраженія и приведенія въ извѣстность, путемъ цитацій, лучшихъ пособій по этимъ отдѣламъ.

Съ другой стороны упомянутые и другіе историки послѣдовательно игнорируютъ при объясненіи событій гражданской исторіи явленія церковной жизни, отдѣляя имъ едва замѣтное, такъ сказать, мимоходное мѣсто. Между тѣмъ сама жизнь выставляетъ факты обратнаго свойства. Мы замѣчаемъ, что рядомъ съ постепеннымъ усиленіемъ политической силы Осетіи развивается и церковное дѣло; высшій расцвѣтъ политическаго могущества въ лицѣ единодержавнаго царя Осетіи ознаменовался и церковнымъ торжествомъ, выразившимся въ открытіи особой митрополіи. Паденіе царскаго могущества сопровождалось также закрытіемъ митрополіи и медленнымъ вымираніемъ христіанства. Это параллельное движеніе гражданской и церковной жизни *безпрекословно свидѣтельствуетъ о внутренней органической связи ихъ между собою.*

Имѣя это обстоятельство въ виду, мы дали должное мѣсто событіямъ гражданской исторіи и этимъ устранили ненормальное разграниченіе органическаго цѣлаго, т. е. христіанизаціи народа съ централизаціей страны. Эти двѣ стороны проникнуты внутреннимъ единствомъ и взаимно питаютъ другъ друга.

Наконецъ не можемъ умолчать о своихъ предшественникахъ по темѣ. Впервые изъ природныхъ Осетинъ занялся исторіей христіанства въ Осетіи св. Гатуевъ («христіанство въ Осетіи»); ему послѣдовалъ протоіерей Бѣляевъ («Русскія миссіи на окраинахъ»). Тотъ и другой пользовались «матеріалами по новой исторіи Кавказа» П. Г. Буткова; но ни одинъ изъ нихъ не удѣлилъ должнаго вниманія древнему христіанству. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о христіанствѣ до открытія русской миссіи въ 1746 году—они обстоятельно излагаютъ исторію возстановленія христіанства съ этого времени. Имъ осталось неизвѣстнымъ даже то, что Осетія когда-то имѣла свою митрополію и національныхъ архіереевъ и священниковъ.

Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, мы обратили особенное вниманіе на древній періодъ до половины XV вѣка и не сожалѣемъ особенно, что намъ по многимъ обстоятельствамъ не

удалось довести дѣло постепеннаго возрастанія своихъ сородичей во Христѣ до настоящихъ дней. Трудъ св. Гатуева «христіанство въ Осетіи», Протоіерея Бѣляева «Русскія миссіи на окраинахъ», и длинный докладъ на V археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ 1881 года Протоіерея Каменскаго «о возстановленіи христіанства среди Осетинъ въ XVIII вѣкѣ» могутъ служить прекраснымъ продолженіемъ къ нашей работѣ. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ самой работы. Она требовала отъ насъ, во 1-хъ, послѣдовательнаго, безъ скачковъ, изложенія естественнаго историческаго роста народа въ христіанствѣ,—во 2-хъ, всесторонняго разсмотрѣнія жизни подъ вліяніемъ даннаго фактора. Намъ нужно было не только показать, что существовала въ Осетіи проповѣдь христіанства (внѣшняя сторона дѣла), но и то—какіе были плоды этой проповѣди, не забывая при этомъ постепенность роста. Въ такой постановкѣ тема является совершенно новой во всей литературѣ объ Осетіи, именно—въ своемъ требованіи послѣдовательности во времени и всесторонности въ объемѣ. Чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, мы перечитали положительно все, такъ или иначе знакомившее насъ съ исторіею Осетинъ и тѣхъ отношеній, въ которыхъ они въ различныя времена находились съ культурными народами. Изученіе этого рода дало намъ возможность сдѣлать не мало предположеній, съ необходимостью вытекающихъ изъ хода дѣлъ и пополняющихъ пробѣлы источниковъ. Если тѣмъ не менѣе мы не избѣгли недостатковъ, большую вину приписываемъ отсутствію хорошихъ источниковъ и пособій, именно—свидѣтельства древнихъ писателей касаются Осетіи только мимоходомъ, случайно, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, а современныя ученыя изслѣдованія имѣютъ свои спеціальныя цѣли.

А. Н. Кодзаевъ.

Отдѣлъ первый

Глава I.

Въ центрѣ Кавказскихъ горъ живетъ маленькій горный народецъ—Осетины. Не выдѣляясь ни численностью, ни уровнемъ своей культуры надъ многочисленными другими горными народцами Кавказа, Осетины однако болѣе всѣхъ обратили на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей Кавказа. Такой интересъ къ изученію Осетинъ имѣетъ свою причину въ прошломъ этого народа, и она несомнѣнно заключается въ томъ, что Осетины принадлежатъ къ народамъ Индо-Европейской семьи, къ ея Иранской вѣтви, и были нѣкогда многочисленнымъ и могущественнымъ племенемъ, разсѣяннымъ по всѣмъ тремъ частямъ стараго Свѣта. Но эта принадлежность ихъ къ арійскимъ народамъ не сразу была установлена. Долгое время существовали самыя разнорѣчивыя мнѣнія о происхожденіи Осетинъ. Еще академикъ Гильденштедтъ, совершившій путешествіе на Кавказъ въ 1770—1773 гг., на основаніи сходства нѣкоторыхъ именъ высказалъ мнѣніе о тождествѣ Осетинъ съ Половцами; «послѣ пораженія Половцевъ на Дону Россіянами въ 1110 году остатокъ ихъ, нынѣшніе Осетины, говоритъ онъ, убѣжалъ въ горы Кавказскія»[1]). Мнѣніе это по недостатку научной обоснованности не принято изслѣдователями Кавказа и осталось совершенно одинокимъ.

Болѣе серьезнаго отношенія заслуживаетъ мнѣніе доктора правъ Пфафа. Онъ первый изъ русскихъ ученыхъ занялся

[1]) «Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа» Акад. Ив. А. Гильденштедта, СПБ. 1809 г. стр. 89 ср. Сума: «Историч. разсужд. объ уцахъ или Половцахъ (Осетинахъ)» Москва 1848 г.

изученіемъ Осетинскаго обычнаго права, разобравъ въ своихъ трудахъ не мало и другихъ вопросовъ этнологическаго и историческаго характера. По заявленію самого автора, онъ посвятилъ изученію Осетинъ весь свой досугъ въ продолженіи трехъ лѣтъ и изъѣздилъ или исходилъ пѣшкомъ всѣ ущелія Осетіи, какъ по сѣверному, такъ и по южному склону Кавказа. Эти разъѣзды въ связи съ изученіемъ громадной русской и иностранной литературы о Кавказѣ авторъ считаетъ достаточными для того, чтобы приступить къ рѣшенію труднаго вопроса о происхожденіи Осетинъ. [1]) Этому предмету посвящена его обширная статья подъ названіемъ: «этнологическія изслѣдованія объ Осетинахъ» [2]). Авторъ «изслѣдованій» видитъ въ Осетинахъ смѣшеніе арійскаго племени съ семитическимъ. Первая половина мысли не принадлежитъ ему: она имъ только повторена, и потому онъ и не обосновываетъ ея въ своихъ изслѣдованіяхъ. Вторая же половина мысли о семитизмѣ Осетинъ, наоборотъ, принадлежитъ ему, и онъ приложилъ не мало старанія, чтобы придать ей научную основательность. Для доказательства своей мысли авторъ прежде всего пользуется данными антропологіи. «Проѣзжая по Алагирскому и Касарскому ущеліямъ, я былъ пораженъ, говоритъ авторъ, сходствомъ многихъ жителей въ физіономіи и жестахъ съ евреями. Дѣти Алагирскихъ жителей и нѣкоторые взрослые носятъ волосы точно такъ же обстриженными, какъ евреи. Глаза большею частью коричневые и съ тѣмъ же хитро-пытливымъ выраженіемъ, какимъ еврейскій глазъ типично отличается отъ глаза всѣхъ другихъ національностей. Складъ физіономіи округленный и челюсти довольно сильно развиты. Подбородокъ довольно длинный и и часто выдается нѣсколько впередъ. Но главный признакъ семитическаго происхожденія Осетинъ—ихъ говоръ, выражающій всю торопливую суетливость торгующаго еврея, чему соотвѣтствуютъ и жесты и нравъ. Въ фонетическомъ отношеніи Клапротъ сравнивалъ осетинскій говоръ съ нѣмецкимъ, но это ошибочно и основывается на поверхностномъ знакомствѣ съ

---

[1]) Сборн. Свѣдѣній о Кавказѣ т. II, стр. 80.

[2]) Ibid p. 80.

этимъ народомъ» [1]). Думаемъ, лучшую критику антропологическаго экскурса сдѣлалъ самъ авторъ своей прибавкой о разногласіи съ знаменитымъ ученымъ французскимъ путешественникомъ начала прошлаго столѣтія. Къ такому же выводу, какъ Клапротъ, пришелъ, какъ увидимъ дальше, баронъ Гагстгаузенъ. Поэтому мы склонны думать, что причина ошибочнаго мнѣнія заключается здѣсь не въ недостаточномъ знакомствѣ съ осетинскимъ народомъ, а въ условности, неустойчивости самой антропологической почвы, на которой стояли упомянутые ученые при рѣшеніи столь труднаго этнологическаго вопроса. Сознавая это, послѣдующіе ученые не становились больше на эту почву.

Къ даннымъ лингвистики авторъ относится скептически. Одно только слово заставило его нарушить эту послѣдовательность. Въ центрѣ Осетіи въ Даргавскомъ ущеліи есть селеніе Джимара, получившее свое названіе отъ высокой снѣговой горы подъ тѣмъ же названіемъ. Сближая это названіе горы съ названіемъ колѣна еврейскаго народа Гамèръ или Джимеръ, авторъ утверждаетъ, что корень Осетинскаго народа составленъ изъ названнаго колѣна.

Отказываясь въ настоящемъ случаѣ отъ выраженія собственнаго мнѣнія, мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, обойти молчаніемъ одно обстоятельство. Въ рукописяхъ П. Г. Буткова, хранящихся въ Имп. Ак. наукъ, мы натолкнулись на данныя, подтверждающія, повидимому, вышеприведенное мнѣніе о происхожденіи названія Джимара. Поставивъ вопросъ о древнѣйшихъ жителяхъ Кавказа, этотъ основательный знатокъ исторіи перечисляетъ народы и въ томъ числѣ Гамеровъ, населявшихъ въ доисторическія времена Кавказъ [2]). По мнѣнію Буткова, Гамеры или Джимеры (Кимеры) происходятъ отъ старшаго сына Іафетова—Гамера. Поселенія ихъ начинались верховьями р.р. Кубани и Ингуры и простирались до Боспора Киммерійскаго, получившаго свое названіе отъ нихъ [3]). За 7 столѣтій до Р. Х. произошло столкновеніе Гамеровъ съ Ѳаргамами, которое кон-

---

[1]) Сбор. Свѣд. о Кавказѣ т. II, стр. 81.

[2]) Рукоп. № 6-б стр. 16; № 6-а стр. 76.

[3]) № 6-б стр. 16—17.

чилось печально для первыхъ. Гамеры были разсѣяны съ своихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства: одна часть ихъ убѣжала въ малую Азію, другая къ сѣверу, а третья въ горы [1]). Эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ рукописей Буткова—основательнаго знатока исторіи Кавказа, удерживають насъ отъ критики даннаго мнѣнія.

Но тенденція, усвоенная г. Пфафомъ съ самаго начала его знакомства съ Осетинами, проведена имъ слишкомъ односторонне, а въ изслѣдованіи юридическаго быта Осетинъ даже въ противорѣчіи съ сравнительной исторіей права, а потому мы не можемъ не отвергнуть совершенно юридическія данныя, приводимыя авторомъ «народнаго права Осетинъ» [2]) въ пользу своего мнѣнія о семитическомъ происхожденіи Осетинъ. «У коренныхъ Осетинъ сынъ почти всегда остается жить при отцѣ и всю жизнь безпрекословно подчиняется ему и всѣмъ старшимъ въ родѣ: это учрежденіе чисто семитическое. Осетины народъ патріархальный по преимуществу. По коренному осетинскому обычаю, братъ былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата; это такъ называемый левиратный бракъ, учрежденіе, какъ извѣстно, свойственное только семитамъ. У Осетинъ всякій живущій въ достаткѣ, кромѣ законной жены, держалъ еще одну или нѣсколько наложницъ (номлус-*nominalis uxor*); дѣти, рожденныя отъ подобной наложницы или именной жены, назывались кавдасардами отъ того, что рождались въ ясляхъ. Кавдасарды служили старшимъ въ родѣ и братьямъ, какъ рабы» [3]).

Не останавливаясь на этихъ и подобныхъ утвержденіяхъ автора народнаго права Осетинъ, мы замѣтимъ, что жизнь родителей сообща съ дѣтьми составляетъ общую черту народовъ, въ быту которыхъ удержалось такъ называемая семейная община. [4]) Тоже самое должно сказать относительно левиратнаго

[1]) № 6-а стр. 308, ср. «Замѣтки объ Осетіи и Осетинахъ» въ матеріал. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. III, 1883 г. стр. 1 -314; особ. стр. 177—181.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I и II.

[3]) Назван. сочин. т. I стр. 177—227; т. II, 258—337.

[4]) М. Ковалевскій. «Современный обычай и древній законъ», т. I, стр. 11—14; Журн. Мин. Н. Пр. Ч. CCCXXXIII, Янв. 1901 г. стр. 114—127. Статья А. Погодина: «Примитивныя формы общественнаго быта».

брака, въ которомъ авторъ видитъ доказательства семитизма Осетинъ. По свидѣтельству этнографовъ и историковъ, онъ свойственъ многимъ народамъ въ эпоху ихъ перехода отъ семейной поліандріи къ индивидуальному браку. Изъ Арійскихъ народовъ его одинаково знаютъ Индусы и Греки, хотя ни одинъ изслѣдователь и не позволитъ себѣ доказывать на этомъ основаніи принадлежность Осетинъ къ тѣмъ или другимъ народамъ. Наконецъ и относительно послѣдняго положенія нужно замѣтить, что и оно имѣетъ небольшую доказательную силу. Краснорѣчивымъ опроверженіемъ его служитъ индусскій, греческій и римскій конкубинатъ съ тѣмъ положеніемъ дѣтей, рожденныхъ въ немъ, которое вполнѣ замѣняетъ положеніе Осетинскихъ кавдасардовъ. Попытка объяснить происхожденіе Осетинъ отъ нѣмцевъ принадлежитъ барону Гагстгаузену. Констатируя сходство Осетинскаго языка съ персидскимъ по содержанію, [1]) онъ, тѣмъ не менѣе, во внѣшнемъ характерѣ языка видитъ настоящее нѣмецкое вліяніе. «Медленная рѣчь Осетина, говоритъ авторъ, въ противоположность образу выраженія прочихъ Кавказцевъ, тонъ, каданcъ голоса, звукъ словъ—все это имѣетъ въ себѣ что-то нѣмецкое, а именно сѣверо, а не югонѣмецкое; такъ что на нѣкоторомъ разстояніи можно подумать, что говорятъ между собою нижне-саксонскіе крестьяне. Осетинское пѣніе имѣетъ также что-то европейское. Пѣніе Армянъ и Грузинъ—самыхъ образованныхъ народовъ Кавказа состоитъ изъ такихъ звуковъ, которыхъ мы не можетъ передать нашими нотами. Не то пѣніе Осетинъ: оно имѣетъ опредѣленную мелодію и кадансы, сообразные нашей гаммѣ». [2]) На основаніи приведенныхъ соображеній авторъ далѣе заключаетъ: «Осетины происходятъ отъ готскихъ и другихъ германскихъ племенъ, разбитыхъ Гуннами и оставшихся въ горахъ Кавказа». [3]) Несомнѣненъ фактъ сходства Осетинскаго говора съ нѣмецкимъ, весьма понятный, если принять во вниманіе сходство всѣхъ арійскихъ языковъ между собою, но неожиданнымъ и неосно-

[1]) «Закавказскій Край» Бар. Гагстгаузена, т. II, стр. 112—114.

[2]) Ibid p. 115

[3]) Ibid p. 116—117.

вательнымъ является выводъ, сдѣланный авторомъ на основаніи тѣхъ шаткихъ положеній, которыя мы только что приводили. Мы уже выше видѣли, что тѣ же явленія въ языкѣ Осетинъ Пфафъ считалъ доказательствомъ семитическаго происхожденія Осетинъ. [1]) Одно это обстоятельство говоритъ о не научности обоихъ мнѣній.

Несравненно большую услугу оказали рѣшенію вопроса о происхожденіи Осетинъ тѣ изъ ученыхъ изслѣдователей, которые, стоя на почвѣ лингвистической, считали необходимымъ изученіе Осетинскаго языка.[2]) Первымъ такимъ изслѣдователемъ былъ Клапротъ, совершившій путешествіе на Кав. въ началѣ XIX столѣтія. [3]) Послѣ него за обработку Осетинскаго языка брался въ 30 и 40-хъ годахъ Академикъ Шегренъ, издавшій въ 1844 году первую грамматику и краткій словарь Осетинскаго языка. [4]) Наконецъ, въ 1844—5 г.г. появилась грамматика и небольшой списокъ словъ доктора Г. Розена въ Берлинской Академіи. На основаніи этихъ трудовъ знаменитый языковѣдъ Фридрихъ Мюллеръ призналъ осетинскій языкъ за настоящее индо-европейское нарѣчіе иранской вѣтви и доказалъ, что въ этомъ языкѣ сохранились нѣкоторыя первобытныя черты, дающія ему преимущество предъ родственными языками. [5]) Тѣмъ не менѣе, до появленія въ свѣтъ «Осетинскихъ этюдовъ» Профессора Вс. Ѳеод. Миллера мнѣніе объ иранствѣ Осетинъ не выдѣлялось между другими мнѣніями. Въ третьемъ томѣ своихъ этюдовъ этотъ знатокъ Осетинскаго языка помѣстилъ резуль-

---

[1]) Сбор. свѣд. о Кавк. горц. IV, стр. 2; Сб. свѣд. о Кав., т. II, стр. 82—83.

[2]) Благодаря этому обстоятельству осетинскій языкъ обогатился письменностью, чего до прошлаго столѣтія не было.

[3]) Сочиненіе его. Reise in den Kaucasus... Краткое извлеченіе изъ него на рус. языкѣ въ «Очеркахъ Россіи». 1838 г. кн. I Вад. Пассека.

[4]) По словамъ. Бар. Услара во второй періодъ своихъ изслѣдованій Шегренъ впалъ въ сомнѣніе относительно того, слѣдуетъ-ли Осетинъ, несмотря на ихъ названіе «ироны», причислять къ иранской вѣтви Арійской расы. Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ. Услара стр. 178.

[5]) Въ сочиненіи: Ueber die Stellung des Ossetischen im Eranschen Sprachkreise, Wien 1861 г.

таты своихъ долголѣтнихъ трудовъ по изученію Осетинскаго народа [1]).

Иранскіе народы, говоритъ авторъ этюдовъ, являются въ двухъ формахъ быта: осѣдлой и кочевой. Въ то время, какъ народы Трансаксоніи и юговосточной Россіи живутъ въ кочевомъ быту,—народы той-же вѣтви въ собственномъ Иранѣ на югѣ живутъ въ быту осѣдломъ и достигли значительнаго культурнаго развитія вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ культурныхъ народовъ — Халдеевъ и Ассиріанъ. Исторія знаетъ переходъ народовъ отъ кочевого быта къ осѣдлому. Предки Осетинъ были кочевымъ народомъ. Отсюда можно вывести заключеніе, что предки Осетинъ нѣкогда пришли въ древнѣйшія мѣста своего поселенія на Сѣверо-Кавказской равнинѣ и юго-восточной Россіи не изъ собственнаго Ирана, не изъ Персіи и Мидіи, а изъ мѣстъ болѣе сѣверныхъ и болѣе близкихъ къ Иранской прародинѣ. [2]) Къ такому же заключенію приводитъ и разборъ культурныхъ словъ осетинскаго языка, указывая и путь, по которому совершилось движеніе Иранскихъ народовъ изъ Азіи въ Европу,—именно: между Каспіемъ и Ураломъ. [3]) Этой сравнительной близостью къ прародинѣ, конечно, объясняется и архаичность Осетинскаго языка, который въ своей фонетикѣ и въ формахъ представляетъ между всѣми живыми иранскими языками черты наибольшей старины и занимаетъ среди этихъ языковъ приблизительно такое-же положеніе, какое занимаетъ языкъ Литовскій среди живыхъ европейскихъ языковъ. [4]) Предкомъ Осетинскаго языка было одно изъ нарѣчій, развившееся въ сѣверной части древнѣйшей территоріи, занятой Иранцами, приблизительно на сѣверѣ отъ Оксуса и Яксарта въ степяхъ средней Азіи. [5]) Выдѣленіе этого нарѣчія изъ обще-иранскаго праязыка восходитъ къ доисторическимъ временамъ, къ періоду, предшествовавшему началу исторической жизни культурныхъ

[1]) Изъ этого сочиненія заимствуемъ самыя существенныя положенія. Для лучшаго знакомства необходимо имѣть подлинникъ.

[2]) Ibid p. 72

[3]) Ib. p. 11.

[4]) Ib. p. 72—73.

[5]) ib. p. 100.

народовъ Ирана-Мидійцевъ и Персовъ.[1]) Поселеніе Иранцевъ въ припонтійскихъ и пріазовскихъ степяхъ, въ томъ числѣ и предковъ Осетинъ, произошло по меньшей мѣрѣ раньше X вѣка до Р. Х. [2]).

Дополненіе къ этимъ положеніямъ и вмѣстѣ ихъ подтвержденіемъ могутъ служить данныя народной литературы Осетинъ, обработанной тѣмъ же ученымъ. Въ обширной статьѣ подъ названіемъ: «черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ», [3]) авторъ проводитъ параллели между бытомъ древнѣйшихъ выходцевъ Ирана Скиѳовъ и Сарматовъ и бытомъ Осетинъ, усматривая въ этомъ сходствѣ новое доказательство Иранскаго происхожденія послѣднихъ. [4]) Въ частности, авторъ указываетъ слѣдующія черты сходства. Въ сказаніи о нартѣ (богатырѣ) Созруко сохранилось воспоминаніе объ обычаѣ скальпированія и утилизаціи скальповъ для шубъ, нѣкогда существовавшемъ у скиѳовъ на сѣверномъ Кавказѣ, и исторически засвидѣтельствованномъ у Геродота. [5]) Тотъ же писатель сохранилъ народное преданіе скиѳовъ, производившихъ свое происхожденіе отъ верховнаго Бога. [6]) То-же самое видимъ въ нартовскихъ сказаніяхъ: родоначальникъ нартовъ Хамыцъ, сынъ водяного бога Донъ-Беттыра. У Иранцевъ самыми уважительными считались браки между близкими родственниками на томъ основаніи, что такіе браки способствуютъ сохраненію чистоты извѣстнаго рода. Отголосокъ этого Иранскаго обычая сохранился въ сказаніи о бракѣ Нарта Урызмага на своей сестрѣ Сатанѣ. Еще больше сходства наблюдается въ бытѣ Осетинъ и Скиѳовъ; до буквальности сходными оказываются пріемы гаданія у современныхъ Осетинъ и древнихъ Скиѳовъ; [7]) одинаковые похоронные об-

[1]) ib. p. 100, 74.

[2]) ib. p. 101.

[3]) Журн. М. Н. Пр. 1882 г. Авг. Ч. CCXXII.

[4]) Принадлежность Скиѳовъ и Сарматовъ къ Иранской группѣ арійскихъ народовъ возведено въ современной наукѣ на степень несомнѣннаго факта благодаря изслѣдованіямъ Цейсса и Мюлленгофа, которые на основаніи данныхъ языка видятъ въ этихъ народахъ Иранцевъ Индо-Европейской семьи, нѣкогда тронувшихся въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ Южной Россіи другими уже не Индо-Евр. народами, постоянно надвигавшимися съ востока ib. p. 206 ср. Чтенія въ Ист. об. Нест. Лѣт. кн. XIII, стр. 94—96.

[5]) Кн. IV, гл. 64.

[6]) IV, 5, 9, 10.

[7]) Геродотъ IV, 67.

ряды, почитаніе домашняго очага и др. [1]) Все это, по мнѣнію Пр. Миллера, подтверждаетъ Ирапство Осетинъ.

Но въ интересахъ правды мы не можемъ ограничиться этими общими параллелями единичнаго ученаго, хотя бы и первокласснаго. Мы знаемъ, что между народами, стоящими на одномъ и томъ же уровнѣ культуры, наблюдается всегда сходство въ общихъ и основныхъ чертахъ. Осетины переживаютъ въ настоящее время родовую фазу общежитія; нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если нѣкоторыя черты ихъ жизни имѣютъ сходство съ жизнью тѣхъ народовъ, которые нѣкогда переживали подобную же ступень культурной жизни. Итакъ, могутъ-ли быть продолжены параллели, подобныя вышеприведеннымъ, и въ другихъ областяхъ жизни осетинъ? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ утвердительно, потому что всестороннее изслѣдованіе жизни осетинъ положительно подтверждаетъ лингвистическія данныя пр. В. Ѳ. Миллера.

Для удобства разсмотрѣнія мы весь матеріалъ, необходимый для обоснованія поставленнаго вопроса, разбиваемъ на части, именно,—1) на данныя народной литературы, 2) народнаго права, 3) доисторической археологіи и 4) Миѳологіи древнѣйшей.

а) Народная Литература.

Выше указано на отношеніе литературы Осетинъ къ ихъ исторіи. Дальнѣйшее развитіе этого взаимо-отношенія представляетъ попытка историческаго пониманія нартовскихъ сказаній докт. Пфафа. По нему эпопея о нартѣ Батразѣ представляетъ самую достовѣрную исторію Осетинъ отъ ея начала до конца феодальнаго вѣка [2]) «Батразъ не представитель одного недѣлимаго, говоритъ Пфафъ,—онъ типъ человѣка и представитель цѣлой народности индо-европейскаго происхожденія». [3]) Въ отдѣльныхъ рапсодіяхъ этого глубокомысленнаго сказанія изо-

[1]) Журн. М. Н. П. 1882 г. Авг. Ч. CCXXII, стр. 196—206.
[2]) Сборн. свѣд. о Кавказѣ т. I. стр. 17.
[3]) Ibid. p. 170.

бражены во всѣхъ тонкостяхъ и съ величайшимъ знаніемъ психологіи главнѣйшіе моменты исторической жизни Осетинъ [1]). Первая рапсодія, въ основной идеѣ сходная со сказкой о Геркулесѣ, изображаетъ борьбу съ обстоятельствами благороднаго иноземца, пришедшаго въ страну, стоявшую по образованію и развитію ниже его родины и населеніе которой не знало еще значеніе труда. Сочинитель этого сказанія, жившій, быть можетъ, за 2000 или 3000 лѣтъ до насъ, глубоко понялъ строй души человѣка и основные законы общественной жизни всѣхъ вѣковъ[2]). Сначала онъ занимаетъ подчиненное положеніе въ новой странѣ, но потомъ (уже въ слѣдующей рапсодіи) обнаруживаются необыкновенныя черты его характера въ борьбѣ съ окружающимъ обществомъ, [3]) третья рапсодія изображаетъ месть Батраза Сайнагъ алдару. Здѣсь обнаруживается все звѣрство средневѣковаго человѣка. Батразъ дѣлается повелителемъ страны. [4]) Возгордясь своими успѣхами на землѣ, Батразъ подобно древнимъ титанамъ отважился на борьбу съ Богомъ и Его ангелами. За всѣ эти дерзкія посягательства на права Божескія и человѣческія Батразъ, подобно Прометею, получилъ заслуженное наказаніе. [5]) Таковы существенныя черты величественнаго и глубоко-поэтическаго сказанія о нартѣ Батразѣ. Въ позднѣйшихъ вставкахъ бардовъ мы находимъ упоминаніе о грекахъ, грузинахъ, принятіи мусульманства, появленіи усовершенствованныхъ оружій и др., но это не относится къ нашей цѣли и потому оставляемъ эту часть сказанія. Другіе герои сказанія характеризуются авторомъ такими чертами: Сырдонъ —хитроумный типъ и представитель древнихъ семитическихъ осовъ. Сайнагъ-владѣтель въ гор. Галазанѣ (*Halesium на р. Halys'ѣ*). Хамыцъ то лицо, отъ котораго оракійскія горы получили свое названіе *(hamus)*; жена его Сатана—Иранка, Созруко человѣкъ предпріимчивый, совершившій путешествіе въ подземный міръ. Урузмагъ — человѣкъ безнравственный; Сосланъ — славян-

---

[1]) Ib p. 167.

[2]) Ib p. 165.

[3]) Ib p. 167.

[4]) Ib p. 168—170.

[5]) Ib p. 171.

скаго происхожденія, прославившійся многими подвигами. [1]) Итакъ, не раздѣляя всѣхъ увлеченій Г. Пфафа нартовскими сказаніями, мы тѣмъ не менѣе должны принять одно: именно—въ нартовскихъ сказаніяхъ, въ ихъ древнѣйшихъ рапсодіяхъ, сохранилось глухое воспоминаніе о происхожденіи, древнѣйшемъ поселеніи и борьбѣ Осетинъ съ окруж. обществомъ. [2]) Что же касается деталей нартовскихъ сказаній, то мы не находимъ возможнымъ строить на нихъ какія нибудь предположенія относительно характера исторической жизни изучаемаго народа,—не находимъ потому, что Осетины до послѣдняго времени не имѣли письменности, а потому, несмотря на все благоговѣніе, съ какимъ относится народъ къ этимъ сказаніямъ,—въ нихъ много личнаго вымысла пѣвцовъ—бардовъ. Пишущему эти строки не разъ приходилось убѣждаться въ этомъ, слушая лучшихъ пѣвцовъ нартовскихъ сказаній въ разныхъ ущельяхъ Осетіи. Замѣчается также перемѣщеніе рапсодій, но за то неизмѣнною остается основная идея; идея эта нами указана. Въ связи съ устной литературой стоитъ, какъ ея источникъ—

б) Обычное право.

Но прежде чѣмъ разсматривать данныя осетинскаго обычнаго права, мы считаемъ необходимымъ рѣшить одинъ вопросъ: возможно-ли на основаніи современнаго юридическаго института и обычаевъ Осетинъ строить болѣе или менѣе вѣро-

[1]) Сборн. св. о Кавказѣ т. II, стр. 107. На разстояніи 12 верстъ отъ крѣпости Назранъ, внизъ по р. Сунжѣ находится маленькое каменное строеніе, подъ которымъ, какъ говорятъ, скрываются костяки прославленныхъ въ преданіяхъ нартовъ. Костякамъ этимъ приписываютъ двухъ тысячную древность. Названіе „Нарзана“, данное одному изъ Кисловодскихъ ключей, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ этого же слова нартъ (богатырь). Нартъ-Санъ или въ упрощенномъ произношеніи нарзанъ значитъ по русски—вино нартовское. (Приложен. къ XIV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ № 4. 1868 г. стр. 20—21. „Осетинскіе тексты“ Академика А. Шифнера.

[2]) Примѣръ подобнаго же увлеченія въ интересахъ возстановленія исторіи народа представляетъ трудъ г. Ногмова: „Исторія адыхейскаго племени, составленная по преданію.“ Изд. въ Тифл. 1861 г. Берже и имъ же въ нѣмецкой передѣлкѣ въ Лейпцигѣ въ 1866 г. Устная литература всѣхъ народовъ заключаетъ всегда на ряду съ вымыслами фантазіи и долю истор. правды; ее безъ сомнѣнія имѣютъ и наши сказанія. Задача д. состоять въ томъ, чтобы выдѣлить безошибочно историческую часть изъ массы фантастическихъ созданій.

ятныя предположенія о тѣхъ временахъ, которыя отдалены отъ насъ цѣлыми тысячелѣтіями назадъ? Отвѣчаемъ утвердительно. Жизнь Осетинъ до самаго послѣдняго времени прошла въ страшномъ застоѣ. Струя культурной жизни пробилась въ недавнее время съ умиротвореніемъ Кавказа. Закрытыя неблагопріятными обстоятельствами исторической жизни богатыя дарованія нѣкогда могущественнаго индо-европейскаго племени выказались на нашихъ глазахъ съ необыкновенною силою: Осетины по пути культуры пошли впереди всѣхъ горцевъ,—фактъ, отмѣченный положительно всѣми изслѣдователями Кавказа. Сложившіяся тысячелѣтіями формы жизни рушатся потоками новой культурной жизни, прорывающими себѣ путь въ недоступныя жилища его историческаго заточенія... Итакъ, чѣмъ-же объясняется продолжительный застой, а отсюда и архаичность обычаевъ Осетинъ? Ключъ къ рѣшенію этого вопроса даетъ исторія. Въ глубокой древности на Сѣверо-Кавказской равнинѣ двигалась въ Европу часть индо-европейскихъ народовъ. Вступая въ Европу чрезъ естественныя ворота между Каспіемъ и Ураломъ, индо-европейскія племена стремились къ Черному морю и, переходя южно-русскія рѣки, двигались все далѣе и далѣе на западъ, подталкивая другъ друга. При этихъ передвиженіяхъ, можно положительно сказать, Кавказъ служилъ *asylum* для всѣхъ тѣхъ народовъ, которые по историческимъ обстоятельствамъ искали защиты отъ напора болѣе сильныхъ народовъ,—для всѣхъ тѣхъ, которые были сбиты на югъ отъ торнаго пути народовъ и попадали какъ бы втупикъ въ то пространство, которое географически обведено естественными и трудно-проходимыми границами—на востокѣ Каспіемъ, на западѣ Меотидой и Понтомъ, на югѣ высокою стѣною Кавказскаго хребта. Кавказъ принималъ остатки всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя нѣкогда бродили въ южно-русской равнинѣ подъ разными именами, быстро являющимися и исчезающими у классическихъ писателей, и были разбиваемы и загоняемы на югъ постояннымъ натискомъ все новыхъ и новыхъ выселенцевъ изъ Азіи. При такомъ постоянномъ движеніи народовъ на сѣверо-Кавказской равнинѣ

въ теченіи многихъ столѣтій не могло возникнуть культурнаго прогресса. Осетины пережили эту длинную, грустную историческую эпоху,—эпоху постоянныхъ набѣговъ, звѣрствъ, хищничества и др.; неудивительно поэтому, если въ жизни ихъ доселѣ наблюдаются порядки, которые указываютъ на прародину Осетинъ—Иранъ, и были нѣкогда присущи всѣмъ индо-европейцамъ въ ихъ доисторическомъ быту [1]).

Этимъ между прочимъ объясняется и тотъ особенный интересъ къ изученію обычнаго права Осетинъ, какой замѣчается въ ученой литературѣ о Кавказѣ [2]).

Итакъ, насколько принятое нами объясненіе происхожденія Осетинъ подтверждается строемъ ихъ жизни? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ лучше всего могутъ служить превосходныя изслѣдованія юридическаго быта Осетинъ М. Ковалевскаго, соображеніями котораго мы и намѣрены воспользоваться въ данномъ случаѣ [3]).

Каждый болѣе или менѣе состоятельный Осетинъ на ряду съ законной женой имѣетъ номулусъ, которую онъ пріобрѣтаетъ во временное пользованіе, платя за нее меньше, чѣмъ за законную жену. Юридическое положеніе номулуса выше положенія, занимаемаго конкубинами. Ее нельзя продать подобно тому, какъ продаютъ любовницу—рабыню. Во время пребыванія съ мужемъ подъ однимъ кровомъ она имѣетъ право требовать отъ своего мужа все нужное для своего содержанія. Дѣти, рожденныя въ такомъ бракѣ, наслѣдуютъ наравнѣ съ законными дѣтьми. [1]) Если прибавить къ сказанному, что

---

[1]) Сборн. св. о Кавказѣ I, стр. 179—180; 182—183.

[2]) Лучшими пособіями могутъ служить—а) труды М. Ковалевскаго: „Современный обычай и древній законъ" т. I—II; „Законъ и обычай на Кавказѣ" т. I—II; „Сословныя и поземельныя отношенія горц. сѣв. Кавк." Рус. М. 1884 г. кн. 12. б) Пфафа: „Обычное право Осетинъ" Сбор. свѣд. о Кавк. т. I и II. в) Леонтовича: „Адаты Кав. горцевъ" т. I—III; г) В. Миллера: „Черты старины въ сказ. и бытѣ Осетинъ." Жур. М. Н. Пр. 1882 г. Ав. Есть еще масса мелкихъ статей компилятивнаго характера, разбросанныхъ по различнымъ повременнымъ изданіямъ.

[3]) Законъ и обычай на Кавк. т. I, стр. 3—123.

[4]) Соврем. обычай и древн. законъ т. I Стр. 233—234; Законъ и обычай на Кав. т. I стр. 109.

Осетинамъ извѣстенъ былъ левиратъ [1]) въ формѣ обязательнаго сожитія вдовы съ ближайшимъ родственникомъ мужа и что они допускали сожитія вдовы даже съ постороннимъ человѣкомъ съ цѣлью рожденія ею ребенка, который считался бы сыномъ ея бездѣтнаго супруга, [2]) то сходство, говоритъ упомянутый писатель, Осетинскихъ брачныхъ порядковъ съ нарсійскими покажутся намъ доходящими до полнаго тождества... Брачные порядки Осетинъ, заключаетъ тотъ же изслѣдователь, являются выраженіемъ тѣхъ-же нравственныхъ и юридическихъ понятій, которыя нѣкогда были господствующими на протяженіи всего Ирана и въ частности древней Персіи [3]).

Въ сферѣ процессуальной общность осетинскихъ юридическихъ порядковъ съ тѣми, родиной которыхъ считается древній Иранъ, сказывается въ существованіи въ Осетіи и Иранѣ однихъ и тѣхъ же судебныхъ испытаній или ордалій. У Осетинъ существуетъ нѣсколько видовъ испытаній. Самымъ убѣдительнымъ считается убіеніе собаки надъ покойниками того, кто подозрѣвается въ преступленіи. Обиженный обыкновенно приводитъ собаку и говоритъ: если такой-то виновенъ въ томъ, въ чемъ я его подозрѣваю, то пусть эта собака будетъ кормомъ его покойниковъ. Въ менѣе важныхъ случаяхъ вмѣсто собаки произносятъ эти слова надъ собачьимъ каломъ. Другой способъ удовлетворенія гражданской претензіи состоитъ въ произнесеніи особыхъ клятвенныхъ словъ сообразно характеру обвиненія надъ трупомъ кошки.

Оба вида присяги существовали въ Осетіи до 1859 года. Въ этомъ году народнымъ собраніемъ постановлено было не обращаться къ этимъ противорѣчивымъ христіанству остаткамъ древняго язычества [4]).

---

[1]) Въ настоящее время подъ вліяніемъ хр. идей этотъ видъ брака болѣе не встрѣчается, и вообще считается позоромъ. Интересно, что г. Пфафъ видѣлъ въ немъ учрежденіе семитическое (см. выше ст. 4.)

[2]) Это потихоньку практикуется и досел̂ѣ.

[3]) Законъ и об. на Кав. т. I, стр. 109—110. ср. „Очерки Арійской Миѳологіи" В. Миллера Москва 1876 г. ч. I, от. I. стр. 15—43. (Похищеніе женъ, покупка ихъ, левиратъ, свадебные обряды, взглядъ на рожденіе дочерей и убіеніе дѣвочекъ и т. д.)

[4]) Адаты Кав. горцевъ Леонтовича т. II, ст. о вредныхъ обычаяхъ Осетинъ; М. Ковалевскій. Зак. и обычай на Кавк. т. I, стр. 103—105; В. Миллера: „Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ". стр. 7—8.

Въ древне-иранскомъ законодательствѣ, какъ показываютъ Гайгеръ [1]) и Дарестъ, [2]) существовалъ еще одинъ видъ испытанія, который нашелъ приложеніе и въ Осетіи въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ,—это испытаніе кострищемъ (прохожденіе чрезъ огонь). Оно замѣнено въ современной Осетіи прохожденіемъ чрезъ зажженную сухую волчью жилу. Если подозрѣваемый дѣйствительно виновенъ и тѣмъ не менѣе рѣшается сдѣлать этотъ прыжокъ, то по вѣрованію Осетинъ, должно неизбѣжно послѣдовать искривленіе. Очевидно, что это испытаніе не можетъ произвести то дѣйствіе, на которое оно разсчитано, и нужно думать, что въ древности практиковалось оно въ той формѣ, какая указывается законодательствомъ иранцевъ,—и тогда, конечно, и скривленіе могло происходить отъ естественныхъ причинъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого предположенія служитъ самое названіе огневой ордаліи на Осетинскомъ языкѣ „артъ—харунъ" (пожирать огонь) [3]). Распространенная среди Осетинъ кровная месть со всѣми своими характерными особенностями также напоминаетъ предписанія иранскаго законодательства. [4]) Въ области договорнаго права существуетъ у Осетинъ одно обыкновеніе, которое ясно указываетъ также на свой древній иранскій источникъ. При заключеніи болѣе или менѣе важныхъ сдѣлокъ у осетинъ употребляется рукобитіе, напоминающее тотъ символическій актъ, которымъ Вендидадъ предписываетъ закрѣплять договоры и соглашенія [5]).

Перечисленныхъ сравненій между современнымъ юридическимъ бытомъ Осетинъ и древне-иранскимъ правовымъ порядкомъ считаемъ достаточными для нашей цѣли: они привели насъ къ тому положенію, что основная струя юридическаго строя течетъ изъ Ирана.

[1]) Ost iranische Kultur стр. 461.

[2]) Etudes d'histoire du droi стр. 105.

[3]) Совр. об. и др. зак. т. II, стр. 255 ср. зак. и обыч. на Кавк. т. I, стр. 111—112.

[4]) Кровная месть существуетъ у всѣхъ народовъ, находящихся въ родовомъ быту и потому нельзя настаивать на доказательной силѣ этого аргумента. Зак. и об. т. I, стр. 114—115.

[5]) Ibid. p. 115—116.

Къ какому же времени слѣдуетъ отнести происхожденіе разсмотрѣнныхъ культурныхъ вліяній? Отвѣчаемъ словами М. Ковалевскаго: „происхожденіе слѣдовъ иранской культуры, говоритъ онъ, объясняется двояко: во 1-хъ, иммиграціей въ лицѣ Осетинъ, доселѣ называющихъ себя „иронами", иранской по происхожденію народностью,—Иммиграціей, время которой д. б. отнесено болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Х.; а во вторыхъ, распространеніемъ Авестинской культуры силою оружія персидскими монархами, по преимуществу сассанидами, въ нерѣдко зависимой отъ нихъ Грузіи [1])».

в) Археологія.

Древніе могильники Осетіи, уже привлекавшіе вниманіе ученыхъ въ 60-ыхъ годахъ, были посѣщаемы и изслѣдуемы археологами русскими и иностранными преимущественно между 1877—83 г.г. Самый богатый изъ этихъ могильниковъ Кобанскій, получившій европейскую извѣстность, вызвавъ цѣлый рядъ монографій. Начало научному описанію и изученію богатой бронзовой культуры, обнаруженной раскопками въ Кобани, было положено г. Д. Филимоновымъ, который, разсмотрѣвъ предметы Кобанскаго могильника въ Тифлисскомъ музеѣ въ 1877 г., первый предпринялъ обстоятельную раскопку названнаго могильника и сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій въ статьѣ: «О доисторической культурѣ въ Осетіи». [2]) За г. Филимоновымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ученыхъ археологовъ. Изъ другихъ могильниковъ Осетіи изслѣдованы Казбекскій, Ладзскій, Дзывгисскій и др. и въ дигоріи (западной Осетіи) Комунтскій и Галіатскій [3]). Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ 1881 г. подвергъ всестороннему обсужденію предметы Осетинской культуры, остановившись преимущественно на Кобанскомъ могильникѣ, какъ наиболѣе богатомъ и древнемъ.

«Преобладаніе во всѣхъ Кобанскихъ предметахъ особаго, своеобразнаго отпечатка, говорилъ предсѣдатель съѣзда гр. А.

---

[1]) Ibid p. 121—122.

[2]) Матеріалы по арх. Кавказа т. I, стр. 13—14.

[3]) Ib. p. 14 и Ж. М. Н. П. 1884 г. Янв. стр. 201--237 (ст. Анучина).

С. Уваровъ, является неоспоримымъ доказательствомъ мѣстнаго развитія культуры, подъ вліяніемъ мѣстныхъ преданій и вѣрованій. Такое мѣстное развитіе или мѣстная культура извѣстнаго племени, населявшаго ущелія сѣвернаго Кавказа, свидѣтельствуетъ въ пользу духовной силы и живучести этого племени, которое развивалось, несмотря на свою обособленность отъ другихъ племенъ Кавказа и удаленность отъ тѣхъ торговыхъ путей, по которымъ разносилось вліяніе древнихъ культуръ [1]). Вслѣдъ за гр. Уваровымъ на этомъ же съѣздѣ за самостоятельность осетин. культуры высказались Д. Н. Анучинъ, [2]) Г. Д. Филимоновъ, [3]) Вирховъ, [4]) Гр-ня Уварова [5]) и др. То обстоятельство, что Осетія представляетъ цѣлые склады предметовъ одной и той же культуры, приводитъ г. Филимонова къ предположенію, что въ Осетіи существовала самостоятельная мѣстная фабрикація, формы которой до сихъ поръ не открыты [6]).

Относительно древности Осетинской культуры гр. Уваровъ полагалъ, что она предшествовала культурѣ остальной Европы многими вѣками. «Эпоха Кобанской культуры, говоритъ онъ, можетъ быть опредѣлена началомъ желѣзнаго вѣка» [7]). По мнѣнію Шантра предметы Кобанскаго могильника могутъ быть сравниваемы съ предметами, найденными въ Гальштадтѣ, Голласенѣ, Вилановѣ, Мерингенѣ и др. [8]). На основаніи этого сходства графиня Уварова высказала мысль о зависимости культуры нѣкоторыхъ мѣстъ западной Европы отъ Осетинской и большей древности послѣдней [9]). Оппонентъ графа Уварова на съѣздѣ г. Филимоновъ въ своемъ докладѣ пришелъ почти

---

[1]) Акты V арх· съѣзда. Москва 1882 г. изд. Моск имп. арх. об. стр. 7—8.

[2]) Ibid протоколъ LXIX Ср. Журн. Мин. Н. Просв. 1884 г. Янв. стр. 201—237.

[3]) Особ. брош., «Доисторическая культура въ Осетіи» стр. 1—7.

[4]) Das graberteld von Koban. Сочиненіе посвящено Кобанскому могильнику и весьма важно для знакомства съ отношеніями Коб. культуры къ другимъ.

[5]) Матеріалы по арх. Кавказа вып. VIII стр. 361.

[6]) Доисторическая культ. въ Осетіи стр. 7. ср. Сб. свѣд. о Кавказѣ, т. II, стр. 94 особ. 111—119.

[7]) Акты V съѣзда стр. 2.

[8]) Etudes paleonthologiques dans le lassin du Rhone, Age de bronza t 2, p. 245 ср. Его-же Recherches Anthrop. dans le Caucase t. II. p. 89.

[9]) Мат. по арх. Кавк. вып. VIII, 363.

къ тѣмъ же выводамъ [1]). Время Осетинской культуры опредѣляетъ онъ первымъ періодомъ желѣзнаго вѣка. «Преобладаніе бронзы надъ другими металлами особенно въ оружіи, какъ доказываютъ кинжалы, топоры, равно и бронзовыя рукоятки желѣзныхъ мечей, и самое преобладаніе орнаментаціи первобытнаго характера, какъ напримѣръ треугольники и спираль, вынуждаютъ меня, говоритъ онъ, рѣшительно отнести эти памятники къ первому періоду желѣзнаго вѣка» [2]). «Переходя затѣмъ къ вопросу объ отношеніи Осетинской культуры къ другимъ такимъ же культурамъ, продолжаетъ г. Филимоновъ, я не могу обойти дугообразной бронзовой фибулы — этой существенной принадлежности, служащей характеристикой могильниковъ переходной эпохи отъ бронзы къ желѣзу въ Осетіи и оставить безъ вниманія тотъ въ высшей степени любопытный фактъ, что изъ иелѣдованныхъ доселѣ культуръ, къ формѣ этой фибулы приближается одна фибула Итальянскихъ террамаръ, лежащихъ подъ культурнымъ слоемъ этруріи. Это обстоятельство даетъ право искать, въ свою очередь, родственную связь въ народахъ Кавказа съ жителями Италіи доисторическаго періода; а такъ какъ осетинская дугообразная фибула по всѣмъ признакамъ древнѣе Итальянской, то можно смѣло предполагать, что первобытные жители Этруріи вышли съ Кавказа. Существуютъ и другіе признаки сродства племенъ Осетіи съ Террамаровскими, каковы — одинаковое устройство гробницъ, съ булыжникомъ и глиняными сосудами, мѣдныя подвѣсочныя украшенія и цѣпочки,—-наконецъ-самая свастика, весьма часто встрѣчающаяся въ террамарахъ. Если племя Итальянскихъ террамаръ жило, заключаетъ онъ, какъ предполагаютъ, за тысячу лѣтъ до Р. X., то слѣдуетъ отнести Осетинскую культуру къ той же эпохѣ [3]).

Въ свою очередь Осетинская культура восприняла чужое вліяніе и имѣетъ, т. е., свой источникъ. Относительно этого вопроса гр. Уваровъ говоритъ: «къ самостоятельному и мѣстному

---

[1]) Акты V съѣзда въ Тиф. 1881 г. Протоколъ XXII

[2]) Доист. культ. въ Осетіи. стр. 6—7.

[3]) Доист. культ. въ Осетіи стр. 7—8. ср. Матер. по арх. Кавказа вып. VIII, стр. 364—5.

стилю Кобанскихъ издѣлій примѣшивается, однако, до извѣстной степени видимое чуждое вліяніе, которое отчасти можетъ быть объяснено самымъ топографическимъ положеніемъ Кобани».

Кобань лежитъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, который заканчивается на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ уже около половины VI в. до Р. Х. основанъ былъ богатый городъ Фанагорія. Около того же времени на противоположномъ берегу Керчен. пролива основанъ былъ Пентикапея (511 г.). Еще ранѣе основана Ольвія. Обширная торговля этихъ городовъ распространилась на всемъ сѣверномъ побережіи моря и достигла даже береговъ Волги. Она проникла и въ Осетію, доказательствомъ чему служатъ стеклянныя бусы Осетіи; совершенно такія же находятся во всѣхъ почти древне-греческихъ поселеніяхъ Чернаго моря [1]). Замѣчается также связь съ ассирійскими памятниками. То вліяніе, котораго греки въ начальную эпоху своихъ черноморскихъ владѣній не могли достигнуть, такимъ вліяніемъ вполнѣ обладали азіатскіе народы и въ особенности ассирійцы. Принимая во вниманіе развитіе, до котораго дошло ваяніе у ассирійцевъ, [2]) и умѣніе ихъ вырѣзать на твердыхъ камняхъ вглубь, можно сравнить Кобанскія пряжки и ихъ символическія изображенія съ ассирійской рѣзьбой. Не относится-ли это ассирійское вліяніе къ VIII вѣку до Р. Х., когда царь Саріукинъ (721—704), окончивъ покореніе Египта, обратился на сѣверъ войною на Урартъ или Кавказъ? Наступательное движеніе на Кавказъ началось еще при Салманассарѣ IV (787—784), который 4 раза ходилъ на Кавказъ и, какъ говорятъ писатели страны, подчиненные Ассиріи приняли ассирійскую культуру, художество и даже ассирійскую письменность [3]). Далѣе, преобладаніе сердоликовыхъ бусъ, сравнительно съ незначительнымъ числомъ стекляныхъ, ясно указываетъ на персидское вліяніе на обитателей Кавказскихъ горъ. Къ тому-же персидскому вліянію долженъ быть отнесенъ особый узоръ, состоящій

[1]) Акты V арх. съѣзда въ Тифл. стр. 8.

[2]) Lenormand livre W, chap. V § 6 les Arts...

[3]) Maspero. p. 399. Lenormand lettre assyrialle I serie t. I p. 121, 122, 138, 145.

какъ бы изъ крестовъ въ перевивающихся рамкахъ. Тотъ же узоръ, но на прямой вертикальной поверхности, находится на передней сторонѣ гробницы Фригійскаго царя Мидаса [1]). Тотъ же гр. Уваровъ высказалъ на съѣздѣ, что въ прошлыхъ погребальныхъ обычаяхъ Осетинъ замѣчается вліяніе древне-иранскаго элемента. Такъ, напр., въ Осетіи встрѣчаются могильники, выстроенные надъ землею, гдѣ трупы укладывались на подставкахъ, не касаясь самой земли,—обычай, имѣвшій, повидимому, связь съ древне-иранскимъ религіознымъ воззрѣніемъ, что трупы оскверняютъ землю. Представивъ себѣ такіе могильники въ тотъ періодъ, когда они выполняли свое назначеніе какъ бы кладовыхъ для тлѣннаго содержимаго, можно думать, что антигигіеническая обстановка ихъ, которая не могла не быть тягостною для жителей, едва ли поддерживалась бы безъ причинъ религіозныхъ [2]). Итакъ, не отрицая доли справедливости во мнѣніи гр. Уварова о распространеніи Ассиро-Вавилонско-Персидской культуры силою оружія среди обитателей Кавказскихъ горъ, мы тѣмъ не менѣе не согласны, чтобы этимъ вліяніемъ исчерпывалось все содержаніе Осетинской доисторической культуры. На какой бы низкой ступени не находились Осетины до Ассирійскаго вліянія, они должны были имѣть какую нибудь культуру,—культуру, которая въ своихъ основныхъ элементахъ должна была имѣть сходство съ тѣмъ общимъ источникомъ, изъ котораго ведетъ народъ свое происхожденіе. Присутствіе Иранскихъ, Персидскихъ и Ассиро-Вавилонскихъ признаковъ въ Кобанской культурѣ поэтому мы отчасти объясняемъ какъ естественное наслѣдіе Осетинъ, выходцевъ Ирана. Если послѣднее предположеніе вѣрно, то все сказанное о культурѣ Осетіи даетъ превосходное подтвержденіе тѣмъ положеніямъ пр. В. Ѳ. Миллера, которыя мы старались оправдать.

---

[1]) Акты V съѣзда стр. 8—10 матеріалы по арх. Кавказа вып. VIII, стр. 361—363.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. III, стр. 170—171. По мнѣнію Вирхова, Осетинская доисторическая культура имѣетъ сходство съ Уральской, которая имѣетъ въ свою очередь связь съ культурой Мидіи и Персіи. Журн. М. Н. Пр. 1884 г. Янв. стр. 218—219... Статья Анучина: «Доисторическая культура Кавказа».

Глава II.

МИѲОЛОГІЯ.

Религіозныя вѣрованія служатъ всегда лучшимъ выраженіемъ характера извѣстнаго народа. Настоящему вопросу поэтому мы придаемъ очень важное значеніе какъ въ отношеніи доказываемой проблемы, такъ и для опредѣленія степени и характера того религіознаго состоянія, въ которомъ находились Осетины до воздѣйствія на нихъ Греко-Римскаго язычества, Христіанскаго и Моисеева закона, магометанства и православно-русскаго вліянія послѣднихъ дней. Но на пути къ рѣшенію этой задачи намъ встрѣчаются серьезныя затрудненія.—Осетины не имѣли письменности и потому не сохранили совершенно никакихъ памятниковъ о своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Свѣдѣнія классическихъ писателей также положительно ничего не даютъ для нашей цѣли. Преданія и религіозныя вѣрованія Осетинъ записаны въ недавнее время и изобилуютъ неточностями, за малымъ исключеніемъ,—такъ какъ собиратели не вникали въ духъ и смыслъ записываемаго религіознаго матеріала[1]). Но если бы даже удалось и понять внутренній смыслъ религіозныхъ обрядовъ и вѣрно ихъ воспроизвести и въ такомъ случаѣ не устранялась бы трудность дѣлать тѣ или другія заключенія о доисторическомъ религіозномъ бытѣ: условія тогдашняго быта и взгляды тогдашнихъ людей слишкомъ не похожи на наши взгляды и условія жизни. Вся природа является человѣку первобытному одушевленною и одаренною разумомъ; отъ того то, что намъ кажется мертвою и холодною аллегоріею,

---

[1]) «Нѣкоторые шалуны вводили сознательно въ заблужденіе путешественниковъ, говоритъ одинъ изслѣдователь, чтобы послѣ посмѣяться надъ ними, когда появятся въ печати свѣдѣнія». Сборн. газ. Кавказъ, 2 полугодіе 1847 г. стр. 4.

было нѣкогда живымъ вѣрованіемъ народа. Обращаясь затѣмъ къ уцѣлѣвшимъ памятникамъ народнаго творчества, мы находимъ въ нихъ слѣды древнихъ вѣрованій. Донынѣ въ различныхъ мѣстахъ совершаются религіозные обряды, передаются тѣ или другія преданія, повѣрья и др., происхожденіе которыхъ восходитъ часто къ эпохѣ древнѣйшей-языческой, но первоначальный смыслъ которыхъ подвергся искаженію въ силу различныхъ вліяній и потому весьма трудно или невозможно добраться до первоначальной основы.

Несмотря однако на эти затрудненія, мы рѣшаемся сдѣлать попытку представить древнѣйшую миѳологію Осетинъ. Два благопріятныхъ условія въ нашемъ распоряженіи: во 1-хъ, родовой бытъ Осетинъ, который только что начинаетъ разбиваться,— бытъ замкнутый, консервативный по существу; во 2-хъ, наша принадлежность изучаемому народу, которая даетъ намъ возможность понять и выдѣлить, насколько возможно, первоначальную основу тѣхъ или другихъ вѣрованій отъ позднѣйшихъ на нихъ вліяній.

Осетинская миѳологія не можетъ быть разсматриваема внѣ тѣхъ законовъ, которые выработаны наукой. Въ настоящее время ученые пришли къ мысли объ единствѣ миѳологическихъ вѣрованій всѣхъ арійскихъ народовъ; они достигли того важнаго результата, что миѳологія всѣхъ этихъ народовъ развита изъ общей основы по извѣстнымъ общимъ законамъ. Главными дѣятелями въ этой наукѣ считаются — Я. Гриммъ, Кунъ, Максъ Мюллеръ и др. Началомъ развитія миѳологіи по нимъ является обоготвореніе силъ природы.

Французскій же ученый Фюстель-де Куланжъ идетъ другою дорогою. Религію, какъ и общество, онъ ведетъ отъ семьи. Первымъ божествомъ, по нему, былъ обоготворенный по смерти отецъ. Богопочитаніе начинается съ той минуты, когда человѣкъ построилъ себѣ жилище на гробѣ отца, обративъ этотъ гробъ въ очагъ, послужившій первымъ алтаремъ [1]).

Эти два пути приняты и миѳологами Осетинъ, — первый Вс. Миллеромъ; второй — М. Ковалевскимъ. Въ виду этого

---

[1]) La citie antique, кн. I, гл. I и II.

вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ каждаго изъ нихъ не можетъ быть лишнимъ.

Мы думаемъ, что культомъ предковъ не исчерпывается все содержаніе религіозной жизни. Намъ пришлось бы дѣлать большія натяжки для объясненія всего религіознаго сознанія Осетинъ, если бы стали его разсматривать подъ угломъ культа предковъ, какъ основы религіозной жизни. [1]) Этихъ затрудненій не избѣгъ и упомянутый ученый М. Ковалевскій. Превосходный изслѣдователь юридической жизни Осетинъ далеко не превосходнымъ оказался въ области религіи, благодаря усвоенному имъ ложному взгляду на дѣло. Связывая съ культомъ предковъ нѣкоторыя выраженія религіозной жизни Осетинъ, онъ не могъ объяснить существованія въ религіи Осетинъ идеи объ единомъ Богѣ и потому ее совершенно опустилъ. Между тѣмъ эта идея служитъ фундаментомъ всякой религіи положительно. По этой теоріи допускается также нѣкоторый періодъ (до смерти перваго отца) безрелигіозности, чего нельзя признать. Правда культъ предковъ занимаетъ въ религіяхъ арійцевъ весьма видное мѣсто, но все же не первое, не основное.

Что же касается второго взгляда, то считаемъ нужнымъ добавить, что идея верховнаго существа, присутствіе которой во всѣхъ миѳологіяхъ арійскихъ народовъ констатируютъ ученые, не можетъ получиться изъ одного наблюденія надъ природой. Необходимо допустить ее присущею человѣчеству. Въ первоначальнѣйшую пору жизни эта идея подкрѣплялась наблюденіемъ человѣка надъ внѣшнимъ міромъ, который со всѣмъ разнообразіемъ своихъ предметовъ и явленій предносился ему, въ силу неспособности его къ различеніямъ, въ видѣ неопредѣленнаго внѣшняго существа и при томъ единаго, такъ какъ понятіе о многомъ должно было явиться слѣдствіемъ нѣкотораго развитія. Съ теченіемъ же времени, по мѣрѣ развитія психическихъ способностей первобытнаго человѣка, стали выдѣляться и наиболѣе крупныя явленія міра, на которыя человѣкъ сталъ переносить идею Бога, создавая такимъ образомъ

[1]) А. Котляревскій: «Погреб. обычаи яз. славянъ» Москв. 1868 г. стр. 5, прим. 2.

отдѣльныя опредѣленныя божества, какъ объясняетъ разсматриваемая теорія. Этимъ, по нашему мнѣнію, справедливымъ дополненіемъ, мы ограничиваемся.

Въ основѣ миѳологическихъ сказаній, по этой послѣдней теоріи, всѣхъ народовъ арійской вѣтви лежитъ представленіе о какомъ то божествѣ неба. Это божество, не имѣющее ни точнаго опредѣленія, ни образа, ни храмовъ, и есть зародышъ, зерно развитія миѳологическаго религіознаго сознанія. Божество это у Грековъ называется Уранъ, у Индусовъ Варуна, Славянъ Сварогъ, [1]) у насъ Осетинъ Хуцау. Имя Хуцау постоянно въ устахъ Осетинъ: оно слышится въ привѣтствіяхъ всякаго рода, которыми изобилуетъ до чрезвычайности наша жизнь. Имъ начинается всякая молитва. Его гнѣвъ призываютъ на враговъ. Въ сказкахъ и нартовскихъ сказаніяхъ Онъ часто называется Богомъ боговъ (Хуцауты Хуцау). Это послѣднее обращеніе встрѣчается въ обыденной жизни очень рѣдко; только въ очень важныхъ случаяхъ и при томъ, когда произносящій бываетъ въ особомъ экзальтированномъ состояніи, мы слышимъ обращеніе къ Богу въ этой формѣ. Связывая отдѣльные эпитеты, которые приписываются Богу въ произведеніяхъ народной фантазіи и въ повседневныхъ произношеніяхъ этого имени, мы можемъ представить такое понятіе о Немъ. Божество это живетъ на небѣ; имѣетъ человѣкообразный видъ; Оно Творецъ міра (дуне сканаг Хуцау) и справедливый, грозный Судья. Для достиженія своихъ цѣлей нерѣдко пускаетъ въ ходъ хитрость и всегда остается побѣдителемъ. Его власть простирается на всю вселенную, но въ частности ни одно явленіе не находится подъ Его особеннымъ покровительствомъ. Отсюда и призываніе Его самаго общаго характера. Осетинъ проситъ Его, чтобы Онъ его помиловалъ, помогъ и др., но если онъ желаетъ опредѣленнаго добра, онъ назоветъ божество, отъ котораго зависитъ дарованіе этаго блага. Уже изъ сказаннаго не трудно замѣтить, что въ основѣ этого понятія о Богѣ лежитъ общеарійское языческое представленіе, принявшее христіанскую и магометанскую перелицовку.

[1]) Бестуж. Рюминъ. «Русск. ист. т. I, гл. первая стр. 10—11.

Рядомъ съ этимъ верховнымъ богомъ стояло у арійцевъ божество земли, извѣстное у Грековъ подъ именемъ «Гей», у Славянъ—«Мать сырая земля», у Осетинъ просто «Захх» (земля). Въ настоящее время поклоненіе землѣ какъ богу не встрѣчается, но намеки на его распространенность въ древности мы имѣемъ въ нашихъ преданіяхъ и формѣ клятвы: «Клянусь Богомъ Хуцау и землею» («Хуцау амас захху ард»), говоритъ Осетинъ, если хочетъ кого убѣдить въ истинности своихъ словъ. Важно здѣсь то, что рядомъ съ Богомъ «Хуцау» стоитъ земля —«Захх.» Это обстоятельство, повидимому, даетъ мысль о дуализмѣ Осетинской религіи, но его мы не находимъ: божество захх, судя по смыслу употребленія, не противоположно первому божеству,—они дѣйствуютъ согласно и призываются въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Можно съ вѣроятностью предполагать также, что божество захх, въ періодъ развитія этого культа, занимало по отношенію къ Хуцау второстепенное мѣсто, что подтверждается и формулою призыванія. Если первое божество получило развитіе подъ вліяніемъ христіанства и магометанства, то второе, наоборотъ, осталось совершенно внѣ этихъ вліяній и потому находится въ періодѣ вымиранія и безусловно скоро память о немъ пропадетъ.

За этими божествами по общеарійской миѳологіи слѣдуютъ божества—покровители отдѣльныхъ областей и явленій міра— неба и земли. Религія Осетинъ не отступаетъ отъ этого порядка. Всѣ міровыя явленія, съ которыми такъ или иначе сталкивается Осетинъ, имѣютъ по его вѣрованію своихъ божествъ,— которыя могутъ направлять дѣятельность этихъ явленій и силъ природы какъ къ пользѣ человѣка, такъ равно и ко вреду. Поэтому онъ, предпринимая то или другое дѣло, обыкновенно молитвенно обращается ко всѣмъ тѣмъ божествамъ, которыя имѣютъ какое нибудь касательство къ его дѣлу. Осетинъ вѣритъ также, что божествъ значительно больше, чѣмъ онъ знаетъ по названіямъ, а потому, чтобы не навлечь ихъ гнѣвъ на себя, онъ въ концѣ своей молитвы проситъ также и неизвѣстныхъ боговъ оказать ему помощь. Въ продолженіи года всѣ божества должны быть почтены особыми, посвященными каждому от-

дѣльно, празднествами. Многіе изъ этихъ праздниковъ, какъ и сами божества, въ настоящее время приняли уже совершенно христіанскій характеръ, другіе же носятъ пока языческій характеръ. Къ первому ряду божествъ относятся: Уацъ-Илла (пр. Илія), Уасъ-Дурджи (св. Георгій), Мады Майремъ (пресв. Богородица) и др. Ко второму: Фалвара—богъ скота, Авсати—богъ охоты, Аларды—богъ оспы, Донъ-Беттыръ—богъ водъ и др. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что божества, имѣющія христіанское значеніе, пользуются наибольшимъ уваженіемъ въ народѣ и относятся къ разряду высшихъ божествъ, то вопросъ о первоначальной формѣ Осетинской миѳологіи значительно осложняются. Въ самомъ дѣлѣ—должны-ли мы въ божествахъ перваго рода видѣть исключительно христіанское основаніе, или же предположить въ нихъ первоначальное языческое основаніе, получившее впослѣдствіи христіанскую перелицовку?—Мы склоняемся ко второму предположенію, несмотря на отсутствіе прежнихъ языческихъ названій, которыя смѣнились послѣ христіанскими. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что у всѣхъ народовъ съ принятіемъ новой религіи происходитъ обыкновенно процессъ примиренія новыхъ вѣрованій со старыми, травестія прежнихъ божествъ въ типы, введенные новой религіей. Воображеніе двоевѣрнаго народа ищетъ въ новомъ хорошо знакомыя ему черты и такое исканіе всегда увѣнчивается успѣхомъ. Божества древней религіи облачаются въ одежды и названія новой религіи и такимъ образомъ продолжаютъ существовать въ народномъ сознаніи.

Травестія языческихъ божествъ въ христіанскихъ святыхъ—фактъ общеизвѣстный [1]). Поводы къ такой перелицовкѣ были различны въ различныхъ мѣстахъ. Иногда народное воображеніе находило черты въ какомъ-нибудь святомъ, напоминающія ему древняго бога; иногда къ чертамъ христіанскаго святаго присоединялось совпаденіе именъ; а иногда перенесеніе

---

[1]) Тейлоръ: Первоб. культ. II, стр. 377; Буслаевъ Ист. оч. яз. черты въ народн. культ. Св. Д. Маріи; Снегиревъ—праздники I, 96. 219; Шейнъ—Бѣлор. пѣсни 78, 83, 435, Чт. въ Моск. об. исторіи и древн. 1865г. кн. IV, отд. V стр. 172, Каравеловъ памятники народн. быта Болгар. стр. 186: Кайсаровъ славян. миѳологія; Бестуж.-Рюминъ. Рус. ист. т. I, гл. I.

мотивировалось тѣмъ, что на мѣстѣ древняго языческаго храма стояла церковь въ честь христіанскаго святого. Какіе изъ этихъ поводовъ имѣли мѣсто въ тѣхъ или другихъ случаяхъ—трудно сказать, такъ какъ до насъ не уцѣлѣли прежнія языческія названія христіанизированныхъ божествъ. Справедливо только, что всѣ эти божества, пріуроченныя къ христіанскимъ святымъ, сохранили всѣ характерныя черты языческаго культа. Поэтому въ изслѣдованіи Осетинской миѳологіи, не засвидѣтельствованной положительно никакими документальными данными, разборъ ихъ долженъ имѣть важный интересъ.

Итакъ, мы-того мнѣнія, что ни одно божество языческаго культа Осетинъ не пропало безслѣдно; задача наша отсюда—сумѣть открыть черезъ призму позднѣйшихъ религіозныхъ вліяній первоначальную основу, или снять скорлупу, не повреждая зерна. Переходимъ къ разсмотрѣнію божествъ:

Уацъ-Илла—небесный духъ, завѣдующій громомъ и молніей [1]). Судя по смыслу употребленія слова «Уац» или «Уас» можно перевесть на руск. языкъ словомъ святой [2]). Осетинамъ смыслъ слова неизвѣстенъ и потому мы не настаиваемъ на своемъ пониманіи. Но какъ бы мы ни поняли смыслъ этой приставки, подъ упомянутымъ именемъ почитается у Осетинъ пророкъ Илія. Слѣдуя развитію общеарійской миѳологіи, мы пока *a priori* можемъ допустить языческую подкладку божества: почитаніе божества, завѣдующаго грозными явленіями неба—громомъ и молніей,—фактъ общеизвѣстный. У славянъ русскихъ оно извѣстно было подъ названіемъ Перуна, и поклоненіе ему впослѣдствіи перешло на пр. Илію, послуживъ въ то-же время основой героическаго образа Иліи Муромца. Совокупность обрядовъ, посвященныхъ громовержцу, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ языческомъ происхожденіи божества. Центромъ почитанія считаются въ современной Осетіи одно изъ ущелій—Дарговское на вершинѣ горы Тубау, покрытой зеленью. Ежегодно почти все горское и плоскостное населеніе ущелія совершаетъ священное путешествіе къ мѣсту. За день-за два до

[1]) Ос. этюды ч. II, стр. 240.
[2]) Матеріалы по археол. Кавк. вып. III, стр. 114.

праздника, совершаемаго ровно по истеченіи 8 недѣль съ Пасхи въ понедѣльникъ,—ущеліе оживляется непрерывными партіями всадниковъ, весело распѣвающихъ пѣсни въ честь святого. Путь этотъ проходитъ мимо нѣсколькихъ священныхъ по народному вѣрованію мѣстъ, въ которыхъ должны быть сдѣланы остановки. Обыкновенно старшій въ партіи, а если соединяется нѣсколько партій, старшій всѣхъ по возрасту исполняетъ религіозныя обязанности. Къ нему подносятъ пироги, начиненные сыромъ, аракъ и шашлыкъ—эти необходимыя принадлежности всякой Осетинской молитвы. Взявъ въ одной (лѣвой) рукѣ пирогъ съ шашлыкомъ, а въ другой стаканъ араку или бокалъ горскаго пива, онъ начинаетъ призывать Бога—Хуцау, Тубау, Уацъ-Илла и цѣлый рядъ божествъ. Присутствующіе, обнаживъ головы, произносятъ послѣ каждаго призыванія—«оммен» (аминь). Подкрѣпившись немного, путники отправляются далѣе. Такихъ остановокъ дѣлаютъ нѣсколько, такъ что въ концѣ пути богомольцы, въѣзжая въ горскіе аулы, производятъ немалый шумъ; но все это въ порядкѣ вещей. Поголовное пьянство, не исключая и молодежь, которой, по осетинскому народному обычаю, строжайше возбраняется пить,—явленіе самое обычное. Жертвою этого порядка вещей дѣлаются и туристы, которыхъ ежегодно бываетъ достаточно.

Размѣстившись по своимъ знакомымъ и родственникамъ, богомольцы всю ночь наканунѣ праздника проводятъ въ приготовленіяхъ къ нему. Рѣжутъ барановъ; хозяйки домовъ пекутъ пироги; пивоваръ-хозяинъ пробуетъ качество своего произведенія и разливаетъ его по кувшинамъ богомольцевъ. Гости не спятъ всю ночь; всюду пѣніе священныхъ пѣсней. Утромъ съ восходомъ солнца открывается торжественное шествіе къ священному мѣсту всего населенія. Здѣсь ихъ встрѣчаетъ жрецъ праздника, который всю ночь проводитъ въ капищѣ и удостоивается многихъ откровеній отъ Бога. Положивъ предъ нимъ свои жертвоприношенія, многотысячная толпа богомольцевъ въ суевѣрномъ благоговѣніи ждетъ откровеній отъ жреца. Высоко поэтическая рѣчь жреца повергаетъ всю массу народа въ мертвое молчаніе, которая съ жадностью ловитъ каждое слово

Рѣчь представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ молитвы, соединенной съ откровеніемъ. Призвавъ Бога, жрецъ пространно украшаетъ эпитетами Уацъ-Илла, призываетъ его милость на богомольцевъ, перечисляя нѣкоторыхъ болѣе богатыхъ и знатныхъ изъ нихъ; затѣмъ слѣдуютъ откровенія о плодородіи тѣхъ или другихъ частей населенія. По окончаніи рѣчи отбираются отъ приношеній богомольцевъ жертвенныя части: серебряныя монеты, кусочки ваты и шелковой матеріи, золотыя и серебряныя нитки, рога жертвенныхъ животныхъ, палочки отъ шашлыка, оружіе, бусы и др. и вносятся жрецомъ въ капище. Затѣмъ открывается пиръ, продолжающійся нѣсколько дней, а иногда цѣлую недѣлю. Послѣ страшной попойки начинаются состязанія въ различныхъ искусствахъ, гимнастикѣ, стрѣльбѣ въ цѣль, ловкости обращенія съ холоднымъ оружіемъ, скачки, танцы и др... Картина получается настолько своеобразная, что подобіе ей можно найти только въ древнемъ мірѣ и въ частности въ Греціи!..

Чтобы дать, однако, болѣе ясное понятіе о дѣлѣ, мы разсмотримъ нѣсколько главныхъ вопросовъ, которые входятъ какъ въ содержаніе разсмотрѣннаго чествованія, такъ и другихъ подобныхъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Необходимую принадлежность всякаго празднества составляютъ капища, приношенія и жрецы.

Осетинскія капища, какъ нельзя проще, построены изъ камней безъ цемента, сложенныхъ или въ кубъ или въ видѣ невысокой башни. Сверху они покрыты, большею частью, каменными плитами, но иногда и открыты. Капище обыкновенно окружено, въ нѣкоторомъ разстояніи, оградою, сложенною изъ неотесанныхъ камней. Многія божества почитаются на развалинахъ древнихъ христіанскихъ церквей; другія подъ видомъ священныхъ деревьевъ, преимущественно дубовыхъ. Эти деревья б. ч. чрезвычайно древнія, иногда совсѣмъ уже засохшія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи деревья замѣняются священными рощами или лѣсами. Тотъ, кто дерзнулъ бы вырубить такое дерево, долженъ, по вѣрованію народа, подвергнуться внезапной смерти. Проходя мимо такихъ мѣстъ, Осетинъ снимаетъ папаху и про-

износитъ краткую молитву божеству. По мнѣнію г. Пфафа такія священныя деревья и рощи уже встрѣчаются въ греческой миоологіи; особенно много ихъ было въ Лакедемонѣ, Пелопонезѣ, Ѳракіи, Херсонесѣ Таврическомъ и малой Азіи [1]). А. М. Ковалевскій видитъ въ этомъ устройствѣ священныхъ мѣстъ Осетіи и положительномъ отсутствіи языческихъ храмовъ доказательство Иранскаго вліянія [2]).

Жертвенныя приношенія въ настоящее время приняли въ себя много различныхъ вліяній. Замѣтно выступаютъ здѣсь предписанія Моисеева закона относительно чистоты жертвенныхъ животныхъ. Магометанское вліяніе выразилось, кажется, только въ запрещеніи употреблять свинину. Обычай приносить въ жертву деньги, кусочки матеріи, нитки и т. п. вещи, равно и форма пироговъ треугольная, по нашему личному мнѣнію, христіанскаго происхожденія. Въ нихъ можно находить отголосокъ того обычая, когда Осетины въ пору господства среди нихъ христіанства поддерживали существованіе церкви деньгами и натурой — матеріей всякаго рода. На долю языческой религіи остаются такимъ образомъ бусы, оружіе, палочки для гаданія, кувшинчики, человѣческія фигурки и др. Судьба этихъ предметовъ рѣшается отъ характера ихъ культуры, о чемъ у насъ уже была рѣчь.

Но ни въ чемъ такъ сильно не выразилось вліяніе древнѣйшей языческой религіи, какъ въ существованіи особыхъ народныхъ жрецовъ, извѣстныхъ у Осетинъ подъ названіемъ «Дзуаръ лаг'овъ» (человѣкъ святого).

Какъ извѣстно, жрецы до своего паденія, зрѣлище, котораго представляется въ началѣ нашей исторіи, въ различныхъ странахъ Европы стояли на высокой ступени развитія и управляли всемірнымъ политическимъ движеніемъ. Люди, нуждавшіеся по частнымъ своимъ дѣламъ въ совѣтахъ, обращались съ вопросами къ храмамъ и получали въ отвѣтъ изрѣченія

---

[1]) Сборн. свѣд. о Кавказѣ т. II, стр. 27—28.

[2]) Законъ и обычай на Кавказѣ т. I, стр. 117—119. 127. Ср. «Идолопоклонство у древнихъ евреевъ». М. Пальмова. СПБ. 1897, гл. II, стр. 152—176. (Высоты по представленію всѣхъ арійскихъ народовъ служатъ мѣстомъ обитанія божествъ).

оракула, основанныя на хладнокровномъ обсужденіи вопроса. Этими-же жрецами еще въ историческое время рѣшались всѣ политическіе вопросы, и ни одинъ народъ древняго міра не отважился бы на какое бы то ни было предпріятіе, не спросивши сначала оракула. Это глубокое довѣріе народа къ своимъ оракуламъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ тому, что въ доисторическія времена существовали люди, стоявшіе нравственно такъ высоко, что были чужды эгоизма. Читая у Геродота отвѣты оракуловъ по извѣстнымъ намъ историческимъ вопросамъ, мы удивляемся глубокомыслію этихъ отвѣтовъ, зрѣлому и безпристрастному обсужденію всѣхъ обстоятельствъ. Коллегія жрецовъ Дельфійскаго храма, сохранившая къ себѣ довѣріе греческаго народа въ продолженіи всей исторической жизни, стояла такъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, что ни одна іерархія послѣдующаго времени древняго міра не въ состояніи съ нею сравниться [1]). Сословіе Осетинскихъ дзуаръ-лаг'овъ по существу находится въ совершенномъ согласіи съ древними жрецами, а частныя черты даютъ нить къ опредѣленію колыбели самаго учрежденія. Къ религіознымъ, обязанностямъ, по словамъ М. Ковалевскаго [2]), относится приготовленіе выпиваемаго на праздникѣ пива или бузы, для чего при капищахъ имѣются громадные мѣдные котлы. Во время варки онъ долженъ придерживаться извѣстнаго ритуала: ходить разутымъ безъ шапки и пояса; во всемъ соблюдать чистоту и воздерживаться отъ всякаго разговора съ кѣмъ бы то ни было. Онъ одинъ только имѣетъ право входить въ капище. Въ нужныхъ случаяхъ онъ долженъ давать отвѣты и открывать волю божества. Способовъ къ узнаванію этой воли нѣсколько; но самымъ распространеннымъ является нѣчто въ родѣ бѣснованія. «Когда къ деканозу (т. е. дзуаръ лаг'у) народъ обращается за разузнаніемъ воли божества, говоритъ Максимъ Ковалевскій,—

[1]) Сб. свѣд. о Кавк. т. II, стр. 130.

[2]) Считаемъ нужнымъ оговорить, что этотъ писатель не знакомъ совершенно съ учрежденіемъ въ Осетіи дзуаръ-лаг'овъ; но описаніе деканозовъ у грузинскихъ горцевъ до такой степени подходитъ къ нашему вопросу, что мы цѣликомъ принимаемъ его мнѣніе и думаемъ, что онъ по недоразумѣнію какому нибудь не замѣтилъ въ Осетіи существованія жреческаго класса. См. зак. и обычаи на Кавказѣ т. I, стр. 117—119.

онъ начинаетъ съ того, что совершаетъ въ его честь жертвоприношеніе, послѣ чего начинаетъ бѣсноваться, бьетъ себя камнемъ въ грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю; пролежавъ на ней нѣкоторое время, онъ вскакиваетъ на ноги и съ пѣной на губахъ вѣщаетъ волю божества [1]). Сопоставляя эти свѣдѣнія съ тѣми, которыя древніе писатели передаютъ намъ о магахъ Персіи и Мидіи, заключаетъ упомянутый ученый, [2]) мы безъ труда можемъ отмѣтить поразительное сходство тѣхъ и другихъ.

Возвращаясь къ дальнѣйшему описанію чествованія Уацъ-Илла, мы должны упомянуть о характерномъ праздникѣ «Хорубонъ» (день хлѣба). Основаніемъ для пріуроченія его къ пр. Иліи служитъ вѣрованіе народа о томъ, что Уацъ-Илла завѣдуетъ и плодородіемъ земли. Празднованіе носитъ чисто языческій характеръ. На «нихасъ» (мѣсто сходокъ) обыкновенно собирается весь аулъ. Сюда приносятъ пироги, шашлыкъ, аракъ и въ большомъ размѣрѣ брагу. Одинъ изъ стариковъ обыкновенно выступаетъ изъ среды собранія,—одѣваетъ шубу и папаху на изнанку, беретъ въ руки большую деревянную чашу, и, наклонившись надъ нею, стоитъ въ такомъ положеніи. Въ это время другой, помоложе его, но также выбранный собраніемъ народа,—льетъ ему на голову брагу, бузу, обращаясь при этомъ къ толпѣ мальчиковъ съ вопросомъ: «чего просите?» «хлѣба, хлѣба, хлѣба!» кричатъ ребята. Возліяніе повторяется троекратно; влага, вымывшая священную голову, льется въ чашу, которую принимаютъ отъ старика, немало утомленнаго въ продолженіи этого церемоніала. Бузу раздѣляютъ между собою присутствующіе и съ видимымъ благоговѣніемъ выпиваютъ ее, какъ благословенную, какъ святыню. Въ этотъ же день принято ходить по домамъ съ поздравленіями. Въ молитвахъ дня слышится просьба, чтобы Уацъ-Илла уродилъ хлѣбы такъ, чтобы народъ могъ пировать цѣлый годъ.

Вѣрованіе въ Уацъ-Илла, громовержца, выражается особенно ярко, говоритъ В. Миллеръ, въ обрядахъ, совершаемыхъ

[1]) Ibid. p. 118.
[2]) Ibid. p. 118—119.

по случаю пораженія кого нибудь громовымъ ударомъ... Родственники и одноаульцы собираются обыкновенно вокругъ трупа и пляшутъ, а женщины дѣлаютъ жесты и произносятъ слова, какъ при обрядовомъ оплакиваніи, но плакать не смѣютъ изъ боязни разсердить Уацъ-Илла, взявшаго покойника къ себѣ. Если пораженный останется живъ, совершаются другіе обряды[1]).

Множество пѣсней, посвященныхъ разсматриваемому божеству, доселѣ распѣваемыхъ въ Осетіи, и совокупность обрядовъ, входящихъ въ составъ разнообразнѣйшихъ чествованій божества, могли бы составить интересный сборникъ, но это отвлекло бы насъ отъ цѣли: мы имѣли въ виду найти что нибудь въ современномъ чествованіи божества для своего очерка древнѣйшей Осетинской миѳологіи и эта цѣль нами достигнута изложеніемъ наиболѣе характерныхъ чертъ праздника.

Послѣ Уацъ-Илла самымъ уважаемымъ божествомъ является Уасъ-Дурджи (св. Георгій). Въ Алагирскомъ ущеліи, въ сел. Рекомѣ, сохранились развалины храма, построеннаго, по вѣрованію народа, чудеснымъ образомъ самимъ св. Георгіемъ. По мнѣнію г. Ифафа туда стекалась вся Осетія на богомоліе. Празднество сопровождалось играми, напоминающими Олимпійскія [2]). Въ настоящее время религіозное путешествіе совершается только населеніемъ названнаго ущелія. Уасъ-Дурджи считается покровителемъ всадниковъ-путниковъ. Если Уацъ-Илла—божество грозное, то наоборотъ, Уасъ-Дурджи—божество милостивое. Сфера его отношеній къ Осетину такъ широка, что она почти вытѣснила Верховнаго Бога. Вездѣ онъ является покровителемъ свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера: гостепріимства, справедливости, скромности, почитанія къ старшимъ, удальства, но не разбоя и др. Въ народѣ существуетъ множество пѣсней, легендъ и другое, иллюстрирующихъ покровительственное отношеніе святого ко всему свѣтлому и карательное къ темному [3]).

[1]) Ос. эт. Ч. II, стр. 241—242; Кавказъ 1850, № 47, 48; «Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа» Соч. Шопена стр. 458—(объ источникѣ этихъ обрядовъ Уацъ-Илла).

[2]) Сборн. свѣд. о Кавк. т. I, стр. 139—142.

[3]) Ос. эт. ч. I, стр. 156—158; недавно вышло собраніе пѣсней въ честь св. Георгія Г. Баева «Форнъ» Г. Владикавказъ 1901 г.

Воображеніе народа рисуетъ его разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ, который съ быстротою молніи летитъ всегда туда, гдѣ нуждаются въ помощи. Нѣтъ въ Осетіи аула, гдѣ бы ему не воздавалось поклоненіе; почитаніе святого настолько развито, что разрѣшилось наконецъ сектой, названной «Георгіанской» [1]). Празднованіе, не смотря на христіанское названіе, чисто языческое, подобно вышеописанному, а потому считаемъ лишнимъ повторять. Прибавимъ только, одно нелишнее соображеніе. Самая Распространенность культа божества, считающагося покровителемъ всадниковъ, заключаетъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, доказательство древности этого культа. Если принять во вниманіе тотъ безспорный фактъ, что развитіе миѳологіи идетъ всегда рука объ руку съ развитіемъ самой жизни и что то или другое божество получаетъ перевѣсъ надъ другими божествами въ параллель особенному развитію извѣстной стороны жизни, покровителемъ которой считается это божество,—то мы можемъ съ полною вѣроятностью предполагать что божество всадниковъ-путниковъ могло стать популярнѣйшимъ только у народа, ведущаго кочевой образъ жизни, народа наѣздническаго, каковыми изображаются предки Осетинъ временъ до Р. X. и первыхъ вѣковъ [2]), а если прибавить къ сказанному то, что у Осетинъ Алагирскаго ущелія, самого коренного населенія Осетіи, почитается божество Саубарегъ-покровитель воровъ и разбойниковъ,—которому отправляющіеся на воровство всегда приносятъ жертву, послѣ чего призракъ Саубарега сопровождаетъ подобнаго искателя приключеній, сидя на черномъ конѣ и указывая безопаснѣйшую дорогу,—то повторяемъ, получимъ новое подтвержденіе своего предположенія. Осетины изображаются не только кочевымъ народомъ, но и хищническимъ и разбойническимъ [3]).

---

[1]) Кавказъ 1851 г. № 69.

[2]) Осет. эт. ч. III, гл. II, стр. 50—53. ср. чтенія въ истор. об. Нест. лѣт. кн. XIII, «Аланы по свѣдѣніямъ классич. и визант. писателей» пр. ю. Кулановскаго. Эти свѣдѣнія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что осетины до поселенія своего въ горах. Кавказа вели кочевой образъ жизни.

[3]) Ibid

Послѣдняя черта нашла своего покровителя въ лицѣ миѳологическаго божества—Саубарега (чернаго всадника) [1]).

Мады Майремъ (Мать Марія) считается покровительницей женщинъ и ихъ плодородія. Почитаніе божества особенно замѣтно выступаетъ при брачномъ обрядѣ. Ее просятъ принять подъ свое покровительство невѣсту, даровать ей семъ мальчиковъ и одну синеокую дѣвочку,—число, встрѣчающееся въ нартовскихъ сказаніяхъ и сказкахъ, какъ идеалъ женскаго плодородія [2]). Г. Пфафъ видитъ въ почитаніи Матери Маріи вліяніе культа богини Ма (*Math*). Родиной почитанія по нему былъ Египетъ, откуда оно проникло въ Малую Азію, Персію, Арменію и наконецъ Осетію [3]). Существованіе культа богини животворной силы въ древнихъ миѳологіяхъ фактъ общеизвѣстный, [4]) но опредѣлить источникъ вліянія на осетинскій культъ Матери Маріи, не смотря на категоричность утвержденія г. Пфафа, положительно не возможно; не возможно потому, что всѣ немногочисленныя сказанія объ этой богинѣ носятъ явно христіанскій характеръ; въ нихъ нѣтъ ничего напоминающаго древнихъ Астарту, Діану и др. Ничего особенно характернаго не находимъ и въ обрядахъ. Празднованіе скромное-женское.

Такимъ же явно христіанскимъ характеромъ проникнуты празднества въ честь Тутыръ (Ѳеодоръ Тиронъ) покровитель волковъ; Ніккола (св. Николай); Мукалу Габр. (Михаилъ и Гавріилъ).

Но не всѣ божества Осетинской религіи успѣли облечься въ христіанскую одежду; доселѣ въ народѣ существуютъ празднества въ честь боговъ, совершенно неизвѣстныхъ христіанству или наоборотъ. Пройдетъ время, и они, м. б., тоже примутъ христіанскую перелицовку или совершенно отойдутъ въ область забвенія,—а пока твердо держатся въ народѣ.

---

1) Г. Пфафъ проводитъ параллель между греческимъ Геркулесомъ и осетинскимъ Уасъ-Дурджи и приходитъ къ мысли объ ихъ тождествѣ. Сборн. свѣд. о Кавказѣ т. II, стр. 126.

2) «Авд саефсумару хö (сестра семи братьевъ) верхъ счастья.

3) Ibid p. 121.

4) Законъ и обычай на Кавказѣ т. I, стр. 126—127.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ божествъ: Фалвара—богъ скота и преимущественно овецъ. Характерная особенность божества смиреніе и скромность. В. Миллеръ по названію сближаетъ это божество съ Дажъ—богомъ славянской миѳологіи, а въ томъ обстоятельствѣ, что божество не принимаетъ кровной жертвы, довольствуясь кашей изъ сыра и муки, видитъ параллель съ ведійскимъ скотнымъ богомъ Пушаномъ, названнымъ кашеѣдомъ [1]). О смиреніи Фалвара разсказывается въ народѣ, что Тутырь—покровитель волковъ, посѣтилъ однажды святого. Послѣ обычнаго угощенія, зашла рѣчь о томъ, чье стадо пользуется лучшей славой. Фалвара благодарилъ Бога за свою участь; Тутырь тоже хвалилъ своихъ «сѣрыхъ», но не искренно. Подстрекаемый завистью, онъ сталъ бороться съ хозяиномъ какъ бы шутя и лишилъ его лѣваго глаза. Фалвара простилъ его, а Тутырь, вернувшись домой, позвалъ «сѣраго» и велѣлъ объявить всѣмъ о поврежденіи лѣваго глаза Фалвара. Съ тѣхъ поръ волки положили подкрадываться къ стадамъ съ лѣвой стороны [2]).

Властителемъ надъ дикими животными считается Авсати. Ему молятся охотники. Отправляясь на охоту, они берутъ съ собою пироги и, дойдя до мѣста охоты, молятъ Авсати принять ихъ жертву (пироги) и даровать имъ взамѣнъ одного звѣря изъ своего стада.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Алагирскомъ ущеліи, гдѣ охота особенно развита,—божеству посвящены деревья, въ дупло которыхъ охотники кладутъ свои приношенія—серебряныя монеты и др. Если охота увѣнчается успѣхомъ, Осетинъ долженъ угостить сосѣдей дичиной,—это пріятно божеству.

Божествомъ водъ считается у Осетинъ Донъ-Беттырь. Судя по смыслу сказаній божество это нѣкогда играло главную роль въ религіи Осетинъ. Это было въ то время, когда территорія Осетіи обнимала побережье Чернаго моря и верховья р. Дона; но съ тѣхъ поръ, какъ они оставили море, сгруппировавшись

[1]) Осет. эт. ч. II, стр. 243—4.

[2]) Ibid. p. 244.

въ маловодныхъ мѣстахъ горъ, —значеніе божества по немногу падаетъ. У Донъ-Беттыра много дочерей, (донv чvзджv-та), соотвѣтствующихъ русскимъ русалкамъ. Донъ-Беттыръ напоминаетъ римскаго Нептуна [1]).

Къ божествамъ темнаго царства относится Хаирегъ. Онъ занимаетъ подчиненное положеніе по отношенію къ Богу. Это обстоятельство указываетъ на отсутствіе вліянія религіи Персовъ, у которыхъ Ариманъ былъ равносиленъ Ормузду, а по временамъ даже одерживалъ надъ нимъ побѣду. Нужно думать, что религія Осетинъ сложилась за долго до появленія Авесты,— въ періодъ господства еще библейскихъ истинъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи мы видимъ медленное удаленіе отъ первоначальной чистоты вѣрованій и постепенное искаженіе ихъ. Дуализмъ древнихъ религій есть искаженіе факта существованіе злыхъ духовъ Библіи. Осетинское представленіе о Хаирегѣ и его воинствѣ въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное сходство съ библейскимъ понятіемъ. Нельзя объяснить это сходство христіанскимъ вліяніемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: во 1-хъ, Хайрегу молятся такъ же, какъ и другимъ божествамъ, чего не могло случиться при допущеніи христіанскаго вліянія [2]). Ни одно вліяніе, которымъ Осетинская религія подвергалась въ христіанское время, не могло способствовать установленію такого страннаго порядка. Естественнѣе предположить искаженіе первоначальнаго библейскаго понятія въ періодъ всеобщаго нравственнаго упадка народовъ Азіи, — періодѣ сложенія религіи Зендъ-Авесты. Во 2-хъ, свѣдѣнія о Хайрегѣ извлекаются изъ тѣхъ сказаній, возникновеніе которыхъ нельзя пріурочить къ христіанскимъ временамъ [3]).

---

1) Законъ и об. на Кавк. т. I, стр. 126.

2) Поклоненію Хайрегу однако совершенно отличное отъ поклоненія другимъ божествамъ. Его просятъ только объ одномъ: чтобы онъ не касался ихъ (осетинъ) «бар нам ма бадар (не простри на насъ свою власть) ограничившись принятіемъ жертвы. Моленіе совершается какъ бы въ секретѣ отъ Бога, почему не принято произносить его имя. Изъ жертвенныхъ частей строго воспрещается угощать постороннихъ. Все должно быть уничтожено домочадцами въ нѣкоторой тайнѣ, чего опять небываетъ при другихъ праздиествахъ

3) Нѣкоторое подтвержденіе этихъ мыслей можно находить въ Сбор. свѣд. о Кавказѣ т. II, стр. 131—132.

Загробный міръ въ связи съ культомъ предковъ и домашняго очага занимаетъ въ религіяхъ арійцевъ весьма видное мѣсто [1]). Миѳологія Осетинъ въ этой части представляетъ наибольшее сходство и потому изслѣдованія ея должно имѣть для насъ важное значеніе. По вѣрованію современныхъ Осетинъ, загробный міръ совершенно таковъ же, какъ настоящій. Умершіе, оставляя этотъ міръ, переходятъ въ другой и тамъ такъ же живутъ—пьютъ, ѣдятъ, старѣютъ, совершаютъ набѣги и др., какъ и на землѣ. Какъ особая область—загробный міръ имѣетъ своихъ спеціальныхъ божествъ. Эти божества никакого отношенія къ живущимъ на землѣ не имѣютъ и потому имена ихъ слышны только въ тѣхъ случаяхъ, когда Осетинъ молится за своихъ умершихъ. Равнымъ образомъ и божества здѣшняго міра не касаются судьбы умершихъ,—исключеніемъ являются: Великій Богъ (Стыръ Хуцау), св. Георгій и пр. Илія, дѣятельность которыхъ не кончается смертью человѣка. Сопоставляя различные случаи упоминанія именъ божествъ загробнаго міра, мы въ общемъ могли бы опредѣлить роли послѣднихъ въ мірѣ умершихъ, но въ этомъ случаѣ не избѣжали бы серьезныхъ возраженій. Дѣло въ томъ, что всѣ многочисленныя обращенія къ божествамъ загробнаго міра носятъ импровизированный характеръ, вслѣдствіе чего происходитъ смѣшеніе понятій языческихъ съ христіанскими и магометанскими. А между тѣмъ по настоящему отдѣлу мы имѣемъ болѣе надежные источники—это а) рѣчь (не импровизированную), произносимую при посвященіи коня покойнику, [2]) б) сказаніе о загробной пищѣ [3]) и в) могильные памятники XI—XII вѣка, иллюстрирующіе эти сказанія и вмѣстѣ—подтверждающіе ихъ древность и не по-

---

[1]) Погребальн. обыч. языч. славянъ. «А. Котляревскаго. Москва 1868 г. стр. 2». Гдѣ существуетъ хоть какая нибудь связь семей и поколѣній, говоритъ онъ, тамъ всегда есть и представленія о загробной жизни. Они вызваны потребностью души, для которой нѣтъ высшаго блага, какъ блага жизни и нѣтъ чувства естественнѣе, какъ желаніе продолжить эту жизнь и за дверями гроба» (ibid p. 2).

[2]) Маякъ 1843 т. VII, Матеріалы арх. Кавк. вып. III, стр. 84 и сл.; прилож. къ XIV т. зак. Имп. Ак. Наукъ № 4, СПБ. 1868 г. стр. 25 и 9; Осет. эт. Вс. О. Миллера ч. I, стр. 108—117.

[3]) «Осетинскіе этюды» часть II, стр. 295—296.

врежденость [1]). Разборъ этихъ памятниковъ религіозной литературы Осетинъ, безъ сомнѣнія, дастъ болѣе серьезные результаты, чѣмъ разсказы старцковъ и ихъ импровизированныя моленія.

Обряды, которыми Осетины сопровождаютъ своихъ покойниковъ въ путь въ загробный міръ, ясно выражаютъ ихъ матеріальное представленіе того міра. Покойникъ обыкновенно одѣвается въ лучшія одежды. Погребеніе совершается до захода солнца, т. к. послѣ этого времени закрываются врата царства мертвыхъ. Скорбь родственниковъ и знакомыхъ выражается самымъ шумнымъ образомъ: мужчины бьютъ себя кулаками въ лобъ, издавая глухія восклицанія; а женщины рвутъ на головахъ волосы, царапаютъ себѣ ногтями лица, произнося обрядовые вопли. Когда процессія приближается къ могилѣ, вдова (если покойникъ былъ женатъ), подойдя подъ гробъ, ударяетъ объ него трижды головою, свидѣтельствуя этимъ свое желаніе принадлежать мужу и на томъ свѣтѣ [2]). У самой могилы она отрѣзаетъ косу и кладетъ на грудь мужу съ тѣмъ же значеніемъ. Послѣ этого начинается обрядъ посвященія коня. Рѣчь произноситъ одинъ изъ стариковъ. Закончивъ свою рѣчь, посвятитель обводитъ коня трижды вокругъ гроба. Въ это время вдова беретъ свою косу съ груди покойника и отдаетъ посвятителю со словами: «вотъ и плеть для покойника». Тотъ ударяетъ косою три раза коня со словами: «да будете посвящены вы оба ему» (жена и конь покойнику). Затѣмъ беретъ дорожную провизію покойника — бутылку араку и чурекъ (лепешку), разбиваетъ первую о копыто коня, а второй бросаетъ въ сторону, говоря: «эта пища и это питіе да будутъ неистощимы для тебя, пока недостигнешь дзенета (рая)» [3]). Исполнивъ эти обряды, покойника зарываютъ въ землю. Во гробѣ душа, которая на время отдѣлилась отъ тѣла, снова входитъ въ него и на посвящен-

---

1) Матеріалы по археологіи Кавказа вып. III. Изд. Моск. Имп. арх. общ. статья: «Отголоски Кавказскихъ вѣрованій на могильныхъ памятникахъ». В. Миллера стр. 119—136.

2) Сынъ отечества 1816 г. ч. XXXIII, стр. 275 «Два письма о Кавказѣ»!

3) Осет. эт. ч. II, стр. 294—295.

номъ конѣ совершаетъ путешествіе въ землю Нартовъ—къ начальнику мертвыхъ Барастыру [1]). Рѣчь посвятителя знакомитъ насъ съ подробностями этого путешествія. Указавъ на добродѣтель покойника и его дружбу со св. Георгіемъ, посвятитель описываетъ горе послѣдняго по случаю смерти друга на землѣ. Вѣсть эту приноситъ на небо Зарватыгкъ (ласточка). Святые находятся въ это время въ гостяхъ у Курдалагона, [2]) когда св. Георгій объявилъ гостямъ объ этомъ и своемъ желаніи поспѣшить на землю, послѣдніе удержали его, обѣщавъ дать все нужное для покойника.—Св. Илія далъ тотчасъ ружье, которое никогда не даетъ промаха; Курдалагонъ—шашку, которую можно согнуть какъ обручъ. Сынъ солнца подарилъ сѣдло со всѣмъ приборомъ; сынъ луны серебряную уздечку [3]). Св. Георгій послалъ всѣ эти вещи чрезъ Зарватыгка на землю. Покойникъ, принявъ подарки своего небеснаго друга, садится на посвященномъ конѣ и отправляется къ нартамъ (предкамъ Осетинъ). Не доѣзжая рѣки, его встрѣчаютъ караульные, которые не пускаютъ его далѣе; онъ даритъ имъ чурекъ и получаетъ пропускъ. У самой рѣки его задерживаетъ Аминонъ, [4])—и спрашиваетъ его какъ онъ жилъ на землѣ. Покойникъ разсказалъ все безъ преувеличенія и потому получаетъ провожатаго и позволеніе ѣхать чрезъ рѣку. Преправившись благополучно на другой берегъ по тонкому бревну, перекинутому чрезъ рѣку, покойникъ встрѣчаетъ длинный рядъ картинъ загробной жизни, Провожатый объ-

---

[1]) Главное божество; отъ него зависитъ впускъ покойника въ рай.

[2]) Божество, соотвѣтствующее римскому Вулкану, считается небеснымъ кузнецомъ. Въ Нартовскихъ сказаніяхъ упоминается, что онъ такъ крѣпко закалилъ нарта Батраза, что сдѣлалъ его на вѣки стальнымъ. Онъ же сковываетъ другому нарту мѣдный черепъ.

[3]) Въ рѣчи упоминаются Магометъ (сынъ солнца) и Хамашканъ (сынъ луны). По нашему мнѣнію, это позднѣйшая вставка. Вѣроятнѣе предполагать здѣсь парныхъ божествъ—вліяніе Асвиновъ-діоскуровъ арійской миѳологіи. См. очерки арійск. миѳол. В. Миллера гл. VI, матер. по арх. Кавк. вып. III, стр. **130—131**. Могильный памятникъ иллюстрируетъ это мѣсто рѣчи.

[4]) Значеніе божества не совсѣмъ ясно для современныхъ осетинъ. Къ нему не прилагается никакихъ эпитетовъ, какъ это дѣлается по отношеніи къ другимъ божествамъ. Здѣсь онъ освѣдомляется о томъ—солжетъ-ли покойникъ или нѣтъ и въ зависимости отъ этого указываетъ ему путь. Шифнеръ на этомъ основаніи сближаетъ Аминонъ съ Амонун— указыват и видитъ здѣсь вліяніе греческой миѳологіи Миноса. Прил. къ XIV т. Зап. имп. ак. наукъ стр. **27** примѣчаніе 2-е.

ясняетъ ему эти виды, изъ которыхъ одни изображаютъ блаженство добродѣтельныхъ, другіе мученія злыхъ.

Получивъ объясненіе видѣнныхъ картинъ, покойникъ отправляется со своимъ спутникомъ далѣе и доходятъ до того мѣста, гдѣ расходятся три дороги. Одна ведетъ къ святымъ на небо, другая въ адъ, а третья къ нартамъ. По послѣдней дорогѣ они и поѣхали. Подъѣзжаютъ и видятъ, что нарты всѣ сидятъ въ кружкѣ, и какъ только увидѣли покойника, встали предъ нимъ, а Барастыръ вышелъ впередъ и пригласилъ его занять въ кружкѣ первое мѣсто, говоря: «ты былъ умный и хорошій человѣкъ, мы тебя знали и почитали, садись на первое мѣсто и распоряжайся всѣмъ у насъ»... Покойникъ отказался отъ перваго мѣста; отказался и отъ послѣдняго, — занялъ средину кружка [1]).

Для обновленія покойниковъ въ загробномъ мірѣ служитъ особая пища—тѣло Руймона, змѣевиднаго чудовища. Оно обладаетъ страшной физической силой и чтобы спасти людей, пр. Илія опускаетъ съ неба цѣпь, окруженную облаками и накидываетъ ее на шею чудовища и тянетъ его вверхъ. Въ то время, когда Руймонъ доходитъ на цѣпи до неба, небесные духи отрубаютъ отъ него мечами кусочки и раздаютъ мертвымъ. Тѣ варятъ изъ нихъ себѣ взваръ и, вкусивъ его, снова молодѣютъ [2]).

Чудовище и божество змѣеборецъ, которое подъ вліяніемъ двоевѣрія отождествлено съ Иліей и получило его имя—представлены на могильномъ памятникѣ XI—XII в.в. [3]). Здѣсь же мы видимъ значительныхъ размѣровъ сосудъ въ видѣ котла и

---

[1]) Прил. Ак. Наук. стр. 25—30. Этотъ памятникъ религіозной литературы осетинъ пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду того обстоятельства, что главныя сцены его иллюстрированы на памятникѣ, относящемуся къ XI—XII в.в. Здѣсь представлены: Курдалагонъ, угощающій святыхъ и суетящійся вокругъ громаднаго котла пива, св. Георгій на бѣломъ конѣ, караульные дзендзети и дзерандзетъ, покойникъ со спутникомъ Барастыръ и др. матеріалы по археол. Кавк. вып. III, стр. 127—132.

[2]) Осет. эт. ч. II, стр. 296.

[3]) Памятникъ находится на берегу р. Этоки Кубанск. обл. открытъ впервые Акад. Гильденштедтомъ въ 1770—1773 г.г., а послѣ посѣтили мѣсто Г.Г. Потоцкій, Клапротъ, Фирковичъ, Нарышкины, Филимоновъ, В. Ѳ. Миллеръ (описаніемъ котораго мы и пользуемся сейчасъ), Ковалевскій и др. Матер. по арх. Кавк. вып. III, стр. 119, 125—126.

возлѣ него три человѣчяскія фигуры, изъ которыхъ одна, повидимому, черпаетъ изъ котла взваръ (тѣло Руймона), другая держитъ чашу, а третья (вѣроятно покойникъ, которому принадлежитъ памятникъ) въ позѣ колѣнопреклоненной подставляетъ также свою чашу [1]).

По убѣжденію Осетинъ загробная жизнь есть болѣе свѣтлое повтореніе жизни земной. Души покойниковъ продолжаютъ заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимались и на землѣ. Согласно съ этимъ мы на этокскомъ камнѣ видимъ сцены охоты и воинскихъ состязаній [2]). Нѣкоторымъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить также памятные столбы, воздвигаемые независимо отъ могилы на проѣзжихъ мѣстахъ. Эти памятники въ Осетіи въ огромномъ количествѣ до сихъ поръ попадаются каждому путешественнику, на перекресткахъ горныхъ дорогъ, на перевалахъ, на полянкахъ у береговъ рѣкъ и вообще въ такихъ мѣстахъ, откуда ихъ можно видѣть на далекое разстояніе, или гдѣ больше проѣзжихъ людей. Изображенія на нихъ напоминаютъ разсмотрѣнныя: предметы домашняго обихода, охоты, воинскихъ состязаній и др. обычны на этихъ плитахъ. Все это показываетъ, что миѳологія Осетинъ по вопросу о загробной жизни сдѣлала очень мало поступительнаго движенія: она не возвысилась еще до представленія о духовности загробнаго міра и особой жизни умершихъ.

Но идея загробнаго существованія не исчерпывается разсмотрѣнною стороною. Въ общей исторіи человѣчества мы видимъ ея могучее вліяніе. Исходя отъ дѣйствительности, отъ дѣйствительнаго чувства любви къ жизни, она входитъ въ самую жизнь и опредѣляетъ многія ея воззрѣнія и практическіе порядки. Смерть даетъ поводъ къ широкой апотеозѣ. Усопшіе предки становятся божествами, а жизнь и дѣла ихъ предметомъ глубокаго религіознаго почитанія для потомства. Предкамъ приносятся умилостивительныя и благодарственныя жертвы, имъ воздвигаютъ алтари, къ нимъ обращены молитвы и призыванія въ различныхъ случаяхъ жизни. Вѣкъ предковъ — это золотой

---

[1]) Ibid p. 126.
[2]) Ibid p. 126.

вѣкъ жизни человѣчества, область безгрѣшная, свободная отъ недостатковъ земнаго бытія, полная красоты и высокой мудрости: отсюда для народа исходятъ всѣ добрые порядки дальнѣйшей жизни, его священные нерушимые законы и добрые обычаи, его полезныя знанія и искусства; изъ этой области черпаютъ живыя поколѣнія твердые образцы для своихъ дѣлъ и подвиговъ; къ отшедшимъ блаженнымъ отцамъ обращаются они въ трудныя минуты жизни за наставленіемъ и утѣхой; событія старины, славныя дѣла предковъ вдохновляютъ народныхъ поэтовъ и вообще служатъ обильнымъ источникомъ поэтическаго творчества, наслажденія и высокаго поученія и чѣмъ далѣе входитъ народъ въ тревожное разнообразіе исторической жизни, тѣмъ привлекательнѣе рисуется ему золотое время предковъ. Апотеоза предковъ у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра составляла необходимый догматъ религіознаго вѣрованія. Въ религіи древнихъ Индусовъ поклоненіе предкамъ выступаетъ, какъ священная обязанность живыхъ потомковъ; молитвы и жертвы имъ—средоточіе всего семейнаго культа [1]).

Классическіе народы чтили своихп предковъ какъ боговъ и блаженныхъ духовъ. Для древнихъ грековъ покойники были подземные боги, римляне называли ихъ *dii manes*; отсюда этотъ распространенный у греко-италійскаго племени культъ домашнимъ духамъ, покровителямъ родного крова и домашняго очага: героямъ, демонамъ, ларамъ и манамъ. Особенно у практическихъ римлянъ поклоненіе усопшимъ приняло житейскій характеръ и опредѣлило важнѣйшіе порядки семейнаго права... [2]). Чествованіе усопшихъ было однимъ изъ духовныхъ наслѣдій, принятыхъ языческими народами средней и сѣверной Европы: Кельтами, Германцами, литовцами и славянами. Въ средніе вѣка это чествованіе достигло, по словамъ Гримма, [3]) наивысшихъ размѣровъ.

---

[1]) Погребальн. обыч. Котляревскаго стр. 3—5 ср. Терск. вѣд. 1868 г. № 11.

[2]) Ib. p. 5; Фюстель Кул. La citee... p. 15—21; Законъ и обыч. на Кав. т. I, p. 86, 33—34; Совр. обыч. и древн. законъ т. I, стр. 77—99.

[3]) Geschichte d. deutsch Sprache 1-е изд. p. 147.

Разсматривая это, чрезъ всю исторію челов. проходящее благочестивое поклоненіе усопшимъ, нельзя не видѣть, что оно основывалось на твердомъ сознаніи, что міръ усопшихъ и живущія поколѣнія состоятъ въ непрерывной и дѣятельной взаимной связи. Простое чувство и мысль народа понимали эту связь не въ идеально нравственномъ смыслѣ, но живымъ и реальнымъ образомъ: блаженные предки полны дѣятельной заботы и попеченія о своихъ покинутыхъ потомкахъ; счастіе и довольство послѣднихъ есть даръ, ниспосылаемый предками, дѣло ихъ любви и заботы о потомкахъ. Въ свою очередь и усопшіе, отдѣлясь отъ міра живыхъ, не отрѣшились отъ всѣхъ потребностей дольней жизни; они имѣютъ нужду въ услугахъ и чествованіи со стороны потомковъ.

Эта связь усопшихъ съ живыми служитъ прочнымъ фундаментомъ, на которомъ выросъ распространенный у всѣхъ арійскихъ народовъ культъ предковъ и домашняго очага. Осетинская миѳологія въ этой своей части находится въ совершенномъ согласіи съ описаннымъ воззрѣніемъ арійскихъ народовъ [1]). Но въ частности она ближе всего напоминаетъ предписанія Авесты. «Вторая часть Авесты, говоритъ М. Ковалевскій, представляетъ лучшій комментарій къ тому почитанію, какимъ Осетины окружаютъ своихъ мертвыхъ. Священная книга Иранцевъ изображаетъ предъ нами души покойниковъ, озабоченными одною мыслью: кто будетъ почитать и прославлять насъ, кто принесетъ намъ жертвы, кто заготовитъ для насъ достаточно пищи, чтобы мы никогда не могли нуждаться въ ней?» Питаніе мертвыхъ въ формѣ совершаемыхъ въ ихъ честь поминокъ составляетъ главное содержаніе Осетинскаго культа предковъ. Осетины считаютъ своимъ долгомъ питать покойниковъ въ надеждѣ получить отъ нихъ дѣятельную помощь и поддержку во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни. Тотъ же мотивъ для жертвоприношеній выставляетъ и Авеста въ пользу фравашей. Фраваши благословляютъ заботливаго потомка словами: «да будутъ всегда въ его жилищѣ стада животныхъ и людей; да будетъ въ его

[1]) М. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ т. I, стр. 33—34. Ср. Его же, Современный обыч. и древній законъ т. I, стр. 77—99.

семьѣ человѣкъ, знающій почитать Бога и управлять въ собраніи народа, опытный въ жертвоприношеніяхъ» и т. д. [1]) Осетины и послѣдователи Зороастрова ученія одинаково придерживаются того воззрѣнія, что покойники способны надѣлить потомство не только счастіемъ и процвѣтаніемъ, но и всякаго рода бѣдствіями; они мстительны по природѣ и охотно караютъ того, кто оставляетъ ихъ безъ пищи, питья и свѣта. Отсюда происходитъ корень тѣхъ разорительныхъ поминокъ въ Осетіи, противъ которыхъ борятся народныя собранія и власть, но уничтожить которыхъ, не смотря на всѣ усилія не удается. и это потому, что культъ предковъ и связанное съ нимъ почитаніе старины переживаютъ въ настоящее время острый періодъ борьбы съ новыми вѣяніями иноземной культуры. Въ этой борьбѣ сочувствіе народа всецѣло на сторонѣ старины. Пройдетъ время и б. м. объ этомъ останется одно глухое воспоминаніе, а пока старина имѣетъ силу жизненнаго закона. Осетинъ живетъ воспоминаніями о старинѣ. Въ многочисленныхъ народныхъ пѣсняхъ постоянно прославляются подвиги предковъ. Народная фантазія смѣшала ихъ дѣйствительную жизнь съ чудесными похожденіями и вложила въ ихъ уста высокія правила житейской мудрости и въ такомъ видѣ передаетъ ихъ, какъ свое историческое наслѣдіе, послѣдующимъ поколѣніямъ. Современная Осетія имѣетъ пѣвцовъ, подобіе древнихъ бардовъ, которые знаютъ на память эти знаменательные памятники полурелигіозной литературы и распѣваютъ ихъ подобно нартовскимъ сказаніямъ, въ собраніяхъ молодежи съ аккомпаниментомъ на двуструнной музыкѣ.

Въ этихъ пѣсняхъ, безъ сомнѣнія, мы можемъ находить отвѣты на многіе вопросы народной жизни, но, къ сожалѣнію, на нихъ доселѣ не обращено должнаго вниманія. Между тѣмъ ихъ глубоко-поэтическое, психологическое и историческое значеніе стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Нѣкоторые изъ героевъ этихъ пѣсней вышли изъ тѣснаго круга семейныхъ божествъ и пріобрѣли значеніе общенародное. Они носятъ названія ауловъ или фамилій и служатъ предме-

[1]) Законъ и обычай на Кавк. т. I, стр. 86—87; Тер. вѣд. 1868, № 11.

томъ почитанія всей окрестности. Самое почитаніе ихъ носитъ вполнѣ религіозный характеръ [1]).

Почитаніе домашняго очага, какъ составная часть культа предковъ, также въ полной силѣ въ Осетіи. Все почитаніе сосредоточивается около цѣпи (Рахисъ), висящей надъ очагомъ для варки пищи въ каждой осетинской саклѣ. Она служитъ видимымъ выраженіемъ божества Сафа, отъ котораго зависитъ богатство и изобиліе. Всѣ положительно явленія семейной жизни освящаются прикосновеніемъ къ Рахису съ тѣми или другими призываніями Сафы. Укладывая своихъ дѣтей, Осетинъ поручаетъ ихъ покровительству Сафы. Поглаживая голову ребенка и обводя рукою цѣпь у очага, онъ произноситъ: «Сафа, помилуй моихъ бѣдныхъ дѣтей, укрѣпи ихъ жизнь твоей твердой силой навсегда, храни ихъ отъ нечистыхъ и злыхъ силъ» [2]). Имя Сафы постоянно слышится при семейной присягѣ; «клянусь этимъ пречистымъ золотомъ Сафы», [3]) говоритъ членъ семьи, если хочетъ увѣрить въ чемъ нибудь послѣднюю. Прибавленіе къ семьѣ также сопровождается моленіями съ особыми обрядами Сафѣ. Отправляясь на какое нибудь предпріятіе, Осетинъ поручаетъ себя покровительству Сафы; благополучный исходъ дѣла опять сопровождается благодарственнымъ моленіемъ, на которомъ не могутъ присутствовать непринадлежащіе къ семьѣ. Въ виду присутствія видимаго символа Сафы въ Осетинской саклѣ (избѣ), послѣдняя пріобрѣтаетъ значеніе священнаго религіознаго мѣста. Въ саклѣ поэтому строжайше возбраняется сквернословіе, ссоры и др... Въ ней не могутъ спать члены семьи, въ особенности женатые со своими женами; исключеніе допускается для престарѣлаго главы семьи, для котораго ставится обыкновенно родъ дивана. Женщины послѣ родовъ въ продолженіи по крайней мѣрѣ двухъ недѣль не могутъ являться въ саклю. Нарушающіе эти требованія прогнѣвляютъ Сафу, а народъ ихъ

---

[1]) Совр. обыч. и др. законъ Ковал. т. I, стр. 93—99; Сбор. свѣд. о Кавк. горц. вып. III, стр. 23—39. Терск. вѣд. 1868 г. № 11, возраженіе на эту статью Терск. вѣд. 1868 г. 17.

[2]) Сбор. свѣд. о Кавк. гор. вып. III, стр. 16.

[3]) Осет. эт. ч. II, стр. 248—249.

клеймитъ позорнымъ именемъ «кули-бадаг'овъ» [1]). Постоянное поддерживаніе огня на очагѣ въ продолженіи дня составляетъ непремѣнную обязанность семьи; его съ ранняго утра зажигаетъ младшій членъ семьи и тушитъ поздно вечеромъ старшій. Обращаясь къ сравнительной миѳологіи народовъ, мы безъ труда можемъ отмѣтить сходство съ предписаніями священной книги Иранцевъ [2]).

Этимъ мы покончимъ свой экскурсъ въ область Осетинской миѳилогіи.

Разсмотрѣніе праздниковъ, обычное въ подобныхъ случаяхъ, мы оставляемъ въ виду того обстоятельства, что они, во 1-хъ, отчасти вошли въ наше изложеніе, по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ нихъ; а во 2-хъ, совершенно ничего не даютъ для нашей цѣли. Они имѣютъ только, такъ сказать, календарное значеніе, которое такъ сильно осложнилось въ виду сильнаго христіанскаго вліянія, что мы положительно лишены возможности составить себѣ какое бы то ни было представленіе о формѣ древнѣйшаго до христіанскаго счисленія. Отказываясь поэтому отъ безполезныхъ поисковъ за календаремъ, не имѣющимъ на нашъ взглядъ никакой важности въ настоящемъ случаѣ, мы на основаніи уже сказаннаго о божествахъ Осетинской религіи можемъ свидѣтельствовать фактъ сходства ея древнѣйшей части съ миѳологіей арійскихъ народовъ, иранской группы.

Конецъ перваго отдѣла.

---

[1]) Смыслъ этого слова не совсѣмъ ясенъ; оно буквально значитъ; «сидящій въ стѣнѣ».

[2]) В. Миллеръ видитъ здѣсь вліяніе Асвиновъ Діаскуровъ Арійск. миѳол. См. очерк. I, стр. 276.

Отдѣлъ второй

Глава I.

На всемъ протяженіи исторіи постепеннаго воздѣйствія христіанства на Осетинъ мы замѣчаемъ два историческихъ момента, которые составляютъ вѣнецъ христіанства Осетіи. Въ зависимости отъ нихъ мы дѣлаемъ попытку раздѣлить всю исторію на четыре періода. Первый моментъ—время существованія Осетинской митрополіи отъ X вѣка до 1453 г. Второй—время дѣятельности правильно-организованной русской миссіи съ 1746 года доселѣ. Время предшествовавшее открытію епархіи, мы считаемъ подготовительнымъ,—такъ какъ за этотъ періодъ вліяніе христіанства, какъ показываютъ письменные и нѣмые памятники, носитъ характеръ случайный, не распространяясь на все населеніе громадной тогда страны Осетіи. Съ 1453 г. по 1746 годъ можно назвать періодомъ печальнымъ для христіанства, періодъ сильной мусульманской пропоганды.

Такимъ образомъ дѣленіе можно представить въ такомъ видѣ:

I періодъ подготовительный до конца IX вѣка.

II » Осетинская епархія съ X вѣка по 1453 г.

III » Паденіе христіанства съ 1453 г. по 1746 г.

IV » Возстановленіе христіанства съ 1746 г. по настоящее время. Этому дѣленію соотвѣствуетъ и характеръ гражданской жизни Осетинъ. Въ первый періодъ господствуетъ феодальный порядокъ жизни. Во второй—происходитъ объединеніе страны подъ одною единодержавною властью царя Осетіи; въ третій—паденіе царскаго могущества и время господства иноземныхъ гражданскихъ порядковъ, и въ послѣдній періодъ

совершенно новая эпоха исторической жизни, плоды которой выказались на нашихъ глазахъ. Но мы, конечно, далеки отъ той мысли, чтобы пріурочивать дѣленіе къ предѣламъ опредѣленныхъ кратковременныхъ сроковъ. Историческое явленіе вовсе не такъ просто, чтобы его съ удобствомъ раздѣлить на части; оно развивается постепенно въ теченіи десятковъ и сотенъ лѣтъ и переживаетъ въ своемъ поступательномъ движеніи фазисы, иногда очень продолжительные. Постепенность этого развитія неизбѣжно оттѣняетъ ихъ другъ отъ друга многолѣтними промежутками, которые зовутся переходными эпохами, переходнымъ состояніемъ. Послѣднія часто отпечатлѣваются на страницахъ исторіи такими фактами, которые служатъ для насъ тѣмъ, чѣмъ верстовые столбы для путниковъ въ незнакомой странѣ. Открытіе Осетинской епархіи и учрежденіе правильно-организованной русской миссіи служатъ для насъ такими показателями, съ помощью которыхъ мы всю массу историческаго, не всегда яснаго, матеріала раскладываемъ на части въ извѣстномъ направленіи къ намѣченной цѣли.

Період первый (до IX в.)

Прежде чѣмъ заняться разборомъ свѣдѣній по интересующему насъ вопросу, мы считаемъ необходимымъ остановиться на тѣхъ названіяхъ, подъ которыми въ различное время были извѣстны предки современныхъ Осетинъ у древнихъ писателей. Обращаясь къ этому вопросу, мы сталкиваемся съ труднымъ историческимъ обстоятельствомъ, доселѣ невыясненнымъ съ достаточною ясностью,—именно все населеніе Южно-русской равнины носило въ древности разныя названія, которыя преемственно смѣняли другъ друга. Отецъ исторіи Геродотъ называетъ населеніе этой мѣстности скиѳами съ различными подраздѣленіями [1]). Страбонъ—Сарматами [2]). Позднѣе тоже населеніе въ болѣе южной территоріи названо впервые (во время Нерона) Сенекой младшимъ и Луканомъ—Аланами [3]). Всѣ эти и другія названія народовъ, бродившихъ нѣкогда въ южно-русской равнинѣ не означаютъ народности, а имѣютъ значеніе собирательное географическое [4]).

Въ числѣ народовъ, бывшихъ извѣстными подъ упомянутыми названіями, по мнѣнію компетентныхъ ученыхъ, находи-

---

[1]) Геродотъ IV, 116; Брунъ «опытъ соглашенія противорѣчивыхъ мнѣній о Геродотовой скиѳіи». Черноморье II, 104; В. Миллеръ. Экскурсъ о скифахъ ос. эт., ч. III, стр. 117..., чт. въ ист. общ. Нест. лѣт. XIII, стр. 92...

[2]) Страбонъ II, 5, 31; XI, 2, 16; VII, 3, 13

[3]) Trag. Thyest. V 629; чтенія въ ист. общ. Нест. лѣт. кн. XIII, стр. 102 Лукана Phars VIII, 222.

[4]) Страбонъ VII, 6, 2; Плиній IV, 81; Тацитъ III, 7, 8; Птоламей III, 5, 1; V, 8, 1; III, 10, 7; V, 8, 11, 15, 13. Миллеръ Ос. эт. III, стр. 84; чтенія въ ист. общ. XIII, стр. 101. Рукописи Буткова № 7, стр. 236 статья: «попытка къ составленію древней исторіи Осетинцевъ»; еще стр. 252—260. О народности Сарматовъ.

лись народности Иранскія [1]). Сами древнія писатели оставили довольно ясныя указанія объ этомъ [2]). Принимая во вниманіе во 1-хъ, географическій характеръ термина «скиѳы» и «Сарматы», а во 2-хъ, Иранское происхожденіе части вводившихъ въ него народовъ и въ 3-хъ, отсутствіе другаго названія за этотъ періодъ для обозначенія предковъ Осетинъ, мы полагаемъ, что въ числѣ этихъ народовъ находились и предки современныхъ Осетинъ [3]). Названіе народовъ упомянутой территоріи Аланами имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ Осетинамъ, неразрывая въ то же время связь съ указанными выше двумя терминами.

Такъ, Іосифъ Флавій въ своемъ описаніи Іудейской войны, говоря о страшномъ нашествіи сѣверныхъ варваровъ—Алановъ на Арменію и Мидію, прибавляетъ въ поясненіе, что это скиѳы «обитающіе около Танаиса и Меотійскаго озера» [4]). Тацитъ въ сохранившихся частяхъ своего историческаго труда нигдѣ не называетъ имени Аланъ и пользуется терминомъ «Сарматы» для обозначенія какъ прикавказскихъ кочевниковъ, такъ и ихъ собратіевъ на берегахъ Дуная [5]). Плиній локализуетъ страну сарматовъ въ топографическомъ отношеніи съ Иверіей, съ которой соединяютъ первую «Кавказскія ворота» [6]). Эти и другія многочисленныя свидѣтельства указываютъ, повторяемъ, на ту связь, въ которой стоитъ названіе Алановъ къ Скиѳамъ и Сарматамъ.

Обращаясь собственно къ значенію самаго термина Алановъ, мы видимъ, что въ однихъ случаяхъ онъ имѣетъ значеніе географическое, въ другихъ—этническое,—обозначая народ-

---

1) В. Миллеръ черты старины... Ж. М. Н. П. 1882 г. Август. Шпигель Eranische Alterhumskunde; Эдуардъ Мейеръ. Geschichte des Alterhumskun I Band. (1884); Кіевск. стар. 1884 г. Май—возраж. пр. Мищенко, о царск. скиѳахъ.

2) Плиній говоритъ о Сарматахъ «Tanaim amnem colunt Sarmatae, Medorum, ut ferunt. Soboles». VI, 7; VI, 19; о томъ же Діодоръ Сицилійскій II, 43; Геродотъ V, 9 и др. Трудно допустить, чтобы писатели безъ достаточныхъ основаній стали единогласно свидѣтельствовать родство народовъ Сарматіи съ мидянами.

3) Чт. въ ист. об. XIII, 94—101; Ос. эт. Миллера ч. III, 84 и далѣе.

4) Bell. Iud. VII, 7, 4.

5) Чтенія стр. 102.

6) Plin. h. n. IV, 80, 39.

ность Осетинъ. Правда, строгой отчетливости, въ терминологіи древнихъ писателей мы не встрѣчаемъ: часто имена народовъ повторяются по традиціи и продолжаютъ существовать въ географическихъ и историческихъ сочиненіяхъ, не смотря на то, что истинные носители этихъ названій давно уже исчезли изъ прежнихъ мѣстъ и смѣшались съ новыми народами. Нерѣдки и случаи смѣщенія народныхъ названій вслѣдствіе нѣкотораго звуковаго сходства. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ сдѣлать приблизительную оцѣнку свѣдѣніямъ объ Аланахъ въ смыслѣ географическаго или этнографическаго ихъ значенія.

Въ первомъ отношеніи важны свидѣтельства: а) Амміана Марцелина [1]). Онъ говоритъ: «Аланы побѣдами покорили мало по малу сосѣдніе народы и дали имъ свое имя», [2]) далѣе замѣчаетъ: «Аланы размѣщены по обѣимъ частямъ свѣта... живутъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; нѣкогда всѣ они приняли одно имя и называются теперь Аланами, потому что у всѣхъ ихъ одинаковые нравы, дикій образъ жизни и одинаковое вооруженіе», [3]) затѣмъ идетъ описаніе наружности и занятій Алановъ [4]). Безъ сомнѣнія, что въ содержаніе собирательнаго имени Алановъ Ам. Марцелина входили и предки современныхъ Осетинъ, на что указываетъ и описаніе Аланъ чертами, стоящими въ совершенномъ согласіи съ тѣми, въ какихъ описываются Аланы-Осетины у древнихъ же писателей.

б) Позднѣе Прокопій упоминаетъ Алановъ въ сосѣдствѣ съ Иверами и Абазгами, далѣе говоритъ, что «близь нихъ живутъ Зихи, а за ними Гунны; Аланы занимаютъ пространство отъ горъ Кавказскихъ до Каспійскихъ вратъ (дербентскія ворота), никому не подчиняются, союзятъ съ Персами и воюютъ съ Римлянами». Тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что между Аланами и Абазгами сидятъ Врухи и что Аланы

---

[1]) Осет. эт. ч. III, стр. 42.

[2]) Am. Marcel XXXI, 31.

[3]) Ib. XXXI, 17.

[4]) Ib. XXXI, 3, 1, 21 ср. Ос. эт. III, 42—43 и ГАНА «извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ». Сборникъ матеріал. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. IV, от. I, стр. 188—191.

сосѣдятъ съ сунитами (сванетами) [1]. в) Въ этой приблизительно территоріи по свидѣтельству Періегета Діонисія живутъ: Германы, Сарматы, Геты, Вастарны, Даки, Аланы и Тавры [2]. О другихъ многочисленныхъ свидѣтельствахъ географическаго характера мы умалчиваемъ, такъ какъ приведенными свѣдѣніями достаточно выясняется наша цѣль [3].

Обращаясь далѣе къ свѣдѣніямъ этнографическаго характера, мы считаемъ нужнымъ сообщить имя основательнаго ученаго Клапрота, впервные отождествившаго современныхъ Осетинъ съ древнимъ кочевымъ племенемъ Алановъ [4]. Разборъ свидѣтельствъ древнихъ историковъ и географовъ не оставляетъ сомнѣнія въ полной справедливости этого мнѣнія.

На страницахъ анналъ Вахтанга говорится объ участіи Оссовъ въ борьбѣ Грузинъ съ Армянами между 87 и 103 годами при армянскомъ царѣ Арташесѣ и его полководцѣ Сумбатѣ Бивритіанѣ. О томъ же самомъ событіи разсказываетъ Моисей Хоренскій въ своей исторіи, при чемъ союзники Грузинъ у него названы Аланами. [5]. Здѣсь для насъ важно то обстоятельство, что въ разсказѣ объ одной и той же войнѣ народъ, названный у грузинскаго лѣтописца «Оссами», у Армянскаго называется «Аланами».

Въ совершенно такомъ же отношеніи находится къ названію Аланъ слово «Ясъ». Іосифъ Флавій говоритъ объ Аланахъ, что они скиѳскаго происхожденія, живутъ у Танаса и Меотійскаго озера. Въ рукописномъ переводѣ XII вѣка, принадлежащемъ Е. В. Барсову, это мѣсто читается: «языкъ же яській вѣдомъ есть, яко отъ печенѣжьскаго рода родися, живуща подлѣ Тана и Меотійскаго моря». Русскій книжникъ замѣнилъ здѣсь скиѳовъ печенѣгами, а Алановъ Ясами [6].

---

[1]) Осет. этюды III, ст. 43—44; De Bello Persico II, 29; IV, 3, 4. I, 15.

[2]) Чт... кн. XIII, стр. 108.

[3]) Подробнѣе у Ю. Кулаковскаго: Аланы по свѣдѣн. клас. и Визант. писателей. Чт. въ ист. об. Нест. лѣт. кн. XIII; Ос. эт. Миллера III и др.

[4]) Memoire dans le guel on prouve l'identife des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen aqe 1822 г. см. Осет. этюды III, стр. 39.

[5]) Ibid. стр. 25 и 40 ср. Моис. Хор. «Ист. Арменіи» гл. 50.

[6]) Ос. эт. III, 40—41 ср. de bello lud. VII, 7.

Обозначеніе сѣверныхъ Кавказскихъ народовъ асовъ, ясовъ (Осетинъ) именемъ Алановъ встрѣчается и у западныхъ средневѣковыхъ писателей. Такъ извѣстный путешественникъ Плано Карпини, ѣздившій въ золотую орду въ 1227 году, перечисляя народы, платящіе дань татарамъ, называетъ въ числѣ ихъ алановъ-асовъ. Тотъ же путешественникъ сообщаетъ, что часть алановъ еще оказывала сопротивленіе татарамъ и послѣдніе держали въ заложникахъ одного аланскаго князя.

Другой путешественникъ Іосафатъ Барбаро, совершившій въ 1436 г. путешествіе въ Тану, говоритъ объ Аланіи: «Аланія заимствовала свое названіе отъ народа Аланскаго, называвшаго себя на своемъ языкѣ Асъ [1]). Подъ названіемъ Алановъ были извѣстны Оссы и арабскимъ писателямъ. Дарьялскія ворота, называемыя грузинами осскими (врата асеета), у арабскихъ писателей называются Аланскими. Тѣже ворота извѣстны у Европейскихъ писателей подъ названіемъ *Porta Alanorum* [2]). Названіе Осетинъ Аланами существовало по разсказамъ старожиловъ, вплоть до XVIII вѣка въ западныхъ частяхъ теперешней территоріи. Грузины и по сіе время называютъ Осетинъ оссами (особи). Названіе Асъ также до сихъ поръ уцѣлѣло въ названіи территоріи Балкарцевъ, западныхъ сосѣдей Осетинъ; они (балкары) поселились тамъ послѣ Осетинъ, имя которыхъ удержала мѣстность, не смотря на то, что ихъ уже оттиснули на востокъ [3]).

Племя Алановъ занимало въ древности сѣверо-Кавказскую равнину или иначе—южно-русскую до устьевъ рр. Волги, Дона, Днѣстра, Днѣпра и Дуная, получившихъ свои названія отъ языка Осетинъ-Алановъ [4]). Поселеніе ихъ въ этой равнинѣ восходитъ къ доисторическимъ временамъ, какъ нами показано выше въ первомъ отдѣлѣ. Письменные памятники подтверждаютъ эту древность Осетинскихъ поселеній. Уже въ III в. до

---

[1]) Ос. эт. III, 41—42.

[2]) Ibid p. 42.

[3]) Ibid p. 7.

[4]) Донъ по осетински—вода, рѣка; Днѣстръ—большая рѣка; Днѣпръ—много воды; Дунай—всемирная рѣка. Ср. сб. свѣд. о Кав. т II, стр. 92—95; ос. эт. III, 66—70 и 97—99.

Р. X. Оссы являются могущественными союзниками Грузинъ. Время появленія ихъ на Кавказѣ по Грузинской лѣтописи восходитъ къ доисторическимъ временамъ. Миѳическій родоначальникъ Оссовъ—Іовосъ такъ же древенъ, какъ миѳическій родоначальникъ Грузинъ. Показанія Грузинской лѣтописи о древности Осетинъ находятъ рѣшительное подтвержденіе въ однохарактерныхъ свидѣтельствахъ древнихъ писателей объ Аланахъ, нами отчасти уже разсмотрѣнныхъ [1]).

Съ этой древнѣйшей территоріи одна часть Осетинъ (Аланъ) въ историческое время была согнана на югъ, а другая вовлечена въ водоворотъ народовъ, двигавшихся съ востока на западъ. Самое ранѣе свидѣтельство о столкновеніи предковъ Осетинъ-Алановъ съ Тюркскимъ племенемъ Гуновъ находимъ въ извѣстіи Аммiана Марцелина: «Гунны вторгнувшись въ землю Алановъ, многихъ убили и ограбили, а съ остальными заключили союзъ и съ ихъ помощью съ большою увѣренностью вторгнулись въ пространныя и плодородныя владѣнія Эрманриха [2]). Послѣ этого погрома, относящагося къ послѣдней четверти IV в. и обрушившагося не на всѣхъ Алановъ, а главнымъ образомъ на западныхъ, прилегавшихъ къ Меотидѣ и Дону, — въ ближайшемъ сосѣдствѣ Алановъ въ V и VI в.в. являются Тюркскія племена. Имя Гунновъ смѣняется именемъ Утургуровъ, а затѣмъ именемъ Болгаръ [3]). Въ царствованіе Тиверія II Константина (578—582) Аланы вмѣстѣ съ Утургурами и Балкарами покорены Хазарами, владычество которыхъ продолжалось до конца IX вѣка. Не мало безпокоили Осетинъ и Половцы (Кипчаки и Куманы) [4]). Но самыми страшными вра-

[1]) Совр. обычай и древн. Зак. т I, стр. 17—18.

[2]) Amm. Marc. XXXI, 2; ср. матер. по арх. кавказа вып. III, стр. 116.

[3]) По свидѣтельству армянскаго историка VII в. на сѣверѣ отъ нижней Кубани живутъ 4 колѣна Болгаръ (Купи Булкаръ, Дучи Булкаръ, Огхондоръ Булкаръ, и Чдаръ Булкаръ). Феофанъ говоритъ, что между озеромъ Меотійскимъ и р. Куфисъ. (Кубань) лежитъ древняя или Великая Болгарія. См. матер. по арх. Кавказа III, стр. 116—117. Ос. Эт. III, стр. 60—103. Балкары живутъ до селѣ въ сосѣдствѣ съ Осетинами на западъ.

[4]) Матер. по арх. Кавк. III, 111—117; Ос. эт. III, 62, 56; Гильденштедъ: «Описаніе Грузіи и Кавказа». СПБ. 1809 г. стр. 89; Сумъ Историческое разсужденіе объ уцах или Половцахъ. Москва 1848 г.

гами Осетинъ съ XV вѣка явились Тюркско-татарскія и черкесскія племена въ лицѣ горскихъ татаръ и Кабардинцевъ. Осетины окочательно оттиснуты съ Кубани и сѣверо-Кавказской равнины и загнаны въ центръ Кавказскихъ горъ, гдѣ нашли одновременно благопріятныя условія для сохраненія своей независимости и національности и препятствія къ своему численному размноженію [1]).

Еще болѣе печальна участь Осетинъ, вовлеченныхъ въ потокъ историческихъ событій нашествіемъ Гунновъ на дальный западъ. Разобщенные со своей родиной, они смѣшались съ Романскимъ населеніемъ запада, утратили свою національность и позабыты исторіей. Отъ VII и дальнѣйшихъ вѣковъ о нихъ нѣтъ никакихъ извѣстій ни въ Испаніи, ни въ Галліи, ни въ Придунайскихъ областяхъ [2]). Нѣкоторая часть ихъ раздѣлила печальную участь вмѣстѣ съ Вандалами въ Испаніи и переселилась съ ними въ 427 г. въ Африку; основали здѣсь царство, которое въ послѣдствіи было разрушено Юстиніаномъ Великимъ [3]). Слѣды Осетинскихъ поселеній найдены не давно въ Китаѣ. Здѣсь они занимали важныя государственныя должности и исповѣдывали христіанство [4]). О древнихъ Осетинскихъ поселеніяхъ въ Крыму и на Дунаѣ свидѣтельствуютъ топографическія названія мѣстностей, занятыхъ уже новыми народами [5]).

Все это показываетъ, что уцѣлѣвшіе въ горныхъ трущобахъ Кавказа современные Осетины не болѣе, какъ жалкій

---

[1]). Макс. Ковалевскій «совр. обыч. и древн. зак.» т. I, стр. 18—19.

[2]) Чт. ист. общ. XIII. 108—138; ос. эт. III, 47—48; сборн. свѣд. о кав. т. II, стр. 106—108. Статья Пфафа: «Осетины въ Сиріи. Испаніи, Африки и остальной Европѣ».— Авторъ слишкомъ не разборчивъ въ пользованіи свѣдѣніями объ аланахъ. Также рукопись Бут. № 6. б. стр. 151.

[3]) Чт. въ ист. об. XIII, 134; Еще царь Египетскій Саладинъ купилъ 12 тысячъ молодыхъ кавказневъ, считавшихся въ то время лучшими войнами и образовалъ изъ нихъ придворную гвардію. Въ числѣ этихъ невольниковъ находились и Осетины, считавшіеся всегда лучшими воинами. Рукоп. Бутк. № 6. б. стр. 613.

[4]) Живая сторона 1894 г. т IV, стр. 65—77 «Русь и Асы въ Китаѣ на Балк. полуостр. въ Румыніи и въ Угорщинѣ въ XIII и XIV вв.» Замѣтки Преосв. Палладія, доктора Бретшнейдера, архим. Руварца и Редактора старины)

[5]) Чт. въ ист. об. XIII, 154—165.

осколокъ нѣкогда могущественнаго племени Алановъ. Исторія его употребляется некрологу, съ описаніемъ послѣдовательно посѣщавшихъ его историческихъ болѣзней, постепенно разъѣдавшихъ его могучій организмъ. Но въ этомъ печальномъ повѣствованіи есть страницы, составляющія гордость угрюмыхъ сыновъ горъ и вдохновляющія ихъ воспоминаніемъ славы предковъ. Къ такимъ свѣтлымъ страницамъ, безъ сомнѣнія, относится постепенное усвоеніе народомъ христіанской культуры, такъ сказать—христіанизація народа, проходящая чрезъ всю его историческую жизнь, претерпѣвая въ своемъ развитіи то благопріятныя, то не благопріятныя условія. Прослѣдить по имѣющимся историческимъ даннымъ этотъ процессъ составляетъ нашу задачу въ настоящемъ случаѣ.

Всѣ христіанскіе народы имѣютъ преданія, возводящія начало христіанства среди нихъ ко временамъ апостольскимъ. Религіозное чувство въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обычному стремленію покоиться на твердомъ фундаментѣ, каковымъ въ данномъ случаѣ является апостольская проповѣдь; но дѣло исторіи провѣрить насколько возможно созданія чувства, хотя бы и высокаго нравственнаго мотива и представить истинную цѣнность ихъ въ ходѣ событій даннаго времени. Всѣ занимавшіеся исторіей христіанства на Кавказѣ, насколько намъ извѣстно, единогласно говорятъ объ апостольской проповѣди среди обитателей Кавказа [1]). Но довѣріе къ нимъ значителельно подрывается (а по нашему и окончательно) изслѣдованіями проф. СПБ. Духовной Академіи В. В. Болотова. Извѣстный знатокъ церковной исторіи совершенно опровергъ мнѣніе о проповѣди ап. Андрея на Кавказѣ [2]). Наряду съ этимъ церковныя преданія Грузинъ объ апостольской проповѣди въ Грузіи (а слѣдовательно и Осетіи) подвергнуты строгому критическому разбору знатокомъ Грузинской церковной исторіи г. Джаваховымъ, который указалъ въ

---

[1]) Сабининъ (ист. Груз. церкви); Іоселіани (ист. гр. ц.); Бокрадзе (и. гр. ц.) Броссе (и. Г. ц.) Джанашвили, Жорданія и др. Изъ Русскихъ: Преосв. Макарій, проф. С.П.Б. Дух. Ак. Карташовъ, Бутковъ, Пфафъ и др...

[2]) Христіанское чт. 1901 г. м. Іюнь.

ниxъ массу противорѣчій и несообразностей [1]). Подобные труды, безъ сомнѣнія, дадутъ возможность возстановить истинный ходъ вещей, и тѣмъ прекратить традиціонное повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ о бытіи апостоловъ съ проповѣдью христіанства въ тѣхъ или другихъ странахъ [2]).

Въ виду такого положенія вопроса и крайней сложности его рѣшенія за отсутствіемъ собственной лѣтописи у Осетинъ, мы удерживаемся отъ выраженія собственнаго мнѣнія какъ въ ту, такъ въ дугую сторону.

Въ слѣдующій за апостольскимъ вѣкомъ періодъ времени вплоть до IV вѣка мы не имѣемъ совершенно никакихъ извѣстій о распространеніи христіанства въ Осетіи. Порядокъ вещей также не способствовалъ насажденію христіанства. Какъ показано выше, Осетины тогда населяли громаднѣйшую территорію, необъединенную подъ одною властью [3]).

«*Principes sunt, gui autoritate maius, guam potestate praesunt*», говоритъ Тацитъ объ этомъ населеніи [4]) Власть этихъ авторитетныхъ людей ограничивалась военнымъ временемъ. Такая разрозненность, по нашему мнѣнію, не могла способствовать насажденію христіанства. Характеръ времени подтверждаетъ тоже самое. Весь этотъ періодъ проходитъ въ постоянныхъ смутахъ и войнахъ, въ которыхъ принимали участіе и Осетины.

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр. 1901 г. Янв. ч. CCCXXXIII, стр. 77—113.

[2]) Исторія Груз. церкви до VI в. Сабинина. Авторъ говоритъ, что ап. Андрей въ сопровожденіи Симона Кананита посѣтилъ страну «оссовъ», водрузивъ крестъ на г. Казбекѣ (стр. 13—15). Тоже самое говоритъ Бутковъ (Рук. № 6, б. стр. 624). Гора Казбекъ доселѣ у Осетинъ назыв. «Чырыстіі Цупб» Христова гора. Броссе, Іоселіани, Бокрадзе, Жорданія, Джанашвили и др. историки Гр. ц. исторіи говорятъ также о проповѣди апостоловъ въ странѣ «Оссовъ» Пр. Макарій съ особ. тенденціозностью развивалъ эту мысль, пользуясь свѣдѣніями лѣтописей безъ всякаго крит. отношенія къ нимъ, вслѣдствіе чего впалъ въ большія противорѣчія, какъ это доказалъ пр. Ю. Кулаковскій (Виз. вр. V, Стр. 1—18); Баронъ Усларъ въ статьѣ: «начало хр. въ Закавказіи и на Кавказѣ» (сб. свѣд. о Кавк. гор. вып. II) говоритъ о значеніи Кавказскихъ евреевъ для христіанизаціи страны. Фактъ существованія евреевъ на Кавказѣ доселѣ внѣ сомнѣнія, но ихъ христіанское вліяніе, украшенное чудесными сказаніями (Собининъ стр. 2—11), находится подъ большимъ сомнѣніемъ.

[3]) Чт. въ ист. об. Нест. лѣт. кн. XIII, стр. 104—105; (Дробились между отдѣльными державц). sceptuchi, какъ ихъ наз. Тацитъ (Ibid)

[4]) Сб. свѣд. о Кавк. гор. вып. IV, Стр. 11—12 и 24

Считаясь лучшими воинами того времени, они поступали на службу Армянамъ, грузинамъ, Персамъ, Римлянамъ и др... Часто случалось, что они сражались въ рядахъ войскъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Въ случаѣ выгоды они измѣннически переходили на другую сторону... По свидѣтельству Тацита въ I в. мы видимъ Осетинъ въ войскахъ Иверіи противъ Парѳянъ, потерпѣвшихъ совершенное пораженіе отъ союзныхъ войскъ [1]). Тѣ же самые Оссы немного спустя участвуютъ въ междоусобицахъ двухъ братьевъ царскаго дома Иверіи Фарасмона и Митридата [2]). Іосифъ Флавій говоритъ о страшномъ нашествіи Осетинъ въ 72 г. на Арменію и Мидію [3]). Между 78 и 103 г.г. Осетины являются въ союзѣ съ Грузинами съ значительнымъ войскомъ подъ начальствомъ двухъ братьевъ Базука и Абазука и вторгаются въ предѣлы Арменіи. Битва заканчивается бракомъ царевича Арменіи на дочери Осскаго князя—Сатинигъ [4]). Въ 133 г. Осетины дѣлаютъ опустошительное нашествіе на Арменію и Мидію; Царь послѣдней Вологезъ III отклонилъ грозу щедрыми подарками [5]). При Грузинскомъ царѣ Амзаспѣ II (182 — 186) Осетины ведутъ войну съ Грузинами и берутъ Мцхетъ, столицу грузинскаго царства. Затягивается война, продолжавшаяся десятки лѣтъ и ознаменованная для Осетинъ совершеннымъ пораженіемъ и оставленіемъ предѣловъ Грузіи. Въ 242 г. Имп. Гордіанъ III близъ Филиппополя получаетъ пораженіе отъ Осетинскаго отряда. Позднѣе Осетины являются въ числѣ враговъ Имперіи, съ которыми воевалъ Авреліанъ [6]).

Между 262 и 265 годами мы видимъ Осетинъ опять въ союзѣ съ Грузинами противъ Персовъ [7]). Въ царствованіе Миріана Осетины дѣлаютъ нападеніе на закавказіе подъ на-

---

1) Ib. p 11—26.

2) Ib. 26—27. ср. «Двѣ клас. надписи, найденыя въ закав.» Бартоломея Тиф. 1847 г. извлеченіе сдѣлано г. Пфафомъ въ цит. сборникѣ.

3) Чт. въ истор. об. XIII, Стр. 102.

4) Сб. свѣд. о К. Г. IV, стр. 26—27, ос. эт. III, 27—28; Рук. Бутк. № 7. ст. 266. Моисей Хор. II, 47.

5) Чт. въ ист. об. XIII, стр. 105—106. Сб. свѣд. о К. Г. вып. IV, 28 Штриттеръ IV, 334.

6) Чт. въ ист. об. XIII, стр. 109.

7) Ос. эт. III, 28—29; сб. св. о К. Г. IV, 29.

чальствомъ Фероха [1]) и Кавція; дѣло оканчивается печально для Осетинъ... [2]) Такова въ существенныхъ чертахъ картина тогдашней жизни Осетинъ,—картина, далеко не полная. Могла-ли при такихъ тревогахъ зародиться какая нибудь культура, въ особенности христіанская, требующая по глубокому своему нравственному содержанію особеннаго спокойствія?

Въ IV вѣкѣ картина вещей измѣняется. Настунаетъ тишина въ политическомъ мірѣ. Исторія хранитъ молчаніе цѣлое столѣтіе объ Осетинахъ [3]). Въ это время происходитъ въ Грузіи событіе, которое по безпримѣрности своей не могло остаться безъ значенія для Осетинъ.—Дѣятельностью св. Нины Грузія оффиціально принимаетъ христіанство. Царь Миріанъ идетъ впереди народа въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Возрожденный Царь Иверіи въ порывѣ религіознаго воодушевленія возымѣлъ желаніе обратить въ христіанство горцевъ. «Желаю силою обратить въ христіанство горцевъ и зятя моего Пероза», говоритъ Царь св. Нинѣ [4]). Естественность этого желанія, если принять во вниманіе психологическую сторону факта крещенія, послѣдовавшаго послѣ чудесныхъ происшествій,—не можетъ подлежать сомнѣнію. Нравственный переломъ совершается всегда медленно, путемъ постепеннаго воздѣйствія, а подъемъ къ нему во внутреннемъ человѣкѣ является въ извѣстный опредѣленный моментъ. Таковымъ въ данномъ случаѣ является крещеніе царя, сопровождавшееся психическимъ переворотомъ въ сторону святости. Но сознаніе своей политической силы придало этому святому порыву царя характеръ земной, не христіанскій. Св. Нина указываетъ на это обстоятельство, какъ на несовмѣстимое съ духомъ христіанской религіи и предлагаетъ мирное средство: «Господь не велитъ обнажать меча; евангеліемъ и честнымъ крестомъ приведемъ ихъ на путь истины», говоритъ она... «И Нина, взявъ священ-

---

[1]) Ферохъ—по осетински—забытый

[2]) Сб. св. о К. Г. IV, 29: Ос. Эт. Ч. III, 29.

[3]) p. 29.

[4]) «Извѣстія Груз. лѣтописей и историковъ о сѣверномъ Кавказѣ и Россіи» Джанашвили (сб. мат. для описанія мѣстн. Кавк. XXII, стр. 17—18.

ника Іакоба и одного воеводу, отправилась въ горы, чтобы проповѣдывать евангеліе язычникамъ; такъ продолжаетъ лѣтописецъ [1]). Христіанская проповѣдь имѣла такой успѣхъ, что Царь Миріанъ въ концѣ своего царствованія могъ говорить: «Тьма, окружавшая насъ, превратилась въ свѣтъ, а смерть въ животъ вѣчный!» Онъ же завѣщаетъ сыну своему Реву: «нынѣ гдѣ только въ странѣ своей найдешь враговъ Картліи, т. е. ложныхъ идоловъ, сожги ихъ въ огнѣ, а пепелъ ихъ дай ѣсть тѣмъ, которые ихъ будутъ оплакивать. Тоже завѣщай сдѣлать своимъ сыновьямъ» [2]).

Исторія послѣдующихъ Царей Грузіи за разсматриваемый нами періодъ времени показываетъ намъ, какъ свято соблюдали они завѣщаніе царственнаго проповѣдника христіанства. Лѣтописи Грузіи полны замѣчаній о христіанскихъ заботахъ этихъ царей къ распространенію ими христіанства среди горцевъ. Обобщая всѣ эти свѣдѣнія, собранныя знатокомъ Гр. ц. исторіи Джанашвили, не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что ближайшая къ Иверіи часть Осетіи приняла христіанство и м. б. даже находилась въ нѣкоторой политической зависимости отъ царей Грузіи. Въ пользу такого предположенія можемъ еще привести раздробленность тогдашней Осетіи на отдѣльныя племена на громадной территоріи Сѣверо-Кавказской равнины, вслѣдствіе чего событія одного конца могли оставаться незамѣченными въ другомъ, облегчая въ то же время путь культурному вліянію на отдѣльныя части этого населенія.

Это же предположеніе подтверждается характеромъ событій, происходившихъ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ населенія Осетіи [3]). Крещеніе Гр. и христіанская дѣятельность ея царей совпали съ тѣмъ вѣкомъ, въ который стали приходить въ движеніе орды, населявшія Туранскую низменность и часть среднеазіатскаго плоскогорія. На р. Волгѣ и на берегу Меотійскаго озера по-

---

[1]) Ib p. 18

[2]) Ib p. 19

[3]) Не замѣнимымъ пособіемъ въ данномъ случаѣ является трудъ пр. Ю. Кулаковскаго: «Аланы, по свѣд. классич. и Виз. писателей» Чт. въ ист. об. Нест. лѣт. кн. XIII.

казались тогда предвѣстники того дикаго ополченія, которое скоро разгромило всю западную Европу. Осетины вовлечены были въ потокъ этихъ событій [1]). Въ 371 году они примкнули къ Гуннамъ и принимали непосредственное участіе во всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ [2]). Въ разгарѣ этихъ завоеваній Осетины раздѣлились еще на нѣсколько частей и только незначительная часть осталась вѣрною Гуннамъ. Мы видимъ ихъ так. обр. въ числѣ войскъ Вандаловъ, Готовъ, Римлянъ и др. Эти столкновенія народовъ, въ которыхъ лилась рѣкою человѣческая кровь, познакомили западный міръ съ храбростью Алановъ-Осетинъ и благодаря этому знакомству создались такія условія, которыя благопріятствовали смягченію нравовъ и подготовляли почву къ принятію мирной религіи, исповѣдывавшейся уже южными родичами, при постоянномъ содѣйствіи православной Грузіи.

Однимъ изъ такихъ условій было появленіе Аланъ въ рядахъ римскихъ войскъ. Начало этому порядку положилъ Граціанъ, который въ своей любви къ удали алановъ сформировалъ изъ нихъ цѣлый гвардейскій отрядъ и включилъ его въ списки полковъ Императорской Римской арміи. Пристрастіе императора къ своимъ фаворитамъ шло такъ далеко, что онъ появлялся предъ войсками въ аланскомъ національномъ вооруженіе и совершалъ походы въ этомъ нарядѣ. Сформированный Граціаномъ Аланскій отрядъ продолжалъ существовать и послѣ его смерти (383 г.).

Служили Аланы также и восточному Императору. По свидѣтельству историка Зосима, Имп. Ѳеодосій, нуждаясь въ пополненіи своей арміи, открылъ самый свободный доступъ въ нее задунайскимъ варварамъ—Аланамъ. Количество ихъ дотого увеличилось, что понадобились впослѣдствіи мѣропріятія къ ихъ сокращенію. Однимъ изъ такихъ мѣръ, по свидѣтельству того же историка, было позволеніе свободно покидать ряды арміи и возвращаться на родину,—позволеніе, имѣвшее силу и во все послѣдующее время [3]). Въ силу такого закона, можно

[1]) Ib. p. 112—117.

[2]) Ib. p. 117—119.

[3]) Ib. p. 119—122.

съ полною вѣроятностью предполагать, что происходило постоянное движеніе между обѣими странами, и какъ бы мы не умаляли его значеніе — оно не могло остаться безъ такого или иного культурнаго воздѣйствія. Аналогію подобнаго явленія мы наблюдаемъ въ современной жизни Осетинъ. Отправляясь въ далекую страну за наживой, аланинъ возвращается домой не только съ Римско-Византійскими деньгами, но и съ нѣкоторымъ культурнымъ запасомъ, котораго онъ не могъ не пріобрѣсть.

Это предполагаемое культурное вліяніе, вытекающее изъ хода историческихъ явленій, подтверждается извѣстіями положительнаго и опредѣленнаго характера. Извѣстный историкъ Іорданъ былъ по происхожденіи Аланинъ. Онъ ничего не сообщилъ о судьбѣ своихъ сородичей, кромѣ того, что нѣкоторая часть ихъ жила въ предѣлахъ Имперіи [1]). Но за то тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ онъ о себѣ, могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на то культурное вліяніе, которому подверглись Аланы въ предѣлахъ Имперіи.

Въ молодые годы Іорданъ состоялъ въ должности секретаря при племянникѣ царя Кондака-Гунтрикѣ, состоявшемъ въ званіи «*magister militum*». [2]) Въ концѣ своей жизни Іорданъ принялъ монашество, жилъ въ Константинополѣ и занимался литературными трудами. Онъ не упоминаетъ, когда принялъ христіанство, поэтому весьма вѣроятно предположеніе, что христіанами были уже его предки. Въ высшей степени интересно и важно и то обстоятельство, что для своихъ литературныхъ произведеній онъ избралъ латинскій языкъ. Такимъ образомъ знакомство Іордана съ культурнымъ языкомъ, а еще болѣе выступленіе его на литературное поприще въ связи съ принятіемъ монашества дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что сородичи его подверглись культурному вліянію въ предѣлахъ Имперіи, въ которой они поселялись и что указанный случай не единственный [3]).

---

1) Iord. 50, 265.

2) Iord. 50, 266.

3) Чт. въ ист. об. Нест. л. XIII, стр. 136—138.

Если прибавить къ сказанному свидѣтельство Прокопія (VI в.) о томъ, что въ его время прикавказскіе аланы были «вѣрными союзниками Имперіи и друзьями христіанъ», [1]) то можно утверждать, что и на сѣверѣ Осетинской территоріи дѣйствовали благопріятныя условія для знакомства Осетинъ съ культурой и христіанствомъ запада, и что благодаря имъ то и другое хорошо было извѣстно Осетинамъ. Правда мы имѣемъ свидѣтельство, о которомъ въ интересахъ истины не можемъ умолчать,—свидѣтельство, повидимому, разрушающее наше заключеніе. Пресвитеръ Массильскій Сальвіанъ, писавшій между 439—451 годами, въ своихъ характеристикахъ различныхъ варварскихъ племенъ, не находитъ у аланъ ни одной похвальной черты, а лишь отмѣчаетъ ихъ «грабительную жадность и безстыдные нравы» [2]). Христіанскій писатель сравнивалъ здѣсь характеръ Аланъ съ высшимъ христіанскимъ идеаломъ, служившимъ для него единственнымъ критеріемъ въ данномъ случаѣ [3]). Этимъ только можно объяснить рѣзкость его отзыва объ Аланахъ; но если бы принялъ онъ въ соображеніе исконныя бытовыя черты народа, можно думать—онъ заговорилъ бы совершенно другое.

Съ царствованія Юстиніана I (527—565 г.) для христіанства Осетіи наступила новая благопріятная пора. Послѣ удачныхъ войнъ съ Персами, онъ завладѣлъ Аланіею и присоединилъ къ своему титулу *Alanicus* [4]). Ему подчинялись всѣ горскія племена. Царь Аланіи Served Сародій находился съ нимъ въ особо дружественныхъ отношеніяхъ и являлся къ нему съ представительствомъ отъ тѣхъ народовъ, которые искали дружбы съ Римомъ [5]). При такихъ отношеніяхъ ревнитель христіанства

[1]) Procop. bel. Pers. I, 14, p. 74; II, 29, p. 288 ср. Чт. XIII, 124; Этюды III, 43—44; Не лишено значенія, что Аланія упоминается въ числѣ Рим. провинцій. При Имп. Діоклетіанѣ. Въ 12 году его царствованія Максиміанъ Геркулей получилъ Галлію и Британію, Констанцій же Аланію и Африку (штриттеръ IV, 335). Маркъ Аврелій и Юст. I именовались Sarmaticus и Alanius Сб. св. о К. Г. V, стр. 5.

[2]) Salvian. IV, 68; ср. Чтенія XIII, стр. 132—133.

[3]) Ib. p. 133.

[4]) Сбор. св. о К. Г. V, стр. 5—7.

[5]) «Византійскіе историки» Дестуниса СПБ. 1860 г. стр. 321—323.

Юстиніанъ могъ свободно простирать свою христіанскую дѣятельность на горцевъ Кавказа. Проводниками идей Императора были греческіе миссіонеры, которые имѣли успѣхъ среди горцевъ [1]). Наибольшій успѣхъ имѣли миссіонеры въ западномъ Кавказѣ, какъ ближайшемъ пунктѣ къ Византіи; свидѣтельствомъ того служатъ древніе храмы, болѣе или менѣе сохранившіеся отъ разрушенія въ недоступныхъ пунктахъ горныхъ ущелій. По мнѣнію д-ра Пфафа, однимъ изъ слѣдовъ древне-греческаго вліянія на Оссію можно отмѣтить Осетинское названіе «Юсъ-дзуаръ» [2]) (церковь Юстиніана). Это названіе дано маленькой каменной церкви въ Галіатѣ, въ которой, по преданію Осетинъ, жили нѣкогда греческіе миссіонеры-монахи. На аршинномъ растояніи отъ стѣны церковной, на сѣверъ, почиваютъ останки монаха и пройти между почивальнею монаха и церковною стѣною считается между жителями величайшимъ грѣхомъ [3]). По свидѣтельству историка Евагрія, обитавшіе на Танаисѣ варвары просили себѣ епископа и получили его отъ Византіи при Юстиніанѣ [4]). Пр. Макарій склоненъ видѣть въ варварахъ Осетинъ, [5]) но мы, вмѣстѣ съ проф. Ю. Кулановскимъ, [6]) рѣшительно отрицаетъ существованіе въ тогдашней Осетіи епископіи. Приведенное свидѣтельство Евагрія относитъ къ Готамъ, которые дѣйствительно въ царств. Юстиніана I просили себѣ новаго архипастыря и получили [7]). Каѳедра же Готская открыта еще въ IV вѣкѣ. Епископъ ея Ѳеофилъ присутствовалъ на первомъ вселенскомъ соборѣ [8]).

Преемникъ Юстиніана Великаго Юстинъ II продолжалъ господствовать на Кавказѣ. Царь Осетій Саросій по прежнему оставался союзникомъ Византіи и усердно защищалъ ея инте-

---

[1]) Сб. свѣд. о К. Г. V, 8—10.
[2]) Ib. p. 8—10; сб. матер. для опис. мѣстн. Кав. III, стр. 202—203.
[3]) Владик. Еп. вѣдом. за 1896 г. стр. 175—176 (св. Гатуевъ).
[4]) Evaqr Hist Eecles lib IV, c. 23.
[5]) «Ист. Христ. въ Россіи до равноап. Влад.» СПБ. 1846 г. стр. 104—105.
[6]) Визант. врем. V, 1898 г. стр. 1—7.
[7]) Ист. хр. до Влад. Макар. стр. 75—76.
[8]) Ib. p. 68, Зап. Одесскаго об. ист. и древн. т. XIII, стр. 25.

ресы на Кавказѣ[1]). Дружба не разстроилась и при Юстиніанѣ II. Національнымъ правителемъ Осетіи былъ Итаксисъ. Во время страшныхъ кровопролитныхъ войнъ Рима съ Арабами и ихъ союзниками—Кавказскими варварами, одни только Осетины оставались вѣрными Риму «изъ любви къ Императору»,[2]) Римскія войска свободно вступали въ предѣлы «дружественной страны» и оттуда дѣлали свои нападенія на враговъ съ помощью Осетинъ [3]).

Очерченная нами картина политическихъ отношеній, на сѣверной территоріи въ сосѣдствѣ съ Римско-Византійской Имперіей подтверждается и данными археологіи. Въ западныхъ предѣлахъ нынѣшней Осетинской территоріи открыты монеты римскихъ Императоровъ: Юстиніана I, Юстина II, Куропалата, Маврикія, Императора Фоки, Константина II и др. [4]). Найденъ также богатый матеріалъ торговыхъ сношеній: серьги, бляшки, бусы и др., которыя по всѣмъ признакамъ Римско-Византійскаго происхожденія [5]).

О дѣятельныхъ сношеніяхъ Осетіи въ разсматриваемый нами періодъ времени съ христіанской страной Римско-Византійской Имперіи свидѣльствуютъ и нѣкоторыя черты религіозно-общественнаго быта Осетинъ. Вникая въ смыслъ этихъ вліяній, мы замѣчаемъ, что они преимущественно выразились въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя ближе всего стоятъ къ христіанству и его нравственному воззрѣнію на семейныя и общественныя отношенія [6]). Отсюда естественно вытекаетъ заключеніе, что

[1]) Виз. Историки, Дестуниса стр. 382, 415, 420; сб. свѣд. о К. Г. V, 11—12; Чт. въ ист. об. XIII, стр. 140—141; ос. эт. III, стр. 54—55.

[2]) Чтенія... XIII, 143.

[3]) Ib. p. 143—144.

[4]) Матеріалы по археологіи Кавказа вып. VIII стр. 324 соч. гр. Уваровой изд. М. Имп. арх. об.

[5]) Въ упомянутомъ сочиненіи весьма богатый матеріалъ этого характера, разсѣянный на протяженіи всего сочиненія. Ставр. Еп. вѣд. 1888 г. № 18 стр. 718 и въ Матер. по арх. Кавказа вып. I, стр. 92—123. «Замѣчанія о культурѣ Осетіи». Очень важно для знакомства съ дѣломъ.

[6]) Законъ и обычай на Кавказѣ т. I, стр. 123—146. «Римско-Визант. вліяніе» особенно важн. стр. 145—146. Это вліяніе выразилось въ области религіи въ перенесеніи чертъ божествъ Римскаго Пантеона на божества Осетіи; въ области юрид. въ узаконеніяхъ о рабахъ, наложницахъ, ворахъ, незаконныхъ дѣтяхъ и др. Подробнѣе см. цит. сочин.

христіанство служило главнымъ звеномъ взаимоотношеній Византіи съ Осетіей, обусловливая въ тоже время характеръ культурнаго вліянія первой на вторую.

Другое вліяніе шло со стороны черноморскихъ епархій: Скиѳской, открытой въ послѣдней четверти (III в.), [1]) Херсонской (IV в.), [2]) Готской (IV в.), [3]) Сурожской, Фульской, и Боспорской [4]). Въ періодъ открытія и процвѣтанія этихъ епархій на сѣверо-Кавказской равнинѣ происходило постоянное движеніе народовъ, далеко заходившихъ по тѣмъ или другимъ историческимъ обстоятельствамъ на дальній западъ, не минуя, конечно территоріи поименованныхъ епархій. При этомъ движеніи народы осѣдали тамъ, гдѣ представлялись благопріятныя физическія и историческія условія жизни. Мы уже выше видѣли, что Осетины наравнѣ со всѣми другими народами испытали эту судьбу. Здѣсь мы можемъ частнѣе показать, что они попадали и въ предѣлы нашихъ епархій и, какъ видно изъ достовѣрныхъ источниковъ, пріобрѣли въ нихъ даже осѣдлость, не прерывая своей связи съ Кавказской родиной. Такъ Аланскій епископъ Ѳеодоръ (родомъ Осетинъ XIII в.) въ своемъ посланіи разсказывая о своихъ приключеніяхъ въ гор. Херсонесѣ, гдѣ онъ остановился случайно, сообщаетъ, что онъ встрѣтилъ своихъ соплеменниковъ неподалеко отъ города. «Близъ Херсона, говоритъ онъ, живутъ Аланы... Словно нѣкое огражденіе и охрана. Племя это разсѣяно и простирается отъ Кавказскихъ горъ до Иверіанъ древній предѣлъ ихъ родины, они возлюбили посылать нѣкіе многолюдные выселки, такъ что наполнили всю Скиѳію и Сарматію» [5]). Эти Аланы жаждали христіанскаго наученія и еп. Ѳеодоръ поучалъ ихъ, вслѣдствіе чего произошло столкновеніе съ еп. Херсонскимъ, видѣвшимъ въ поведеніи Аланскаго пастыря нарушеніе своихъ правъ. Еп. Ѳеодоръ при-

---

[1]) Ист. хр. въ Росс. до Равн. ап. Влад. стр. 50.

[2]) Ib. p. 63.

[3]) Ib. p. 68.

[4]) Ib. p. 80—94.

[5]) Чт. XIII, стр. 154—155; Аланское посланіе Еп. Ѳеодора въ зап. од. общ. ист. и др. т. XXI; ср. Визант. врем. V, ч. I, стр. 9.

нужденъ былъ удалиться изъ Херсона. Направившись на востокъ, онъ остановился въ Боспорѣ (Керчь), гдѣ также встрѣтилъ своихъ соплеменниковъ. Однохарактерное свидѣтельство имѣемъ также отъ Константина Порфиророднаго, который говоритъ, что Аланы могутъ защищать «Херсонъ и Климаты» отъ Хазарскихъ набѣговъ [1]).

Топографическія названія мѣстностей Крыма устраняютъ всякое сомнѣніе относительно подлинности этихъ извѣстій. На территоріи степнаго Крыма въ нынѣшнемъ Евпаторійскомъ уѣздѣ живетъ и понынѣ имя асъ въ названіяхъ двухъ волостей: Біюкъ-асъ и Кучукъ-асъ (больш. и мал. Асъ) Асовъ нынѣ тамъ нѣтъ, но мѣстность удержала названіе своего древняго населенія. Существуетъ также селеніе Яcска, находящееся на нижнемъ теченіи Днѣпра, докуда въ древности доходили, по описанію Іос. Барбаро, поселенія Аланъ [2]). Самое названіе епархіи Сурожской или Сугдейской происходитъ отъ Осетинскаго слова сугдаг—святой. Это объясненіе проф. В. Миллера [3]) принято прр. Васильевскимъ, Кулаковскимъ и др. Такимъ образомъ мы имѣемъ несомнѣнныя данныя въ пользу того положенія, что часть Осетинъ въ древности входила въ составъ населенія черноморскихъ греческихъ епархій.

О древности Аланскаго элемента на этой территоріи писатели не сохранили свѣдѣній [4]). Есть неясное свидѣтельство у извѣстнаго путешественника Іосафата Барбаро о томъ, что Аланы древнѣе Готовъ на территоріи Крыма [5]). Не вдаваясь въ подробное рѣшеніе этого вопроса, мы однако съ полною вѣроятностью можемъ предположить, что поселеніе Аланъ на крымскомъ полуостровѣ произошло нѣсколькими вѣками раньше того времени, отъ котораго мы имѣли названныя свидѣтельства. Нѣкоторыя соображенія подтверждаютъ это предположеніе.

---

[1]) Чт. XIII, стр. 155—156.

[2]) Чт. XIII, р. 162; Брунъ—Черноморіе II, стр. 356; Библ. ин. писат. сен. 1836 г. гл. I, зап. Им. Ак. Н. по 1 и III отд. т. III, (1855) стр. 732 ин. акад. Куника).

[3]) Ос. эт. III, р. 77.

[4]) Чтенія XIII, р. 156.

[5]) Ib. р. 161 и Библ. ин. писат. Сем. гл. I.

Аланы служатъ нѣкоторымъ огражденіемъ и охраной Херсона, говоря проще — они находятся въ мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ Херсонцами въ то время, какъ турки громили страну. Изъ извѣстій видно далѣе, что они сохранили свою національность и занимали опредѣленное и обширное мѣсто вокругъ Чуфутъ Кале (др. Киркъ іер) [1]). Такая масса не могла случайно, по найму или другому подобному способу, очутиться далеко отъ родины. Естественно предполагать, что выселеніе ея совершилось въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ въ большой массѣ, которая, осѣвши на одномъ мѣстѣ, послѣ стала принимать въ себя и мелкія эмиграціи. Живя долго въ предѣлахъ христанскихъ народовъ, они постепенно усвоили ихъ культуру и сдѣлались вполнѣ мирнымъ населенімъ, какимъ представлены писателями. Такой переворотъ жизни могъ произойти только въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Но аланы были не только мирнымъ населеніемъ, но и христіанскимъ народомъ; это видно изъ посланія еп. Өеодора, путевыхъ замѣтокъ Іосафата Барбаро и показаній арабскихъ писателей объ асахъ, какъ гяурахъ,—названіе, которое спеціально приложили только къ христіанамъ съ мусульманской точки зрѣнія [2]). Крымскіе аланы знали также торговлю и имѣли купцовъ національныхъ [3]).

При наличности всѣхъ этихъ данныхъ нисколько не будетъ преувеличеніемъ, что Крымскіе колонисты, поддерживая связь съ кореннымъ Кавказскимъ населеніемъ, знакомили ихъ съ культурой и христіанской религіей черноморья; больше того они содѣйствовали отдѣльнымъ обращеніемъ и подготовляли все населеніе къ оффиціальному принятію христіанства.

Не лишена значенія и проповѣдь св. братьевъ Кирилла и Меөодія. Какъ извѣстно, они были отправлены къ хозарамъ въ 861 г., по распоряженію Имп. Михаила III. Св. братья про-

---

[1]) Чт. XIII, р. 156 свидѣт. Араб. географа Абуль-Феда.

[2]) Пр. Смирновъ—Крымское ханство до XVIII в. (СПБ. 1887 г.) Стр. 104; Чтенія, 157, Тисенгаузенъ «Матер. по ист. золот. орды» I, стр. 63.

[3]) Ib. 63, 112, 192; Визант. вр. V, 16.

были тамъ два года и имѣли успѣхъ при содѣйствіи власти [1]). Территорія тогдашняго хазарскаго княжества обнимала сѣверныя границы Осетіи [2]) и весьма вѣроятно, что столь важное событіе, какъ проповѣдь славянскихъ первоучителей, не осталось не замѣченнымъ Осетинами, а б. м. и не безъ добрыхъ послѣдствій [3]).

Итакъ, мы видѣли, что Осетины въ разсматриваемый нами періодъ времени подверглись со многихъ сторонъ христіанскому вліянію, именно—со стороны Грузіи со времени царя Миріана, Рима съ IV в., Византіи со времени Юстиніана великаго, черноморскихъ епархій и проповѣди св. первоучителей славянскихъ. Благодаря такимъ условіями по мѣстамъ уже исповѣдывалось христіанство. Такое сужденіе съ необходимостью вытекаетъ изъ сдѣланнаго обзора свѣдѣній по этому вопросу и хода политическихъ событій разсматриваемаго времени. Распространить свои сужденія на внутреннюю нравственную жизнь для детальнаго ея расмотрѣнія мы не можемъ въ виду того обстоятельства, что мы—Осетины не имѣемъ своей лѣтописи и письменности, по которымъ бы можно было подробнѣе нарисовать картину той или другой исторической эпохи. Всѣ разсмотрѣнныя выше свидѣтельства не имѣютъ прямой цѣли описать Осетію и касаются ея только мимоходомъ, вскользь.

Но не одни благопріятныя условія дѣйствовали за этотъ періодъ. Со стороны востока и сѣверо-востока Осетія была от-

---

[1]) Бутков. рукоп. № 7, стр. 320; авторъ говоритъ, что проповѣдь св. братьевъ возымѣла спасительное дѣйствіе у аланъ-асовъ.

[2]) Ос. эт. III, 56; Мат. по арх. Кавк. III, 116—117.

[3]) За неимѣніемъ свѣдѣній въ самомъ житіи объ Осетинахъ мы не можемъ утверждать больше сказаннаго. Одинъ анонимный авторъ въ Ставроп. Еп. вѣд. 1888 г. № 18, стр. 721—722 доказываетъ, что св. братья были на Кубани, проповѣдывали въ Маджарахъ (Ставроп. губ.) и здѣсь положили основаніе христіанской общинѣ и т. д. Но все это разговоры, б. м. и вѣрные, но все же незасвидѣтельствованные документальными данными и не вытекающіе изъ хода тогдашнихъ политическихъ событій. Время проповѣди св. братьевъ совпало съ тѣмъ вѣкомъ, въ который произошло сверженіе Осетинами хазарскаго ига. Въ первый четверти X вѣка, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, Осетины не только являются независимыми отъ хазаръ, но своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ черноморскими областями и таврическимъ полуостровомъ (ос. эт. III, 56, мат. по арх. Кавк. III, 117). Это обстоятельство нужно имѣть при разсужденіи о проповѣди св. братьевъ и ея послѣдствіяхъ въ Осетіи.

крыта для вліяній, совершенно парализовавшихъ первыя. Въ различное время они дѣйствовали неодинаково. Особенное господство ихъ начинается съ VII вѣка и продолжается съ перемѣннымъ успѣхомъ до IX вѣка включительно. Это періодъ господства турокъ, арабовъ и хазаръ [1]). Слѣды господства этихъ враждебныхъ народовъ доселѣ не изгладились какъ изъ жизни Осетинъ, такъ и прочихъ горцевъ [2]). Этимъ только можно объяснить почему въ громадной тогда по территоріи и многочисленной по народонаселенію Осетіи и при ея дружественныхъ отношеніяхъ къ Византіи,—не была открыта епархія.—Осетія не могла быть греческой колоніей, подобно черноморскимъ, но она не была и могущественной державой, объединенной подъ одною властью, которая бы, принявъ извѣстную религію, какъ государственную, могла ее проводить въ народъ и защищать отъ чуждыхъ вліяній. Всего этого не могло быть въ нашъ первый періодъ жизни въ силу указанной выше раздробленности Осетіи на множество мелкихъ племенъ. Это устройство, при наличности христіанскаго вліянія благопріятствовавшее его успѣху, при ослабленіи этого вліянія по тѣмъ или другимъ причинамъ обращалось въ неблагопріятное. Всякій б. или м. сильный народъ для національно-культурнаго прогресса нуждается въ объединеніи, въ такомъ центрѣ, вокругъ котораго развивалась бы національная жизнь,—цѣнтрѣ, связывающемъ,—какъ бы нѣкоторый цементъ, отдѣльныя направленія жизни, сообщая имъ единство и послѣдовательность. Такой періодъ въ жизни Осетинъ наступилъ съ X вѣка, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

---

1) Чт. XIII, 142; ос. эт. Ш, 55—59; Ставр. Еп. вѣд. 1888 г. № 18 стр. 719, сб. сво Кав. Г. V, 14--21; Законъ и обычай I, 218—234.

2) Ib. p. 183—234.

Глава вторая

Періодъ II (X—XV в.).

Въ началѣ настоящаго періода мы видимъ Осетію на такой высотѣ, какую она послѣ никогда не достигала. Вмѣсто прежней раздробленности видимъ сильную державу, значеніе которой въ политикѣ тогдашнихъ государствъ возвысилось настолько, что Византійскій императоръ обращался къ представителю ея какъ къ равному. Формулу этого обращенія, въ высшей степени важную для характеристики взятой нами эпохи, сохранилъ намъ Константинъ Порфирородный въ своемъ сочинеіи «*De administrando imperio*». Въ то время, какъ остальные кавказскіе династы, именно Иверы, Албанцы, Абазги и еще семь другихъ племенъ получаютъ приказъ, [1]) одинъ только царь Аланіи удостоенъ признанія самостоятельнымъ государемъ «дружественной державы», котораго императоръ называетъ «своимъ духовнымъ чадомъ» [2]).

Тотъ же царственный писатель сохранилъ намъ свѣдѣнія о той роли, какую играли Аланы въ политическихъ событіяхъ того времени. Аланскій державецъ можетъ парализовать всякія военныя предпріятія Хазаръ и держать ихъ въ постоянномъ страхѣ; онъ можетъ также залегать путь въ Саркелъ и .недопускать Хазаръ до Крыма [3]). Другой писатель нѣсколько ранней даты патріархъ Николай Мистикъ разсказываетъ событіе, изъ котораго также видно могущество и значеніе Аланъ. Въ

---

[1]) Const. Porphyr. De cer. II, C. 48, I p. 687 ср. Визант. врем. V, 8; Чт. въ ист. общ. Нѣст. лѣт. XIII, стр. 146. Рукопись Буткова № 7, стр. 321.

[2]) Con. Porf. De caerim. aul. Vyz. II 48, p. 688 и чт. въ ист. общ. Нест. лѣт. стр. 146, прим. 2. Рукоп. Буткова № 7, стр. 321.

[3]) Con. Pof. C. 10, p. 80; c. 11. Чт. p. 145; Визан. врем. V, p. 9.

одномъ изъ своихъ писемъ къ царю Симеону Болгарскому патріархъ сообщаетъ своему корреспонденту о широкихъ планахъ Византійского двора составить коалицію противъ Болгаръ изъ сѣверныхъ варваровъ, а именно—русскихъ, печенѣговъ, Аланъ и западныхъ Турокъ. Печенѣги занимали въ ту пору степи отъ Дона до нижняго Дуная, захвативъ и тѣ пространства, гдѣ прежде кочевали турки, т. е. Мадьяры, которыхъ они разбили вмѣстѣ съ царемъ Симеономъ. Русскій князь Олегъ незадолго до того заключилъ торговый союзъ съ Византіей, сохраненный въ лѣтописи подъ 912 годомъ. Если на ряду съ этими тремя могущественными народами, занимавшими большія территоріи, названы Аланы, о просвѣщеніи которыхъ свѣтомъ христіанства хлопоталъ авторъ этого извѣстія, то отсюда можно заключить, во 1-хъ, что Аланы въ ту пору были совершенно свободны отъ Хазарскаго владычества, и, во 2-хъ, что они представляли изъ себя значительную политическую силу. Если въ Византіи считали возможнымъ привлечь ихъ къ участію въ нападеніи на Болгарію, столь отдаленную отъ ихъ Кавказской родины, то весьма вѣроятно, что Аланы жили уже тогда въ мѣстностяхъ болѣе близкихъ къ области нижняго теченія Дуная, откуда печенѣги дѣлали свои вторженія на Болгарію [1]).

Такимъ образомъ мы имѣемъ совершенно ясныя свидѣтельства о томъ громадномъ политическомъ значенія царя Осетіи, какое онъ имѣлъ уже въ X вѣкѣ. Но наши источники молчатъ о томъ пути, который должна была пройти страна прежде, чѣмъ достигнуть единодержавія вмѣсто прежней раздробленности. Этотъ историческій фактъ является предъ нами какъ то неожиданнымъ и даже нѣкоторымъ образомъ безпричиннымъ. На самомъ дѣлѣ однако этого быть не могло. Мы не погрѣшимъ противъ исторической правды, если допустимъ, что ему предшествовала борьба между отдѣльными правителями народа. Причинъ къ такой борьбѣ могло быть очень много. Ее мы должны допускать во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда Осетинъ видимъ въ качествѣ наемныхъ войскъ въ вой-

---

1) Чт. въ ист. об. Н. лѣт. стр. 147, кн. XIII; (ср. Part. Graeca, Mige, III, Epist Nicol. Myst. № 23, p. 149).

скахъ обѣихъ враждующихъ сторонъ; ее слѣдуетъ видѣть и въ тѣхъ случаяхъ, когда одна часть Осетинъ вступаетъ въ союзъ съ другою державою и т. п. и пр. Объ этихъ междоусобіяхъ нѣтъ извѣстій, но это молчаніе источниковъ легко объяснимо: какъ указано, извѣстія не имѣютъ въ виду описать Осетію; они касаются ея только въ тѣхъ случаяхъ, когда она входитъ съ другою страною въ то или другое соприкосновеніе; когда же она занята своей внутренней жизнью, безъ всякаго касательства къ другимъ народамъ, она какъ бы исчезаетъ. Такихъ перерывовъ б. или менѣе продолжительныхъ было много. Перерывъ съ конца VII в. по IX является однимъ изъ продолжительныхъ и весьма важныхъ по своимъ результатамъ. Если справедливо, съ одной стороны, наше предположеніе относительно характера исторической жизни этихъ перерывовъ, а съ другой, вѣрно то, что политическому объединенію Осетіи въ лицѣ единодержавнаго царя должна была предшествовать внутренняя междоусобная борьба между отдѣльными племенами, то съ полною вѣроятностью можемъ характеризовать три темныхъ вѣка Осетинской исторіи, какъ періодъ борьбы отдѣльныхъ представителей народа, въ которой взялъ перевѣсъ одинъ, б. м. не безъ помощи Византіи съ обѣщаніемъ крестить свой народъ въ благодарность за поддержку. Этотъ то «первый» изъ феодаловъ свергнулъ иго хазарское, оттиснувъ ихъ далеко на сѣверъ и принялъ крещеніе со всѣмъ своимъ народомъ отъ Византіи въ патріаршество Николая Мистика начала X вѣка [1]). Принявъ крещеніе, царь пріобрѣтаетъ особенное политическое значеніе въ Византіи, которая съ нимъ установливаетъ дружественный союзъ [2]). Осетинскій царь дѣлается проводникомъ Византійскихъ идей на Кавказѣ. Эта миссія христіанскаго Осетинскаго государя не могла обойтись безъ кровопролитій... Таковъ ходъ событій до начала XI вѣка, когда уже упоминаются и поименно цари Осетіи съ указаніемъ ихъ дѣятельности [3]).

[1]) Чт. въ ист. об. XIII, р. 144.

[2]) Джанашвили «извѣст. Гр. лѣтоп. и историк. о сѣверн. Какв. и Россіи». Сборн. мат. для опис. мѣстн. Кавк. XXII, стр. 31.

[3]) Виз. вр. V, 8—9.

Имя перваго объединителя Осетіи такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ. Но мы не можемъ не сдѣлать попытку къ отысканію его.—Благодаря трудамъ грузинскаго историка Джанашвили мы имѣемъ уже въ печати Осетинскую поэму «Алгузіани», переведенную съ грузинскаго на русскій языкъ. Поэма находилась въ Нузалѣ (селеніе въ горахъ Осетіи). Оригиналъ съ портретами царей Осетіи похищенъ св. Руспшвили и совершенно исчезъ. Переводчикъ пользовался копіей съ него [1]). «Глубоко приходится радоваться, что эта величественная эпопея сохранилась отъ гибели. Недаромъ Осетины берегли ее, какъ святыню, въ твердыхъ Нузала въ продолженіи долгихъ вѣковъ. «Исторія наша пропала на вѣки», говорилъ народъ, когда узналъ о похищеніи рукописи. Дѣйствительно, древняя воинственная жизнь Осетинъ, духъ сѣдой, грозной, кровопролитной старины, такъ и вѣетъ въ каждой строчкѣ этой лебединой пѣсни послѣдняго б. м., изъ придворныхъ пѣвцовъ Осетинскихъ царей» [2]). Пѣсня эта сохранила массу историческихъ драгоцѣнныхъ откровеній. Воспѣваетъ она народнаго героя Алгуза. Время царствованія его доселѣ не установлено съ точностью,—а между тѣмъ оно даетъ ключъ къ пониманію всего произведенія. Переводчикъ опредѣляетъ его царствованіе VIII вѣкомъ. Съ такимъ мнѣніемъ переводчика мы не можемъ согласиться на основаніяхъ, извлекаемыхъ изъ содержанія самой поэмы. Именно--воспѣваемый въ поэмѣ царь Алгузъ христіанинъ греч. исповѣданія [3]) и судя по его молитвамъ, произносимымъ при всѣхъ важныхъ случаяхъ его боевой жизни—весьма религіозный человѣкъ [4]). Наряду съ этимъ онъ допускаетъ варварскія дѣйствія по отношенію къ врагамъ [5]) и въ своихъ наставленіяхъ—скорѣе является выразителемъ народной мудрости, чѣмъ христіанской морали [6]). Это свидѣтельствуетъ о недавнемъ просвѣщеніи его свѣтомъ хри-

---

[1]) Ibid p. 192.

[2]) Эти строки заимствованы изъ рукописей Осет. публиц. Г. Баева, изъ статьи: «слава Нузала».

[3]) Сб. мат. для опис. мѣстностей и пл. Кавк. XXII, стр. 91—93.

[4]) Ib. p. 105, 115, 121 и др.

[5]) Ib. p. 113, 123...

[6]) Ib. p. 141—143.

стіанства, не успѣвшимъ коснуться внутренней стороны жизни. Единоплеменный ему (царю) народъ оссы исповѣдуютъ также христіанство [1]). Царь Оссовъ Алгузъ—могущественный повелитель Амосарцевъ, Миланкарцевъ, Черкесовъ, Чеченцевъ, Кистинцевъ, Нонцевъ, Кумыковъ, и др. [2]). Этой покорности народовъ царю Оссовъ предшествовала страшная кровопролитная война, описанная на всемъ протяженіи поэмы самыми яркими красками. Территорія тогдашней Осетіи обнимаетъ собою «горы и равнины Эльбруса, Кавказа и окружныхъ его странъ» [3]). Она граничитъ съ моремъ за которымъ уже живутъ враги царя Алгуза [4]). Царь Алгузъ имѣетъ дворецъ и столицу, пышности которыхъ нѣтъ подобныхъ [5]) и пр. и пр. Не распространяясь далѣе о содержаніи нашего памятника, мы на основаніи уже сказаннаго можемъ ясно видѣть все его несоотвѣтствіе съ ходомъ политическихъ и религіозныхъ дѣлъ Осетіи VIII вѣка. Этотъ вѣкъ былъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ эпохъ исторической жизни Осетинъ. Хазары тогда держали Осетинъ въ своей власти и парализовали всякія стремленія ихъ къ самостоятельности и независимости. Время этого господства наложило на жизнь Осетинъ мрачную печать, и никакой пѣвецъ, любящій свою родину, не нашелъ бы основанія воспѣвать его (время) приписывая своимъ родичамъ то, что могло составлять предметъ мечты далекаго будущаго...

Сверженіе ига Хазарскаго могло послужить только достаточнымъ поводомъ къ подобной исторической эпопеѣ; а дѣятельность героя этого освобожденія, положившаго начало политическому и церковному торжеству, продолжавшемуся нѣсколько вѣковъ,—составитъ содержаніе произведенія, въ которомъ народъ могъ видѣть запечатлѣніе своего мощнаго, боеваго духа, засвидѣтельствованнаго всемірною исторіею. Частныя черты поэмы не оставляютъ сомнѣнія въ полной приложимости ея къ началу

[1]) Ib. p. 105.
[2]) Ib. p. 185, 115.
[3]) Ib. p. 185.
[4]) Ib. p. 171.
[5]) Ib. p. 125.

разсматриваемаго нами періода. Христіанская религія греческаго исповѣданія, оффиціально исповѣдуемая народомъ, могущество Осетинскаго двора, столица царства, территорія до предѣловъ моря и др. все это приложимо только къ X вѣку. Отсюда въ царѣ Алгузѣ мы должны видѣть перваго объединителя и освободителя Осетіи отъ Хазарскаго владычества.

Возвращаемся къ начатому разсужденію о царяхъ Осетіи.

Политическое возвышеніе, засвидѣтельствованное греческими источниками и дополненное Осетинскимъ памятникомъ «Алгузіани», съ XI вѣка особенно подробно описано у грузинскихъ лѣтописцевъ и историковъ[1]). Изъ этого источника видно, что на престолѣ Осетіи сидѣли такіе сильные цари, какъ Ордуре, раздвинувшій предѣлы Осетіи далеко на югъ; [2]) Даргулель великій, союзникъ и шуринъ Баграта IV; [3]) Худанъ, тесть царя Георгія III (1156—1184); Давидъ Сосланъ — муж. знаменитой царицы Тамары, бывшей до того замужемъ за русскимъ княземъ Георгіемъ, сыномъ «сильнаго православнаго Государя», [4]) Осъ Багатаръ (XIII в.). Потомками котораго считаютъ себя современные Осетины и др. [5]). Дальнѣйшія извѣстія грузинскихъ лѣтописей продолжаютъ констатировать въ Осетіи существованіе царей, но описанія становятся блѣднѣе, вслѣдствіе цѣлаго ряда нашествій, сломившихъ къ концу періода силу Осетіи. Но для насъ достаточно того, что по крайней мѣрѣ до конца

---

[1]) Ib. p. 31—54.

[2]) Ib. p. 31.

[3]) Ib. p. 32—33.

[4]) Ib. p. 38—43; сѣверн. арх. ч. XIII, 1825 г. стр. 324—325; особое сочин. оч. важное: «Царица Тамара». Джанашвили г. Тифлисъ 1900 г.

[5]) Сборн. мат. для оп. Кавк. XXII, р. 43—44; Осет. этюды III, 37—38; Это имя постоянно фигурируетъ въ дѣлахъ коммиссіи по сословнымъ дѣламъ горцевъ, а между тѣмъ историческое значеніе имени не совсѣмъ ясно засвидѣтельствовано. По нашему мнѣнію это имя означаетъ сильнаго государя Осетіи, собственное имя котораго не записано грузинскою лѣтописью. Онъ названъ «Осъ» по національности и «Багатаръ» (по Осет. великанъ) по физической мощи. Подобное названіе вполнѣ умѣстно по тогдашнимъ литературнымъ пріемамъ. Подобіе сему видимъ въ Алгузіани, гдѣ царь, перечисляя народы ему покорные, даетъ о себѣ такое опредѣленіе: «долгоплечій, рукою сильный, царствующій при содѣйствіи шашки и щита» (ib. p. 185).

XIII вѣка Осетія стояла на такой высотѣ, что грузинскій царскій дворъ находилъ возможнымъ имѣть съ нею родственныя связи.

Такія же связи существовали и съ Византіей. Такъ, Константинъ Мономахъ (+1054) былъ женатъ на Осетинской принцессѣ [1]). Константинъ X женилъ сына своего Михаила VII (1071—1078) на Маріи изъ Аланіи [2]). Тотъ же императоръ Михаилъ VII, желая связать съ собою родственными узами домъ Комниныхъ, устроилъ бракъ Исаака, брата будущаго императора Алексѣя, съ двоюродною сестрою своей жены—дочерью Аланскаго царя [3]). На другой двоюродной сестрѣ Ирины—жены Исаака Комнина, женился позднѣе выдающійся и честолюбивый военачальникъ того времени—Гавра [4]).

Не потерялъ свою силу и порядокъ пополнять ряды арміи наемными силами Алановъ, которыя упоминаются писателями подъ именемъ «Аланскаго отряда» [5]).

Въ настоящій періодъ впервые завязываются сношенія и съ русскими. Въ 965 году по случаю войны Святослава съ Хазарами упоминаются и «Ясы» которые были побѣждены. Это произошло недалеко отъ хазарскаго города Саркела (на ниж. течен. Дона) [6]). Позднѣе (1116 г.) происходитъ подобное же столкновеніе, кончившееся взятіемъ городовъ Сугрова, Шарукана и Балина (Галина) и бракомъ Ярополка Владимировича (Мономаха) на дочери Ясскаго князя [7]). Андрей Боголюбскій, по смерти первой жены Кучковой, былъ женатъ также на Ясынѣ, которая вмѣстѣ со своимъ братомъ Амбаломъ [8]) участвовала въ

[1]) Zonoras, XVII, 28.

[2]) Zonoras, XVIII, 17.

[3]) Niceph. Bryen. II, 1, p. 56; чт. въ ист. об. XIII, 148.

[4]) An. Comn. VIII, 9, 1 p. 417; чт.—p. 148

[5]) Niceph. Bryen. II, 12—13 p. 71—72; II, 19 p. 83; An. Comn. XIII, 6 p. 204. Nic. Chon. p. 471; Eustath, de capta Fhessalonica p. 446. Bu 535; чтенія—149.

[6]) Ос. эт. III. p 66.

[7]) Ib. p. 66—68; Рук. Бутк. № 7, p. 334—335; сѣверн. арх. ч. XIII, 1825 г. стр. 328—329. Ясскій князь назв. здѣсь Сварнъ-Форнъ (по осет. благословеніе) а дочь Еленой.

[8]) Амбалъ по осет.—товарищъ. Имя это употребительно по сіе время,

убіеніи своего супруга, за что оба были казнены [1]). Всеволодъ Георгіевичъ, дядя перваго Тамарина супруга, братъ Боголюбскаго, имѣлъ жену Ясыню Марію, скончавшуюся въ 1205 г.; сестра же ея была съ 1182 г. за Мстиславомъ, сыномъ Святослава, Великаго князя Кіевскаго [2]).

Во время нашествія татаръ русскіе князья сталкивались съ Яссами по приказанію первыхъ. Степное населеніе Яссовъ изъявило покорность могучему завоевателю, но горные жители Осетіи, пользуясь неприступностью своихъ жилищъ, долго не сдавались. Татары въ союзѣ съ русскими и грузинами послѣдней четверти XIII вѣка сдѣлали нашествіе на столицу Ясскаго царя Деляковъ [3]) и взяли ее [4]). Этотъ городъ въ 1318 году былъ свидѣтелемъ страдальческой кончины Тверскаго князя Михаила, убіеннаго по приказанію Узбека [5]).

Сосѣдство Тмутараканскаго княжества не могло также не установливать взаимныхъ отношеній съ Яссами. Отсюда шло въ страну Яссовъ христіанское вліяніе благодаря заботамъ, во 1-хъ, православныхъ русск. князей, [6]) а во вторыхъ, духовныхъ представителей церкви Тмутараканской [7]).

Эти разрозненныя и далеко немногочисленныя свидѣтельства, такимъ образомъ, позволяютъ утверждать что Яссы находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Россіею за весь періодъ

[1]) Ib. 326—327; Ист. Рос. Татищ. кн. III, 216—495; ежемѣсяч. соч. на Янв. 1755 г. Рукоп. Бут. № 7, р. 334.

[2]) Зап. касат. Рос. ист. V, 138, 161, 168; ежем. соч. на Янв. 1755; Ист. Г. Р. Карамз. III, 133, 478; Сѣверн. архивъ XIII, стр. 328; Рукоп. Бутк. № 7, стр. 335.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт. VII. 173 «Приступиша руссти Князья къ Ясскому городу, къ славному Делякову».

[4]) Север. арх. XIII, 1825, стр. 329.

[5]) Рус. лѣт. подъ 1277 г. и 1318 г. Ист. Г. Р. Карамз. IV, прим. 157, 234; сѣв. арх. XIII, 329; Рук. Бутк. № 6-б. стр. 610—611.

[6]) Рук. Бутк. № 6-б. стр. 498.

[7]) Ib. р. 497—498. «Около 1040 г., говоритъ Бутковъ, здѣсь подвизался препод. Никонъ. Монашеское житіе его возбудило удивленіе въ сосѣднихъ народахъ. Тамъ еще не было извѣстно монашеское житіе, да и вѣра хр. не имѣла еще твердости. Строгая и добродѣтельная жизнь привлекла къ нему послѣдователей, и онъ тамъ соорудилъ монастырь и церковь во имя положенія Ризы Пр. Богородицы на подобіе Влахернскаго Константинопольскаго и Кіево-Софійскаго». Рук. Бутк. № 6-б. 497. (Цитаты, откуда заимствовано это извѣстіе г. Бутковымъ, мы не могли разобрать въ рукописи, вслѣдствіе чего не провѣрена вѣрность сообщенія).

времени отъ X до конца XIII вѣка. Съ этого же времени слѣдуетъ молчаніе въ русскихъ лѣтописяхъ о ясахъ.

Итакъ, резюмируя все сказанное о политическомъ состояніи Осетіи въ разсматриваемый періодъ времени, мы видимъ, что въ X вѣкѣ нашъ народъ сталъ подъ защитою единодержавнаго царя. Цѣлый рядъ вѣковъ держится этотъ порядокъ, ознаменованный выдающимися по своему могуществу государями. Такое повышеніе даетъ народу возможность играть видную роль въ международной политикѣ тогдашнихъ первоклассныхъ государствъ—Россіи, Византіи и Грузіи. Дипломатія скрѣпляется родственными связями царскихъ дворовъ и проникается духомъ христіанства, которое исповѣдывали всѣ эти державы. Во всемъ этомъ порядкѣ вещей нельзя не видѣть въ высшей степени благопріятствующаго успѣху христіанства въ Осетіи условія,— и дѣйствительно христіанство дѣлаетъ наибольшій успѣхъ въ настоящій періодъ.

Торжество христіанства выразилось въ оффиціальномъ принятіи крещенія и открытіи особой митрополіи подъ именемъ «Аланской».

Это знаменательное событіе въ жизни Осетинъ Бутковъ относитъ ко времени царствованія императора Льва Философа (886—911 г.) именно къ 888 году, [1]) а професоръ Юліанъ Кулановскій—къ X вѣку—ко времени патріаршества патр. Николая Мистика [2]).

За справедливость послѣдняго мнѣнія ручается переписка патріарха Мистика съ архіепископомъ Аланіи Петромъ, властителемъ Абазговъ—Григоріемъ и царемъ Болгарскимъ Симеономъ. Сообщенія въ этихъ письмахъ, скажемъ словами Ю. Кулановскаго, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что просвѣщеніе Аланъ свѣтомъ христіанства совершилось въ патріаршество Николая Мистика [3]).

Такъ, въ письмѣ (№ 51) къ князю Абазгіи патріархъ хвалитъ его за святую ревность въ дѣлѣ просвѣщенія Аланъ и

[1]) Бутк. № 7, 320—321.

[2]) Чт. въ ист. общ. Нест. лѣт. XIII, 144.

[1]) Визант. вр. V, 3.

продолжаетъ такъ: «отъ разныхъ лицъ, которымъ извѣстно о твоихъ подвигахъ, мы узнали, что ты приложилъ съ Божіею помощью не мало старанія въ дѣлѣ просвѣщенія князя Аланіи и тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ удостоились Св. крещенія». Въ заключеніе патріархъ благодаритъ князя за гостепріимство и помощь, которыя онъ оказалъ архіепископу-миссіонеру [1]. Въ письмѣ (№ 9) къ царю Болгарскому Симсону патріархъ, рекомендуя царю своего посланца, сообщаетъ ему, что онъ былъ миссіонеромъ въ Аланіи, откуда онъ въ настоящее время вернулся [2]. Мысль о недавнемъ просвѣщеніи Аланъ яснѣе видна изъ писемъ патріарха къ архіепископу Петру, первому іерарху новооткрытой Аланской епархіи. Въ одномъ изъ нихъ (№ 5) патріархъ, давая пастырскія наставленія о затрудненіяхъ водворить христіанскіе нравы въ семейный бытъ новообращенныхъ, выражается такъ: «ты самъ понимаешь, что не легко дается переходъ отъ языческаго житія къ строгости Евангелія» [3]. Въ виду этого онъ совѣтуетъ архіепископу Петру дѣйствовать отеческимъ убѣжденіемъ, допускать строгость въ отношеніи простыхъ людей, и соблюдать крайнюю осторожность въ отношеніи людей знатныхъ и властныхъ, чтобы не отвратить отъ христіанства «весь новопріобрѣтенный для церкви народъ» [4]. Въ другомъ письмѣ (№ 133) архіепископъ Петръ названъ вторымъ вождемъ и спасителемъ послѣ перваго спасителя Бога. Тамъ же Аланы названы народомъ, вновь призваннымъ къ благочестію [5]. Патріархъ предостерегаетъ, далѣе (№ 135), архіепископа Петра отъ раздора съ миссіонеромъ Евфиміемъ—мужемъ богобоязненнымъ, благочестивымъ и добродѣтельнымъ. Изъ этого извѣстія видимъ также, что архіепископъ не имѣлъ предшественника на каѳедрѣ Аланской по сану и недоразумѣніе могло

---

1) Ib. p. 3—4.

2) Ib. p. 6. Hergenrötte въ своемъ сочин Photius т. I, p. 538 видитъ въ этомъ миссіонерѣ-монаха изъ аскетовъ Олимпа, который былъ посланъ на помощь арх. Петру, но у нихъ вышло препирательство изъ за первенство. Пр. Кулаковскій принимаетъ это мнѣніе.

3) Виз. врем. V, 4—5.

4) Ibid. p. 5.

5) Migne, Patr. gr. t. CXI. Стр. 353. Визант. вр. V, стр. 5.

происходить только съ миссіонеромъ, съ которымъ по всей вѣроятности столкнулся изъ-за первенство.

Такимъ образомъ, повторимъ вслѣдъ за пр. Кулаковскимъ, Николай Мистикъ даетъ совершенно ясное и опредѣленное свидѣтельство о томъ, что Аланы вмѣстѣ со своимъ княземъ были крещены въ началѣ X вѣка трудами миссіонера Евфимія и архіепископа Петра при ближайшемъ участіи въ дѣлѣ патріарха Николая Мистика [1]).

Вѣрность этого положенія вытекаетъ изъ содержанія списковъ епархій Константинопольскаго патріархата. Въ этихъ спискахъ вплоть до X вѣка нѣтъ упоминанія ни объ Аланской епархіи, ни Русской. Первое упоминаніе Аланіи и Россіи встрѣчается въ спискѣ *Notitia II Parthey'я*, принадлежащемъ X вѣку. Аланская каѳедра возвысилась къ тому времени и числится уже не архіепископіей, какъ было при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ въ пору ея основанія, а митрополіей, занимая мѣсто по достоинству непосредственно за Россіей, т. е. 61-ое [2]). Причиной такого возвышенія, безъ сомнѣя, было политическое могущество страны.

Изъ хода дѣлъ Аланской митрополіи видно, что іерархи ея находились въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, они получали здѣсь посвященіе и здѣсь же по всей вѣроятности избирались безъ всякаго участія князя и народа Аланскаго. По важнымъ церковнымъ дѣламъ являлись въ Константинополь для присутствованія на соборахъ. Уцѣлѣвшія подписи Аланскихъ митрополитовъ на актахъ Константинопольскихъ соборовъ служатъ лучшимъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ.

Точнѣе положеніе Аланской митрополіи опредѣляетъ ученый канонистъ XII вѣка Ѳеодоръ Вальсамонъ: «въ вѣдѣніе

---

[2]) Ibid. p. V, 7.

[1]) Patr gr. p. 96; Виз. врем. V, 8; Вѣст. евр. 1822 г. Ноябрь—Декабрь стр. 189—190. Рукоп. Бутк. № 7, стр. 340. П. Гр. Бутковъ и здѣсь разногласитъ съ Кулаковскимъ. По его мнѣнію архіепископія Аланская возведена на степень митрополіи при Имп. Андроникѣ Палеологѣ. (Цит. Буткова: Memor. Popul. IV 338, 342 и 397).

Константинопольскаго патріарха, говоритъ онъ, находятся три діоцеза: Азійскій, Понтійскій и Ѳракійскій. Между ними распредѣляются каѳедры, расположенныя въ странахъ варварскихъ,—Аланы принадлежатъ къ Понтійскому діоцезу, а русскіе къ Ѳракійскому» [1]). Въ концѣ XIII вѣка митрополія Аланская была соединена съ Сотиріупольской (Абазгійской и Зихійской) [2]), и причиной соединенія указано то обстоятельство, что народъ де ведетъ пастушескій образъ жизни и не имѣетъ собственнаго города [3]). Замѣститель этихъ каѳедръ принималъ участіе въ Константинопольскомъ соборѣ, который происходилъ въ 1282 году, и его подпись имѣется на соборныхъ актахъ. Такое соединеніе представительства трехъ каѳедръ имѣло, повидимому, случайный характеръ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Зихійской, которая въ актахъ 1317—1318 г.г. помянута самостоятельной [4]). Впрочемъ подпись митрополита Аланіи и Сотиріуполя встрѣчается часто въ актахъ [5]).

Каѳедра Сотиріупольскаго митрополита находилась, по мнѣнію проф. В. В. Болотова, въ гор. Севастополѣ, переименованномъ впослѣдствіи въ Сотиріуполь [6]).

Ле-Кіенъ въ своемъ сочиненіи *Oriens Christianus* [7]) упоминаетъ о семи Аланскихъ митрополитахъ, занимавшихъ каѳедру отъ половины XII вѣка до 1347 года. Но онъ почему-то не упо-

---

[1]) Migne, Patr. gr. t. 137 p. 485; Виз. вр V, II.

[2]) Le quie, Oriens Christianus 1, p. 1349 п. 5.

[3]) Miklesich et Muller, acta Patr. Const. I, п. 114; Виз. вр. V, 11—13. Мы оспариваемъ значеніе этой причины. Кочевой образъ жизни не помѣшалъ открытію епархіи, а если была епархія, должнa была быть и каѳедра въ опредѣленномъ мѣстѣ и она была (см. долѣе древн. на Зеленчукѣ.) Причиной соединенія было, по нашему мнѣнію, начавшееся съ XIII вѣка постепенное ослабленіе политическаго могущества Осетіи,—могущества, на которое могъ опираться Константинополь при проведеніи своихъ христіанскихъ идей на Кавказѣ Боясь гибели церковнаго дѣла въ Аланіи, Констант. Патріарх. закономъ соединилъ каѳедры для поддержанія ихъ существованія въ сплоченномъ видѣ. Но это средство не помогло: коседры эти пали въ 1453г. (Вѣстн. Евр. 1822р. 190; Сѣв. арх. 1825 XIII, 329; рукоп. № 7, p. 341.

[4]) Miklösich et Müller I, p. 41, Виз. вр. V, 11.

[5]) Ib. p. 221.

[6]) Археол. извѣстія и замѣтки 1897 г. Февраль «гдѣ былъ построенъ Юстиніаномъ храмъ для Абазговъ», Ю. Кулаковскаго. Мнѣніе проф. В. В. Болотова выражено въ частномъ письмѣ къ проф. Кулаков.

[7]) I. 1348—9.

минаетъ перваго іерарха Аланской епархіи архіепископа Петра, можетъ быть потому, что онъ имѣлъ въ виду представить списокъ только митрополитовъ; но въ такомъ случаѣ странно молчаніе о двухъ еще митрополитахъ, занимавшихъ каѳедру Аланіи послѣ 1347 г.,—это Симеонъ и Каллистъ. Свѣдѣнія о нихъ, а равно и ихъ столкновеніи изъ за каѳедры, даютъ намъ Никифоръ Григора и документы Константинопольскаго патріархата [1]).

Въ территоріальномъ отношеніи Аланская митрополія была одною изъ пространнѣйшихъ. Прямыхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ, но косвенныя указанія существуютъ. Въ одномъ документѣ Константинопольскаго патріархата перечисляются владѣнія Аланскаго митрополита. Къ нимъ относятся: церковь во имя Пр. Богородицы въ Трапезундѣ съ клиромъ и принадлежащими этой церкви угодіями; церковь Богородицы Аоинской въ Сотиріуполѣ и земли «около Аланіи, Кавказіи и Ахохіи» [2]). Ключъ къ пониманію настоящаго мѣста даетъ подпись іерарховъ нашей каѳедры, которые подписывались: «Митрополитъ всея Аланіи»... Слѣдовательно въ составъ митрополіи входили всѣ тѣ аланы, которые входили и въ составъ царства Аланскаго. Западная граница обозначена здѣсь ясно. Правда, Аланы жили и въ Крыму, какъ показано выше, и митрополиты Аланіи время отъ времени пробовали включить ихъ въ составъ своей епархіи, какъ видно это изъ дѣйствій Симеона, и отчасти Ѳеодора, но тамошніе епископы видѣли всегда въ этомъ посягательство на свои права и дѣло доводили до Константинополя [3]). Такимъ образомъ нуждаются въ опредѣленіи «земли около Аланіи, Кавказіи и Ахохіи». Сопоставляя это опредѣленіе территоріи Аланской каѳедры съ опредѣленіемъ территоріи царства, по поэмѣ «Алгузіани»—обнимавшей «горы и равнины Эльбруса, Кавказа и окружнымъ его странъ», [4]) мы

[1]) Nic. Gr. 37. 6—18,III p. 532 sg. B. Miklosich et Müller in. 168, 221; Виз. вр. V, 13—16.

[2]) Ibid 1 и. 221.

[3]) Ib. I, 162; Аланское посланіе Ѳеодора, еписк. ал. въ зап. од. об. т. 21, чтенія XIII, 154; Виз. вр. V, 9.

[4]) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. XXII, стр. 185.

можемъ открыть границы нашей епархіи. «Эльбрусъ» упоминается здѣсь какъ наиболѣе видный горный пунктъ на западной сторонѣ государства, «Кавказъ» восточный горный пунктъ. Въ исторической картѣ, составленной по древнимъ грузинскимъ источникамъ, «Кавкаси» находится какъ разъ около нынѣшняго Владикавказа на мѣстѣ горы Казбекъ [1]). «Равнины» простираются на сѣверъ и сѣверо-западъ и соприкасаются съ границами Россіи [2]). Нуждается въ опредѣленіи слово «Ахохія», въ которомъ мы склонны видѣть слово «хохъ» (по осет. гора) [3]). Какъ бы то ни обстояло дѣло въ этомъ частномъ случаѣ, мы на основаніи приведеннаго неполнаго опредѣленія территоріи епархіи, сопоставленнаго съ опредѣленіемъ территоріи царства—вправѣ включить въ предѣлы Аланской епархіи сѣверо-восточное побережье чернаго моря, сѣверный склонъ главнаго хребта Кавказскихъ горъ отъ Эльбруса до Казбека (а м. б. и восточнѣе) и равнины до нижняго теченія Дона [4]).

Отъ этихъ разсужденій. опредѣляющихъ внѣшнее юридическое положеніе Аланской епархіи, переходимъ къ сужденіямъ касательно внутренняго состоянія христіанства въ странѣ Аланъ, или говоря проще—къ формѣ и степени проникновенія христіанства въ жизнь. Объ этой сторонѣ дѣла мы можемъ судить по уцѣлѣвшимъ отрывочнымъ извѣстіямъ писателей, по остат-

---

1) Ibid. Кор. приложена къ 64 страницѣ.

2) Объ этомъ очень обстоятельно говоритъ В. Миллеръ въ Ж. М. Н. пр. 1897 г. Октябрь, Ос. Эт. III, стр. 66—77: Виз. вр. V, 16—17.

3) Проф. Кулаковскій видитъ въ немъ искаженіе слова Абазгія Виз. вр. V, 15.

4) Наше предположеніе о территоріи Аланской епархіи не встрѣчаетъ препятствій со стороны изслѣдованій. На всемъ этомъ пространствѣ встрѣчаются топографическія названія осетинскаго происхожденія. Превосходно это доказалъ тотъ же пр. В. Миллеръ (ос. эт. III, стр. 7 и д.) Матер. по арх. Кавк. I, 70 и III, 111—112: въ горскихъ обществахъ кабарды мак. Ковалевскаго и Миллера—Вѣстн. Евр. 1884 г. Апрѣль, стр. 540, 589.) Тоже Самое у Есіева и Ардасенова («высшее сословіе Осетинъ», стр. 5). Историческое подтвержденіе ко всему этому представляетъ исторія и географія Грузіи, Бахушта. По разореніи и опустошеніи Осетіи Батыемъ, въ особенности же по взятіи Константинополя турками, когда Крымскіе ханы стали ихъ тѣснить, Оссы замкнулись въ горахъ... Осетія съ того времени стала называться Черкесіей и Кабардой. (Мат. для оп. Кавк. XXII, р. 65, 80—81). Это извѣстіе находится въ совершенномъ согласіи съ тѣми лингвистическими данными, на основ. которыхъ современные ученые опредѣляютъ др. территор. Осетинъ.

камъ христіанскихъ обычаевъ въ жизни Осетинъ и христіанскимъ памятникамъ нашей территоріи [1]).

Самымъ раннимъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи нужно признать упомянутую выше переписку Константинопольскаго патріарха Николая Мистика съ архіепископомъ Аланіи Петромъ. Въ 133 письмѣ патріархъ говоритъ о незаконныхъ бракахъ практиковавшихся въ новокрещенной странѣ. При чемъ даетъ совѣты допускать послабленіе въ отношеніи князя страны и людей знатныхъ, издавна живущихъ въ такихъ бракахъ [2]). Вѣрность этого извѣстія подтвердилъ впослѣдствіи Доминиканецъ Юліанъ, совершившій свое путешествіе на востокъ предъ 1235 годомъ [3]). Онъ разсказываетъ, что въ Таматархѣ (Тмутаракани) народъ исповѣдуетъ христіанство, имѣетъ священниковъ греческихъ и книги; князь имѣетъ 100 женъ [4]).

Въ собственной Аланіи нашъ путешественникъ встрѣтилъ христіанъ, которые свято чтутъ день воскресный, отмѣчая его полной взаимной безопасностью. «Этотъ день въ такомъ у нихъ религіозномъ уваженіи, говоритъ онъ, что каждый, какое бы не совершилъ преступленіе и сколько бы не имѣлъ враговъ, можетъ ходить безопасно,—даже среди тѣхъ, у которыхъ убилъ родителей». Далѣе продолжаетъ: «крестъ въ такомъ здѣсь по-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести для полноты свѣдѣній о латинской пропоганды въ Аланіи, извлеченныя изъ рукописей Буткова. «Католическое исповѣданіе, говоритъ онъ, также всѣяно было въ Аланіи.... Въ 1318 г. Папа Іосифъ XXII учредилъ въ Кафѣ престолъ епархіи латинской. Около 1332 года котолики обратили въ свое исповѣданіе нѣкоторыхъ князей Аланскихъ, а въ 1333 г. приняли оное и зихійскіе князья. Въ 1349 г. католики имѣли одного архіепископа въ Матрикѣ (Тамани) и двухъ епископовъ въ Зихіи—Сибѣ и Лукукѣ,—въ мѣстахъ, гдѣ итальянцы производили торговлю. Участь Латинской церкви была одинакова съ греческой, когда турки взяли Константинополь—(№ 7, 341.) Пр. Кулаковскій даетъ по этому вопросу одно указаніе: онъ называетъ князя, принявшаго по Буткову латинство, Милленомъ; свѣд. почерпнулъ изъ Baronii Annales Eeclesiastici s. a. 1229. п. 96 и 1333 п. 37; Виз. вр. V, 10.

[2]) Migne. Patr. gr. t. CXI, 353.

[3]) Зап. од. об. ист. и др. т. V, стр. 998.

[4]) Ib. p. 999, мат. для оп. Кавк. III, стр. 267. Многоженство до самаго недавняго времени было однимъ изъ выдающихся народныхъ пороковъ, противъ котораго пришлось всети усиленную борьбу христіанскимъ миссіонерамъ. Въ настоящее время въ христіанскомъ населеніи оно явленіе чрезвычайно рѣдкое.

читаніи, что бѣдные, какъ туземцы, такъ равно и пришельцы, которые не въ состояніи имѣть съ собою много людей, если помѣстить какой нибудь крестъ на шестѣ и, поднявъ его, нести, во всякое время могутъ идти безопасно [1]).

Дальнѣйшее по времени свидѣтельство объ Аланахъ принадлежитъ епископу Θеодору, половины XIII в. и дано въ его посланіи къ Константинопольскому патріарху [2]). Аланинъ по происхожденію еп. Θеодоръ получилъ посвященіе въ Никеѣ и направился въ предѣлы своей епархіи. Путь избралъ чрезъ Херсонесъ и Боспоръ, гдѣ встрѣтилъ своихъ соплеменниковъ—христіанъ и, остановившись здѣсь, преподавалъ имъ пастырскія наставленія на ихъ родномъ языкѣ. Въ этой ревности Аланскаго пастыря видѣлъ Херсонскій епископъ посягательство на свои права и оклеветалъ Θеодора предъ патріархомъ. Объ этомъ въ своемъ посланіи подробно пишетъ еп. Θеодоръ [3]). Въ собственной епархіи ожидали нашего пастыря не менѣе тяжкія испытанія. Въ высшей степени витіеватымъ языкомъ пастырь излагаетъ печальное положеніе дѣлъ епархіи. «Церковь Аланская лишена была, говоритъ онъ, имѣть главу» [4]). Въ это время «лжепастыри осквернили вождѣленный удѣлъ Христовъ; духъ невѣрія возмутилъ церковь и низвергъ корабль вѣры» [5]). Виновникомъ нестроеній былъ какой-то зажиточный человѣкъ изъ Лазики, родственникъ тамошняго епископа, который, нарядившись соотвѣтственно епископскому сану, объѣзжалъ страну и

[1]) Зап. од. об. ист. и др. т. V стр. 999—1000. Съ этимъ извѣстіемъ о почитаніи креста можно сопоставить данныя поэмы «Алгузіани», изъ которыхъ видно также, что крестъ находился въ особомъ почитаніи у «Осовъ». Предъ битвой съ поицами царь обращается, напримѣръ, съ молитвою ко кресту въ словахъ: «Крестъ Христа Бога нашего, не доведи меня до того, чтобы безбожные и невѣрующія люди побѣдили меня. Если силою Твоею и Именемъ Твоимъ я одолѣю враговъ, я присно буду прославлять тебя:» Такихъ обращеній ко кресту масса въ поэмѣ. (Матеріалы—105. и др.)

[2]) Чтенія въ ист. об. Нест. л. XIII, 151; Виз. вр. V, 9—10: Зап. од. общ. XXI, 11—27; Mai, Nova Bigliotheca Patrum V, 379—397; Migne, Patr. gr. t. 140, 385—413.

[3]) Зап. од. об. XXI, стр. 15—19.

[4]) Намекъ на отсутствіе митрополита отъ смерти предшественника до прибытія его, въ каковое время произошли печальныя событія въ аланской епархіи, постановленіемъ противоканоническимъ порядкомъ священниковъ.

[5]) Ib. p. 21.

рукополагалъ священниковъ за большія деньги. Послѣ долгихъ колебаній еп. Θеодоръ повторилъ надъ ними рукоположеній [1]).

Ближайшимъ по времени свидѣтелемъ далѣе является западный монахъ Рубрукъ, который совершилъ путешествіе по южно-русскимъ степямъ въ 1253 г., направляясь изъ Салдан т. е. Судона, въ мѣстопребываніе хана Золотой орды. Какъ въ Судонѣ, такъ и въ степямъ на Дону и Волгѣ онъ встрѣтилъ Аланъ, которые были христіанами греческаго исповѣданія [2]). Къ XV вѣку относятся свидѣтельства Іосафата Барбаро и Лаоника Халкондиласа. Первый, совершившій свое путешествіе въ 1436 г., говоритъ объ Аланахъ, что они называютъ себя на своемъ языкѣ асъ, исповѣдуютъ христіанство... Страна ихъ покрыта горами, рѣками и долинами и въ ней встрѣчается много искусственныхъ земляныхъ насыпей — надгробныхъ памятниковъ. На вершинѣ каждой изъ таковыхъ положенъ огромный насквозь просверленный камень, въ отверстіе котораго вставленъ крестъ, также сдѣланный изъ камня. Этого рода кургановъ здѣсь безчисленное множество [3]). Историкъ Лаоникъ Халкондиласъ, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о характерѣ Аланъ, говоритъ, что они исповѣдуютъ христіанство и говорятъ на совершенно отличномъ отъ сосѣднихъ народовъ языкѣ [4]).

Отъ этихъ краткихъ и скудныхъ по содержанію свѣдѣній о состояніи христіанства въ Аланской епархіи за разсматриваемый нами періодъ времени переходимъ къ христіанскимъ остаткамъ въ жизни.

На всемъ протяженіи всего сѣвернаго Кавказа отъ Чернаго моря до Каспійскаго этотъ гласъ сѣдой христіанской старины свидѣтельствуетъ о всеобщемъ нѣкогда господствѣ христіанской религіи между народами Кавказа Въ настоящее время это положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію [5]).

---

1) Ib. p. 22—26

2) Визант. вр. V, стр. 9—10.

3) Библ. ин. писат. Семен. I. гл. I стр. 6—7.

4) Лаон. Халк. IX, p. 468—469—13; Чтен. XIII, 154.

5) Зак. и обычаи на Кавк. Ковалевскаго I, стр. 146—160. «Древніе храмы и Св.—Александро—Аф.—Зеленчукскій монастырь.» Моск. 1892 г. стр. 1—32: Ставроп. Еп. вѣд. 1889, № 18; сборн. Св. о К. Г. II,—Баронъ Усларъ о христіанствѣ на Кавказѣ.

Не смотря на послѣдовавшее мусульманское вліяніе, слѣды христіанства доселѣ живы во всѣхъ сторонахъ жизни Осетинъ, какъ религіозный, такъ и общественно-семейной. Это явленіе нельзя объяснить случайными обращеніями отдѣльныхъ племенъ въ христіанство, имѣвшими мѣсто до IX вѣка. Не умираетъ въ жизни народовъ только то, что было нѣкогда присуще всѣмъ. Такимъ образомъ, исходя изъ этого положенія, мы получаемъ заразъ нѣсколько косвенныхъ доказательствъ—во 1-хъ, о степени усвоенности христіанства, во 2-хъ, о его всеобщемъ распространеніи, въ 3-хъ, о времени его господства (т. е. въ нашъ періодъ).

Въ отдѣлѣ о миѳологіи Осетинъ мы уже говорили, что многія божества приняли христіанскую перелицовку; теперь важно показать, что они находятся въ почитаніи одинаково, какъ у христіанъ, такъ равно и у мусульманъ. Послѣдніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей, вѣруютъ во всемъ согласно съ Осетинами христіанами. Одинаково тѣ и другіе совершаютъ празднества на развалинахъ древнихъ христіанскихъ храмовъ и относятся къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ. Тѣ и другіе доселѣ свято чтутъ, какъ отмѣтили писатели, день воскресный и крестъ Христовъ. На поклоненіе животворящему кресту Господню въ настоящее время стекается все почти населеніе въ одно изъ ущелій Осетіи—Даргавское, гдѣ, по вѣрованію Осетинъ, въ древности находился храмъ въ честь креста Господня (Хуцайы-дзуар). Какъ христіане, такъ мусульмане слѣдуютъ христіанскому лѣтосчисленію, въ основѣ котораго лежатъ христіанскіе двунадесятые и другіе праздники. Соблюдаютъ посты христіанскіе и др. Устная народная литература приняла также немало христіанскаго вліянія. Сильнѣе оно отразилось на религіозныхъ сказаніяхъ. Каждое божество Осетинской религіи имѣютъ свою исторію, представляющую смѣсь фантастическихъ созданій съ сюжетами священной исторіи и апокрифическихъ разсказовъ. Эти сказанія о божествахъ опредѣляютъ собою представленія Осетинъ о происхожденіи міра, борьбѣ діавола съ Богомъ, рожденіи Спасителя, Его жизни, страданіяхъ, побѣдѣ надъ діаволомъ и др. Отъ лучшихъ раз-

сказциковъ можно услышать также свѣдѣнія о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытала церковь Христова въ первые вѣка; наряду съ этимъ прославляются герои, побѣждавшіе враговъ церкви и т. д. Все это въ сущности указываетъ на христіанское вліяніе, дошедшее до насъ путемъ преданія, воспринявшаго въ преемствѣ вѣковъ много чуждыхъ вліяній. Вся народная мудрость, обусловливающая взаимныя отношенія Осетинъ другъ къ другу въ главныхъ чертахъ воспроизводитъ евангельскія наставленія и вообще сходна съ христіанскою моралью; въ особенности это сходство выражается въ пословицахъ и поговоркахъ... Словомъ нѣкогда процвѣтавшее христіанство въ Осетіи оставило крупные слѣды и, не смотря на послѣдовавшее продолжительное господство мусульманства, продолжаютъ существовать и вліять на всѣ стороны жизни. Раскрытіе и развитіе въ жизни народа этихъ христіанскихъ остатковъ, безсознательно содержимыхъ народомъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, ближайшая цѣль миссіи христіанской, къ которой призываются всѣ тѣ, кому дорога родная христіанская старина и торжество православія...

Обращаемся къ послѣднему роду доказательствъ, именно-къ вещественнымъ памятникамъ христіанской старины. Мысленно уже представляя ихъ множество на нашей территоріи, мы воистину должны сказать, что въ нихъ воскресаетъ предъ нами во всемъ своемъ величіи цвѣтущій періодъ Аланской митрополіи. Эти одинокія и большею частью уцѣлѣвшія въ горныхъ недоступныхъ мѣстахъ святыни гласятъ намъ какъ открыто и всенародно прославлялся христіанскій Богъ горнымъ народцемъ Кавказа—Осетинами. Наибольшее число храмовъ мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ горной полосѣ, во всѣхъ почти ущеліяхъ, прорѣзывающихъ главный хребетъ горъ съ юга на сѣверъ по теченію горныхъ рѣкъ. Въ нашъ обзоръ должны войти всѣ тѣ памятники, которые найдены въ предѣлахъ древней территоріи Осетинъ, не смотря на то, что въ настоящее время Осетія занимаетъ небольшую часть этой древней своей территоріи—именно по теченію р.р. Терека, Гизельдона, Фіагъ-дона, Ар-дона и Уруха.

На самомъ восточномъ пунктѣ этой территоріи на разстояніи 50—60 верстъ отъ г. Владикавказа, гдѣ нынѣ живутъ чеченцы и ингуши, встрѣчается масса каменныхъ, грубой работы, крестовъ, расположенныхъ на большихъ проѣзжихъ дорогахъ и возвышенностяхъ [1]). Путешественникъ начала прошлаго XIX вѣка Клапротъ упоминаетъ, что онъ видѣлъ желѣзный крестъ близъ Галгая по теченію р. Асси, [2]) къ которому окрестное населеніе ходило на поклоненіе въ Іюнѣ мѣсяцѣ [3]). Г. Головинскій видѣлъ три желѣзныхъ креста близъ аула Хули, въ честь которыхъ также совершалось празднество между 10 и 14 Іюня. [4]) Эти скудные и одиноко стоящіе памятники до сихъ поръ служатъ нѣмыми свидѣтелями нѣкогда процвѣтавшаго здѣсь христіанства и развитія въ частности культа Креста.

Но самымъ замѣчательнымъ памятникомъ христіанской старины въ Чеченской странѣ служитъ храмъ, извѣстный у Ингушей подъ названіемъ «Тхаба-ерды», т. е. тысячи святыхъ [5]). Храмъ представляетъ изъ себя прямоугольное продолговатое зданіе небольшихъ размѣровъ, въ 17 метровъ длины и 7½ ширины. Стѣны сложены изъ тесаныхъ камней; отличаются отличной кладкой на извести и достигаютъ 0,80 метровъ толщины. Внутренность храма раздѣлена тремя высокими остроконечно сведенными арками на 4 части. Полъ, въ настоящее время разрушенный, былъ выстланъ плитами небольшихъ размѣровъ. Двери украшены разнообразными орнаментами. Надъ дверями и окнами сохранились барельефы сильно поврежденные, такъ что трудно разобрать ихъ смыслъ. Всѣ они очень грубой работы, высѣчены на мягкомъ камнѣ. Плиты съ изображеніями человѣческихъ фигуръ и съ орнаментами были привезены, по разсказамъ народа, изъ Грузіи готовыми, такъ какъ въ окрестностяхъ храма нѣтъ такого матеріала. На близскомъ разстояніи отъ храма видны слѣды построекъ и гробницъ. Для опредѣле-

---

[1]) Современникъ 1854 г. т. XLVII, отд. I, стр. 41.

[2]) Указаніе на когда то бывшее здѣсь Осетинское населеніе.

[3]) Матер. по арх. Кавк. I, стр. 7.

[4]) Сб. свѣд. о Терской области вып. I. стр. 353.

[5]) Матер. по арх. Кавк. I, стр. 8.

нія времени построенія этой церкви важны уцѣлѣвшія на западной сторонѣ храма надъ барельефами грузинскія надписи. Знатокъ Грузинской эпиграфики Д. З. Бакрадзе прочиталъ эти надписи слѣдующимъ образомъ: Христе, прославь строителя храма сего патрона Давида (Эристова) Асскаго», «Господи, благослови Георгія епископа», «Господь Саваоѳъ, помяни епископа Георгія». «Корониконъ 50». [1]) Къ развалинамъ церкви собираются окрестные жители съ приношеніями одинъ разъ въ годъ въ красную горку. Этотъ культъ святыни ничто иное, какъ глухое воспоминаніе тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Тхаба ерды была приходскою церковью окрестныхъ ауловъ.

Въ современной Осетинской территоріи особенно богаты остатками христіанскихъ древностей ущелія Куртатинское и Алагирское.

Въ первомъ на берегу р. Фіягъ-дона, близъ аула Дзывгисъ, сохранилась небольшая церковь, нѣкогда построенная въ честь св. Георгія [2]). Небольшое зданіе храма въ формѣ продолговатаго четыреугольника, сложено изъ массивныхъ камней на извести и выбѣлено снаружи. Длина 4 саж, шир. 2 с. 2 аршина. Доступъ въ храмъ даетъ дверь съ южной стороны, покрытая полукруглой аркой. Церковь обнесена каменной оградой, внутри которой находится звонница. Два небольшихъ колокола имѣютъ грузинскія надписи; на одномъ изъ нихъ надпись: «Я царь карталинскій, патронъ Георгій, въ году хроникона 301 пожертвовалъ колоколъ сей тебѣ, святому Георгію Дзывгисскому, дабы дарована была намъ побѣда». На другомъ: «Я Мохметъ пожертвовалъ сей колоколъ Дзывгисскому святому мѣсту. Дай Богъ, чтобы на звуки его приходили на поклоненіе тебѣ и прославленіе [3]). Внутренность храма не представляетъ ничего замѣчательнаго. Два столба отдѣляютъ корабль отъ алтаря, въ которомъ помѣщается престолъ.

---

[1]) Матеріалы р. 8—21.

[2]) Матеріалы по арх. Кавк. I, 48.

[3]) Ib. р 49; Отчетъ общества возстан. прав. Хр. на Кавк. 1889 г. Стр. 92; Сборн. св. о Кавк. I, 160.

Описанный типъ дзуара повторяется и въ другихъ мѣстахъ Куртатинскаго ущелія. Таковъ, напримѣръ, храмъ въ аулѣ Гули, также посвященный Св. Георгію и храмъ въ аулѣ Ладзъ, подъ названіемъ Хуцау дзуар (Божій Святый) Недалеко отъ аула Харискина на лѣвомъ берегу р. Фіагъ-дона находится еще маленькая часовня, посвященная Богоматери, на что указываетъ и самое названіе мѣста—«Майремъ». Всѣ эти развалины храмовъ служатъ въ настоящее время мѣстами торжественныхъ всенародныхъ празднествъ. Мѣстно-чтимая чудотворная Моздокская Икона Божей Матери до XVIII вѣка находилась также въ названномъ ущеліи въ аулѣ Майрамикау (селеніе Б. Матери) По преданію она принесена Грузинскою царицею Тамарою, и написана находившимся при ея дворѣ иконописцемъ. Церковь, въ которой она стояла, три раза подвергалась огню, и Святую Икону всякій разъ во время пожара находили цѣлою на горѣ, неподалеку отъ Церкви. Это чудесное спасеніе Иконы Божіей Матери отъ огня послужило первою причиной чествованія, какое Осетины стали воздавать ей, какъ чудотворной Иконѣ [1]). Народное преданіе настойчиво утверждаетъ, что Икона имѣла грузинскую надпись, которую невѣжественные миссіонеры почему-то нашли нужнымъ уничтожить.

Двѣ святыни Алагирскаго ущелія-храмы въ Рекомѣ и Нузалѣ пользуются до сихъ поръ въ Осетіи наибольшимъ уваженіемъ.

Рекомскій храмъ посвященъ Св. Георгію; представляетъ изъ себя родъ деревянной постройки, похожей на швейцарскій Шалэ. [2]) Между приношеніями чашами, кадильницами, иконами, ларцами и др. встрѣчаются желѣзные кресты, Надъ дверью висятъ три колокола неодинаковой величины. На самомъ большомъ грузинская надпись: «Мы Багратіонъ, Великаго Царя (Чиндара?) сынъ Георгію, принесли этотъ колоколъ и молитвенникъ (?). Св. Отцу; Отцу св. Осетинской и Дигорской страны

---

[1]) Сказаніе о Моздокской Ик. Б. Мат. стр. 5—6.

[2]) Кавк. Путевыя замѣт. гр. Уварова. Москва 1887.

за спасеніе нашей души и побѣды надъ врагами». [1]) Въ храмѣ масса предметовъ языческаго культа. Время построенія его неизвѣстно. Мѣсто храма самое живописное, весьма распологающее къ мыслямъ о ничтожествѣ человѣка предъ величіемъ созданной Богомъ природы. Какіе бы народы ни жили въ этихъ мѣстахъ, они должны были невольно выбрать это таинственное мѣсто для бесѣды съ Богомъ. Мѣстныя преданія упоминаютъ о существованіи Грузинскаго Монастыря въ Рекомѣ; упоминаютъ также, что подъ часовней въ горѣ идутъ подземные ходы и что нѣкогда Рекомъ содержалъ великія богатства [2]).

Не меньшею извѣстностью, чѣмъ Рекомъ, пользуется древняя церковь въ честь св. Георгія въ сел. Нузалѣ. Церковь сложена на извести изъ мѣстнаго нетесанаго камня. Низкая узкая дверь ведетъ во внутрь храма, освѣщеннаго тремя маленькими окнами. Внутренность расписана фресками по штукатуркѣ, стиль Грузинскій; святые въ грузинскихъ одеждахъ,—надписи тоже грузинскія. Надъ входною дверью обыкновенный византійскій осмиконечный крестъ съ арабесками. Между изображеніями можно различить лики Спасителя, Б. Матери, Св. Георгія Побѣдоносца, Іоанна Предтечи, Архангеловъ и др. Надписи нѣкоторыхъ изображеній потерпѣли сильныя поврежденія. Здѣсь же, какъ говорили выше, находился разсмотрѣнный нами памятникъ «Алгузіани». Народъ утверждаетъ, что нѣкоторые документы Нузала были похищены свящ. миссіонеромъ Самаргановымъ. Сюда же относится надпись объ Осетинскомъ царѣ Осѣ Багатарѣ (XIII—XIV в.) переведенная бар. Розенкампфомъ на французскій языкъ и получившая такимъ образомъ европейскую извѣстность [3]).

Въ Дигоріи, къ западу отъ Алагирскаго ущелія, сохранилась, по словамъ св. Гатуева, церковь подъ названіемъ авдзуаръ—семь святыхъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда здѣсь

---

[1]) Сб. свѣд. о Кавк. I, 139: Кавк. Гр. Уварова. Стр. 60. «Въ горахъ Осетіи» Миллера Рус. М. 1881 г. Сентябрь Стр. 99.

[2]) Мат. по арх. Кавк. I, Стр. 64—65; Рус. мысль Сентябрь 1881 г. стр. 103.

[3]) Напеч. въ журналѣ asiatigue въ 1830 г. Вотъ его содержаніе на русск. языкѣ. «Насъ было девять братьевъ — Чарджанидзе—Чархилановыхъ овсетинъ: Багатырь, Да-

жилъ священникъ, похороненный около церкви [1]). Дзуаромъ считается также могила Нарта Сослана недалеко отъ аула паръ. Здѣсь найденъ св. Гатуевымъ крестъ желтой мѣди съ изображеніемъ распятія [2]). Ограничиваясь этимъ краткимъ обзоромъ памятниковъ на современной Осет. территоріи, мы должны замѣтить, въ видѣ заключенія, то, что въ нихъ, какъ въ техникѣ иконописной, такъ и въ архитектурномъ отношеніи, не говоря уже о самыхъ надписяхъ, выразилось сильное грузинское вліяніе. Этотъ фактъ, такимъ образомъ, можетъ служить средствомъ къ опредѣленію района грузинскаго вліянія, объясняемаго заботами православныхъ царей Грузіи о просвѣщеніи Осетинъ, о чемъ говорятъ письменные памятники.

Далѣе къ западу за предѣлами современной Осетіи и ближе къ Черному морю выступаетъ господство греческаго стиля и письма. Памятники здѣсь подверглись въ самое недавнее время варварскому разрушенію поклонниками Ислама; но благодаря изслѣдованіямъ ихъ въ началѣ прошлаго XIX вѣка, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ. Памятники въ ущеліяхъ Чегема, Хулама, Баксана первый разъ описалъ Караимъ Фирковичъ, совершившій путешествіе въ 1849 году [3]). Позднѣе и болѣе обстоятельно разсмотрѣлъ тѣ-же древности и описалъ ихъ В. Ѳ. Миллеръ, который уже не нашелъ многихъ памятниковъ, видѣнныхъ еще Фирковичемъ. Въ настоящее время въ Балкарскомъ обществѣ о древнемъ христіанствѣ говорятъ башни со сквозными крестами. По свидѣтельству Фирковича въ Балкарѣ

видъ Сосланъ, съ четырмя царствами боровшіеся: Пидоросъ, Джадаросъ, Сокуръ и Георгій, грозно встрѣчавшіе врага,—трое изъ нашихъ братьевъ: Исаакъ, Романъ и Босилъ стали вѣрными рабами Христа. Мы охраняемъ узкія дороги проходящія изъ четырехъ угловъ: Въ Касарахъ я имѣю замокъ и таможенную заставу и здѣсь охраняю двери Хида; вѣруя въ загробную жизнь, въ семъ мірѣ твердо стою. Золотоносной земли и серебряной, подобно водѣ, много имѣю. Кавказъ я покорилъ, съ четырмя царствами боролся и похитилъ сестру Груз. царя, слѣдуя нашему обычаю. Онъ догналъ меня, измѣнилъ клятву и грѣхъ мой принялъ на себя. Богатаръ отданъ былъ теченію воды, войско же Осетинъ истреблено. Кто изъ васъ увидитъ этотъ стихъ, малостью пусть скажетъ поминаніе» (Сб. Матеріаловъ для оп. Кавк XXII, стр. 43—44).

1) Матеріалы по археолог. Кавказа I, 68.

2) Ib. p. 69.

3) Труды Восточнаго отд. Арх. общ. т. III, «Археологическія развѣдки на Кавказѣ» Фирковича.

существовала старинная церковь, называвшаяся «Ойтъ-Ойтъ Каясы» съ надписями и украшеніями. Отъ нея въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ [1]). Подобной же участи подверглась церковь въ аулѣ Хуламѣ, отмѣченная Фирковичемъ [2]). Въ другомъ горскомъ обществѣ Базенгійскомъ Фирковичъ описалъ небольшую церковь, длиною $5^1/_4$ арш., шир. $3^3/_4$ и высотою $4^1/_2$,—на стѣнахъ изображены альфреско 11 ликовъ угодниковъ Божіихъ и видны полуистертыя грузинскія надписи [3]). Нѣсколько болѣе обильные слѣды находятся въ Чегемѣ. Близъ аула можно видѣть цѣлое собраніе могильныхъ плитъ съ изображеніями четвероконечныхъ крестовъ [4]). Плиты съ крестами и названіе мѣста «попово жилище» несомнѣнно указываетъ, что въ этомъ мѣстѣ прежде существовала церковь. Въ настоящее время уже нѣтъ возможности составить понятіе о формѣ церкви и даже опредѣлить ея мѣсто. Но еще въ началѣ прошлаго столѣтія она существовала, и Клапротъ сообщилъ о ней слѣдующее: «Церковь Чегемская имѣетъ въ длину три сажени и построена на скалѣ, въ которой продѣлана извилистая тропинка, снабженная парапетомъ. Тамъ еще хранятся остатки нѣсколькихъ греческихъ книгъ». Проф. Миллеръ добылъ въ 1883 г. во время своего посѣщенія этой мѣстности, нѣсколько листовъ, изъ которыхъ одни принадлежали греческому Евангелію, другіе — служебнику. Палеографическіе признаки позволяютъ отнести рукопись къ XV вѣку [5]). Въ 1849 г. г. Фирковичъ видѣлъ развалины двухъ церквей въ аулѣ Искильты.

О христіанствѣ въ Баксанскомъ ущеліи, занятомъ нынѣ Уруспіевскимъ обществомъ горскихъ татаръ, свидѣтельствуютъ плиты съ крестами [6]).

Но особенно богата христіанскими памятниками такъ называемая большая и малая Кабарда.

---

1) Матер. по арх. Кавк. I, стр. 75.
2) Ib. p. 75.
3) Ib. p. 75.
4) Ib. p. 75—76.
5) Ib. p. 76.
6) Ib. p. 76—77; изв. им. р. арх. об. т. VIII, стр 330.

Благодаря выгодному географическому положенію по торговому пути на р. Кубани и близости греческихъ колоній Черноморья и Тмутараканскаго княжества территорія названной мѣстности сильнѣе подверглась вліянію греческой христіанской культуры и отразила ее въ множествѣ памятниковъ. Этимъ обстоятельствомъ безусловно руководился Св. Сѵнодъ, благословивъ въ 1889 г. открытіе въ этой мѣстности на берегу р. Зеленчука «Св. Александро-Афонско-Зеленчугскаго монастыря». Въ оффиціальномъ документѣ Св. Сѵнода объясненъ мотивъ этого важнаго событія мѣстной церковной жизни; онъ состоитъ въ томъ, чтобы «охранить и возобновить древнѣйшіе храмы Кавказа и способствовать распространенію свѣта Евангельскаго ученія среди окрестныхъ некрещенныхъ мусульманскихъ инородцевъ» [1]). Мѣстность вокругъ монастыря является самымъ богатымъ по остаткамъ христіанской древности, которые занимаютъ площадь на протяженіи 7 верстъ. Въ самой срединѣ стоятъ довольно хорошо сохранившихся три храма, на полуверстномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ они построены по одному архитектурному стилю (разносторонній четырехконечный крестъ) и разнятся между собою только размѣрами и нѣкоторыми подробностями. Всѣ изображенія и надписи, за исключеніемъ весьма немногихъ, варварски уничтожены. Лучше другихъ сохранился средній храмъ, который и возобновленъ. Въ немъ особаго вниманія заслуживаетъ каѳедра архіерейская въ горнемъ мѣстѣ и по сторонамъ ея сѣдалища для священниковъ [2]). Недалеко отъ этого храма слѣды монастырскихъ келій. Народное преданіе утверждаетъ, что нѣкогда существовалъ здѣсь монастырь, есть также слѣды башенъ, громаднаго кладбища, улицъ, переулковъ и др.

Все это показываетъ, что сія дикая и безлюдная мѣстность, оглашаемая нынѣ шумомъ рѣки и пѣніемъ горныхъ птицъ, была нѣкогда густо населена христіанскимъ народомъ, оглашаемымъ

---

[1]) Соч. «Древніе храмы и св. Ал. Аф. Зеленч. Монастырь». Москва 1892 г. Стр. 4.

[2]) Ib. p. 4—19.

звономъ колоколовъ и билъ [1]). Признаки города на семъ мѣстѣ съ нѣсколькими церквами и архіерейской каѳедрой позволяютъ, по нашему мнѣнію, предполагать здѣсь мѣстопребываніе каѳедры Аланской епархіи до соединенія съ Сотиріупольской въ XIII вѣкѣ.

На разстояніи около 80 верстъ отъ Зеленчукскихъ древностей, близъ Хумаринской крѣпости, найдены развалины древней церкви. Іосифъ Бернадацци, архитекторъ минеральныхъ водъ, въ 1829 году писалъ генералу Эмануэлю о сей церкви слѣдующее: «церковь находится на горѣ Чунѣ; своды сдѣланы изъ плиты по всѣмъ правиламъ искусства, а арки изъ превосходнаго кирпича. Скала, на которой построена церковь, порфировая. Камни, употребленные въ зданіе, изъ рода тѣхъ, которыя у Итальянцевъ называются *mollera.* Тамъ же находится кладбище и каменные кресты съ надписями» [2]). Другой замѣчательный памятникъ христіанства находится при устьѣ р. Теберды (притокъ Кубани) на разстояніи около 60 верстъ отъ Зеленчукскаго монастыря. Іосифъ Бернардацци писалъ о немъ въ томъ же 1829 г., что сія церковь находится на горѣ, вышиною 150 саженъ надъ повѣрхностью рѣки. «Внутри храма я видѣлъ себя окруженнымъ изображеніями святыхъ, говоритъ онъ, и картинами, изображающими чудотворныя дѣянія Спасителя. Большая часть живописи по сіе время, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, еще сохранилась, бывъ подвержена вліянію воздуха, мороза и пр... Вся внутренность покрыта живо-

[1]) Изв. Имп. Арх. Рус. об. т. VIII, стр. 362—363. Первый разъ удалось проникнуть въ эту дикую страну Маіору Потемкину въ 1802 г. который составилъ описаніе этихъ храмовъ. Въ этомъ описаніи (Библ. листы 1825, № 30 стр. 430—435) находимъ нѣкоторыя подробности. Онъ нашелъ еще неповрежденными нѣкоторыя изображенія, напр. Св. Николая Чудотворца (въ первомъ храмѣ) съ греч. надписью, которую Бутковъ прочиталъ такъ: Святитель Николай, покровитель Аспе (городъ) (рукоп. Бутк. № 5, 626 об. № 47, 38 и Вѣстн. Евр. 1822 г. № 23, стр. 201) Близъ первой церкви на кладбищѣ вкопанъ въ землю дикокаменный крестъ съ греческою надписью, которую доселѣ не удалось точно разобрать; надпись даетъ дату отъ Р. Х. 1013 г. (Рук. Буткова Имп. Акад. Наукъ № 6 б. стр. 535).

[2]) Рукоп. Бутков. № 47, стр. 45. ср. сбор. газеты Кавказъ 2-ое полугодіе 1847 г. стр. 118 и Сб. греч. и лат. надписей Кавк. Помяловскаго стр. 18—20, Труды Вост. отд. Им. рус. арх. общ. IX, стр. 385—388.

писью. Надъ тремя окнами въ полукружіи, гдѣ былъ алтарь, изображена въ большомъ размѣрѣ Богоматерь съ распростертыми руками, а надъ нею трапеза апостоловъ. Между двумя иконами неопредѣленная надпись. Стѣны выведены изъ того же камня, какъ и стѣны церкви на горѣ Чунѣ. Близъ церкви замѣтны слѣды кладбища и построекъ [1]). Ниже по теченію той же рѣки Теберды за ауломъ Джанбулатъ находится церковь, очень богатая изображеніями святыхъ (до 50) съ греческими надписями, [2]) довольно хорошо сохранившимися. Въ виду обилія христіанскихъ древностей въ сей мѣстности еще въ 30-хъ годахъ прошлаго XIX столѣтія Генералъ Эммануэль, и І. Бернардацци, ходатайствовалъ предъ Св. Сунодомъ объ открытіи въ данной мѣстности монастыря [3]).

На протяженіи нашей территоріи особенно много встрѣчается крестовъ съ греческими надписями. І. Бернардацци описалъ такой крестъ за Кубанью противъ казацкой почты Утчкуръ. Тамъ же остатки древняго огромнаго города [4]). Найденъ крестъ съ греческою надписью и близъ Кисловодской станицы, перевезенный нынѣ въ Пятигорскъ [5]). На истокахъ р. Кефара найдены кресты съ греческими надписями, на которыхъ только можно разобрать: «іс. хс. мр. эνи доνлос», тоже на правомъ берегу р. Шелухи съ надп. іс. хс. [6]).

Ключъ къ рѣшенію вопроса о томъ, кому принадлежатъ эти и другіе многочисленные памятники христіанства, разсѣянные на громадномъ пространствѣ Кабарды, дастъ «древне-Осетинскій памятникъ», найденный недалеко отъ Зеленчукскаго монастыря въ 1888 г. Мы уже выше приводили историческія и топографическія данныя въ пользу того положенія, что древняя

[1]) Рукоп. Бутк. №47, стр. 6—9.
[2]) Зап. Имп. р. арх. об. IX стр. 385; Помяловскій. сб. гр. и лат. надп. Кавк. стр. 9; Изв. р. имп. арх. об. VIII, р. 355.
[3]) Сборн. газеты Кавказъ. 1847 г. 2-ое полугодіе стр. 120.
[4]) Рукоп. Бутк. № 47, стр. 1—2.
[5]) Перечень засѣд. Имп. арх. общ. 1850 г. т. III, стр. 134; Зап. Имп. арх. об. т. IX, стр. 377; Вѣстн. др. русск. искус. 1875, отд. I, стр. 73.
[6]) Зап. Им. р. арх. общ. т. IX, стр. 377 и 392; Помяловскій Сборн. Греч. и Лат. надп. Кавк. стр. II.

територія Осетіи заходила на западъ далеко за предѣлы настоящей. По историческимъ даннымъ она граничила даже съ моремъ (Чернымъ). Въ настоящемъ случаѣ нашъ памятникъ является завершеніемъ этой мысли и вмѣстѣ лучшимъ доказательствомъ Осетинскаго происхожденія остатковъ христіанской старины Кабарды. Памятникъ представляетъ изъ себя родъ надгробной плиты, на которой греческими буквами написаны слова Осетинскія. Пр. В. Ѳ. Миллеръ первый съумѣлъ прочитать надпись и перевесть на русскій языкъ такимъ образомъ: Іисусъ Христосъ. Святый Николай. Сохира Сынъ Х...ра. Сынъ Бакатаръ Бакатая сынъ Анбалъ Анбалана сынъ. Юношей памятникъ Юноши Иры» [1]). Памятникъ относится по мнѣнію Пр. Миллера, къ XI—XII в. в.

Въ такомъ же смыслѣ важна плита, найденная на правомъ берегу р. Этоки, по дорогѣ отъ Пятигорска къ Маріевской станицѣ [2]). Какъ надписи, такъ и изображенія на памятникѣ оставались для ученыхъ изслѣдователей загадочными до тѣхъ поръ, пока Пр. Миллеръ не открылъ въ нихъ иллюстраціи осетинскихъ сказаній о загробной жизни [3]). Другой памятникъ въ формѣ параллепипедообразнаго креста, найденъ между ручьями Ассокаемъ и Мондахомъ въ малой Кабардѣ [4]).

Памятникъ этотъ имѣетъ длинную греческую надпись, изъ которой можно разобрать немного. Помяловскій востановляетъ ее въ такомъ видѣ: «до втораго пришествія Господа нашего Іисуса Христа покоится рабъ Божій Георгій [5]). Архимандритъ Амфилохій читаетъ нѣсколько иначе: «поставила Евгенія (или

---

[1]) Мат. по арх. Кав. III, стр. 110—118; И мена Сахиръ, Бакатаръ, Анбалъ и Ир., всѣ осетинскаго происхожденія.

[2]) Тергукасовъ въ перечнѣ Зас. Имп. ар. об. 1850 г. стр. 139; Фирковичъ —Зап. Им. арх. об. IX, стр. 376; гр. А. С. Уварова—труды I арх. съѣзда вып. II, стр. 515—516; Филимоновъ Вѣстн. др. р. иск. 1875 отд. I, 74, Наришкины изв. Имп. р. арх. об. III, стр. 346; рисунки памятн. у Помяловскаго—сб. греч. надп. Кавказа таб. 3, 4.

[3]) Мат. по арх. Кав. III, стр. 119—126; «отголоски Кавказскихъ вѣрованій на могильныхъ памятникахъ». Подробнѣе выше въ главѣ о миѳологіи.

[4]) Сб. гр. и Лат. надп. Кавказа Помял. р. 15 (таб. 9, 10 и II.)

[5]) Ib. d. p. 15.

Евсевія) настоящій крестъ Господа нашего І. Христа въ день успенія страстотерпца Божія Георгія 23-го Апрѣля» [1]). Въ загадочныхъ изображеніяхъ памятника тотъ же знатокъ осет. жизни проф. В. Миллеръ открылъ иллюстраціи осетинскихъ сказаній о загробной жизни покойниковъ [2]).

Въ заключеніе къ обзору памятниковъ христіанства не можемъ умолчать объ единственномъ памятникѣ русскаго происхожденія. Онъ представляетъ изъ себя четырехконечный крестъ съ начертаніемъ славянскихъ буквъ. По сл. (Гом + Н Г Д и Д Ш РАБА б н а БАНЛОРОУС Г.); Найденъ между Черкасскомъ Георгіевскимъ, близъ Преградной почтовой станціи.

«Отъ людей, вѣроятія достойныхъ, которые видѣли этотъ крестъ скоро по учрежденіи Кавказской линіи 1775 г. слышали мы, говоритъ Бутковъ, что на немъ явственно означено было лѣто міра, соотвѣтствующее 1041 г. по Р. Х. и слова: рабъ воинъ Аорусъ» [3]). Появленіе русскаго памятника па территоріи Осетіи даетъ, по мнѣнію Буткова, основаніе предполагать въ данной мѣстности восточную границу Тмутараканскаго княжества [4]). Предположеніе находитъ подтвержденіе въ исторіи, изъ которой видно, что съ XIII—по XV вѣкъ русскіе жили въ нѣкоторыхъ городахъ Кубани совмѣстно съ осетинцами, Черкесами и др. [5]).

Не распространяясь далѣе о другихъ памятникахъ, во множествѣ разбросанныхъ на нашей территоріи, мы на основаніи уже разсмотрѣнныхъ можемъ видѣть, какъ прочно насаждено было христіанство въ періодъ Аланской митрополіи. Развалины ясно свидѣтельствуютъ, что въ страну проникло христіанство

---

1) Вѣстн. др. рус. иск. 1875. стр. 80 Смѣсь.

2) Матер. по арх. Кавк. III, р. 127—132.

3) Рук. Бутк. № 6-б. стр. 534—535; и 543—544: № 6-а. стр. 461—462; № 5, 622 и 724: Библіогр. листы 1825 г. № 30 стр. 435.

4) Ib. р. 435.

5) № 6-б. р. 542—543. Имѣя въ виду по всей вѣроятности эло сосѣдство, протоіерей Кіево — Соф. Соб. о. Лебединскій писалъ 5 арх. съѣзду въ Тифлисѣ 1881 г. о христіанскомъ вліяніи Кавказа на Югъ Россіи въ до владимірскій періодъ (труды V ар. съѣзда протоколъ XXII. Собщеніе прочитано было предсѣдателемъ гр. А. С. Уваровымъ) Мы прибавимъ отъ себя въ дополненіе, что въ послѣ владимірскій періодъ, когда въ Тмутаракани стали княжить православные русскіе князья, произошло обратное явленіе, благопріятствовавшее христіанизаціи сосѣдей Осетинъ и другихъ горскихъ племенъ.

изъ разныхъ источниковъ: изъ Грузіи (въ восточной части), Греціи (въ зап. ч.) и изъ православной Руси (въ сѣверо-зап. ч.). Вмѣстѣ съ христіанствомъ проникли изъ этихъ странъ: письменность, иконописная техника, архитектурный стиль и др. Словомъ, страна была въ полномъ смыслѣ христіанскою.

Но молодой Осетинской митрополіи не суждено было долго существовать. Уже съ XIII вѣка ее стали посѣщать бѣдствія, гибельно отражавшіяся на процвѣтаніи ея церковной жизни. Въ 1277 г. Ордынскій ханъ Менгу-Темиръ предпринялъ войну противъ Осетинцевъ и взялъ 8 Февраля столицу ихъ царства Тетяковъ, который былъ разрушенъ и сожженъ [1]). Покоренная страна должна была платить дань, которую собиралъ особый чиновникъ Баскакъ [2]). Отношеніе монголовъ къ христіанской религіи отличалось вѣротерпимостью [3]). Но не смотря на это, ихъ частыя вторженія въ Осетію производили пагубное дѣйствіе [4]).

Они ослабили силу Осетинскаго царства настолько, что къ концу періода въ главѣ народа становятся «старшины», назначавшіеся татарами изъ преданныхъ имъ людей [5]). По этой причинѣ, можно безошибочно предпологать, произошло и соединеніе митрополіи Осетинской съ Сотиріупольскою съ перенесеніемъ каѳедры въ городъ Севастополь. Паденіе Восточной Имперіи въ 1453 году на всегда положило Конецъ существованію Осетинской митрополіи. Каѳедра опустѣла. Свѣтильникъ вѣры христіанской погасъ въ Осетіи и хотя народъ продолжалъ

[1]) Этотъ городъ находится на правомъ берегу р. Фіагъ-дона въ Куртатинскомъ ущеліи (Рукоп. Бутк. № 7, 340). На этомъ мѣстѣ Бутковъ видѣлъ развалины древняго города. Здѣсь же предполагаетъ г. Ифафъ столицу Ос. царства. Выгодное стратегическое положеніе въ широкомъ ущеліи, масса отесаннаго камня, громадное кладбище съ катакомбами, развалины церквей и башенъ, множество золотыхъ и серебрянныхъ вещей, монеты и др. все это по мнѣнію г. Ифафа и проф. Миллера свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь нѣкогда находился многолюдный городъ, столица Осетинскаго царя. (сб. св. о К. Г. V, 43—44: ос. эт. III, 36.)

[2]) Рукоп. Бутк. №7, стр. 336.

[3]) Русскія лѣтописи по Никон. списку ч. III, стр. 209. Ср. рук. Бутк. №7, стр. 340–341.

[4]) Ос. Эт. В. Миллера. ч. III, стр. 37—39.

[5]) Рукоп. Бутк. № 6-б. стр. 610—611.

исповѣдывать христіанство, но наступившее господство мусульманскихъ народовъ въ лицѣ Кабардинцевъ фактически уничтожило его (христіанство) Это господство, продолжавшееся до самаго недавняго времени означено для Осетинъ самыми печальными послѣдствіями. Варварскій народъ не пощадилъ религіи покореннаго народа и безжалостно уничтожилъ его святыни. Съ мирныхъ жилищъ его тысячилѣтней просторной родины загналъ его въ непроходимыя трущобы горъ, гдѣ онъ численно и умственно дошелъ до ничтожества и жалости. Во внутренней жизни народа насадилъ порядки, доселѣ задерживающіе мирное теченіе народнаго развитія подъ властью Православнаго Русскаго Царя, давшаго свободу многострадальному народу отъ послѣдняго страшнаго историческаго звѣря—Кабардинцевъ. Съ 1746 г. снова возженъ свѣтильникъ христіанской вѣры въ Осетіи заботами Православной Русской Церкви, которая не перестаетъ и доселѣ пещись о возвращеніи въ лоно—древняго Православія Осетинцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава первая.

Глава вторая.

данныхъ и письменности у Осетинъ, какъ препятствіе къ точной постановкѣ вопроса. Источникъ—живая старина. Разборъ двухъ методовъ науки миѳологіи и приложеніе ихъ къ Осетинской миѳологіи. Божество неба. Божество земли. Два разряда божествъ отдѣльныхъ частей и явленій міра. Языческое происхожденіе христіанизированныхъ божествъ, подтверждаемое примѣрами другихъ религій. Первый разрядъ божествъ—христіанизированныхъ. 1) Уацъ-Илла. Описаніе чествованія, какъ образ. другихъ подобныхъ. Вопросъ о капищахъ, жертвахъ и жрецахъ. Праздникъ, «Хору-бон» и пораженіе громовымъ ударомъ, 2) Уасъ-Дурджи, 3) Маду Майремъ и др. Второй разрядъ божествъ языческихъ: 1) Фалвара, 2) Авсати, 3) Донъ-Беттыръ, 4) Хайрегъ и др. Особенная важность вопроса о загробной жизни и его изложеніи по памятникамъ религіозной литературы Осетинъ, подтверждаемое иллюстраціями древнихъ могильниковъ. Гласъ погребальныхъ обычаевъ. Загробное путешествіе покойника. Рай и его описаніе. Божества: Барастырь, Курдалагонъ, Аминонъ и др. Культъ предковъ, какъ реализація идеи загробнаго существованія. Всеобщность и всестороннее значеніе идеи. Источникъ Осет. культа предкопочитанія. Объясненіе его развитія. Культъ домашняго очага. Описаніе его. Заключеніе. Стр. 21—47.

Отдѣлъ второй (истор. часть.)

Глава первая.

Дѣленіе на періоды и основанія этого дѣленія. Періодъ первый подготовительный до IX в.

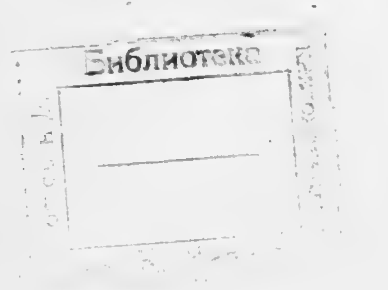
Разныя названія Осетинъ у древнихъ писателей. Особенное значеніе названія «Аланъ». Географическое и этнографическое значеніе термина. Свидѣтельства того и другого характера. Древняя территорія Осетинъ и причины ея сокращенія и настоящее мѣстожительство народа. Осетины въ Западной Европѣ, Африкѣ и Азіи. Вопросъ объ апостольской проповѣди на Кавказѣ въ Осетіи въ частности. Соціальный и политическій по-

рядокъ въ Осетіи, неблагопріятствовавшій Насажденію христіанства. Крещеніе Грузіи и его значеніе для христіанизаціи Осетинъ. Царь Миріанъ и послѣдующіе цари Грузіи въ своихъ отношеніяхъ къ Осетіи. Общій выводъ о грузинскомъ вліяніи на этотъ періодъ. События на сѣверной территоріи Осетіи. Великое переселеніе народовъ. Роль Осетинъ. Осетины на Римской службѣ и законъ свободнаго возвращенія ихъ на родину. Значеніе личности Іордана (историка) для сужденія о культурномъ вліяніи Рима на Осетію. Положительныя свидѣтельства о дружбѣ съ Римомъ и христіанствѣ Осетіи. (Прокопія) Время Юстиніана Великаго. Политическій союзъ Византіи, съ Осетіей и заботы Императора о распространеніи христіанства въ Осетіи. Отношеніе послѣдующихъ императоровъ Византіи къ Осетіи. Археологическія находки, свидѣтельствующія объ оживленныхъ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ Византіи съ Осетіей въ разсматриваемый періодъ. Слѣды Римско-Византійскаго вліянія въ жизни Осетинъ. Христіанское вліяніе Черноморскихъ епархій на Осетію. Свидѣтельство еп. Θеодора и Константина Порфирородскаго объ Осетинахъ въ Крыму. Топографическія названія, подтверждающія эти свидѣтельства. Соображенія о древности Осетинскаго населенія въ Крыму. Христіанство крымскихъ Осетинъ, и ихъ значеніе для христіанизаціи прикавказскихъ ихъ родичей. Вопросъ Кирилло-Меθодіевской проповѣди. Заключеніе о состояніи дѣла къ концу періода, стр. 49—72.

Глава вторая.

Періодъ второй (X в.). Политическое могущество Осетіи. Предшествовшая ему междоусобная борьба Историческое значеніе поэмы «Алгузіани» для сужденія о политическомъ состояніи Осетіи въ X вѣкѣ и невозможность ея появленія въ VIII вѣкѣ вопреки мнѣнія Джанашвили (переводчика поэмы). Цари Осетіи по Грузинской лѣтописи. Родственныя и другія связи съ Грузіей, Византіей и Россіей, Значеніе политическаго возвышенія и объединенія Осетіи въ дѣлѣ церковномъ. Крещеніе

Осетинъ и открытіе епархіи. Мѣсте ея въ спискѣ епархій Константинопольскаго патріархата. Зависимость отъ Константиновскаго патріарха и порядокъ избранія іерарховъ. Списокъ ихъ по *Le Quien'у*. Попытка къ точному опредѣленію. Сужденіе о формѣ и степени усвоенности христіанства народомъ за этотъ періодъ, а, письменныя свидѣтельства объ этомъ въ хронологическомъ порядкѣ. Переписка патр. Николая Мистика (X в.) посланіе еп. Өеодора (XIII в.) свидѣтельства Доминиканца Юліана (1235 г.) Рубруквиса (1253 г.) Іосафата Барбаро (1439 г.) и Лаоника Халкондиласа (XV в.) б. Гласъ остатковъ христіанской старины въ жизни Осетинъ. в) Вещественные памятники христіанства обиліе ихъ. Описаніе святынь **въ Чечнѣ** (восточной границѣ древней Осет. территоріи), **Современной Осетіи.** (Центръ террит.), **Горскихъ обществахъ и Большой и Малой Кабардѣ.** (Западн. граница территоріи) Сужденіе о характерѣ и типахъ памятниковъ. Нашествіе Монголовъ. Политическія бѣдствія Осетіи и ихъ значеніе для церкви. Соединеніе Осетинской Митрополіи съ Сотиріупольской, какъ слѣдствіе политическаго ослабленія Осетіи. Паденіе Восточной Имперіи 1453 г. и закрытіе Осетинской епархіи. Стр. 73—101.

Цѣна 1 р. 50 к.

